

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

На правах рукописи

МОРДАСОВ Виктор Геннадьевич

**ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА
НА ЕВРЕЙСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ**

Специальность 09.00.14 – Философия религии и религиоведение
(философские науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук,
профессор
Жуков Артем Вадимович

Чита – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I. Теория и методология исследования еврейской идентичности.....	12
1.1. Основные подходы к исследованию еврейской идентичности.....	12
1.2. Религиозное мифотворчество как фактор формирования еврейской идентичности.....	34
1.3. Дискурс о влиянии религиозного мифотворчества на еврейскую идентичность в израильских, западных и отечественных исследованиях.....	55
ГЛАВА II. Исторические и региональные формы влияния религиозного мифотворчества на еврейскую идентичность.....	79
2.1. Влияние религиозного мифотворчества на еврейскую идентичность на территории Израиля, Европы и Америки.....	79
2.2. Влияние религиозного мифотворчества на еврейскую идентичность в России.....	101
2.3. Влияние религиозного мифотворчества на еврейскую идентичность в Сибири	124
Заключение.....	148
Библиографический список	151

Введение

Актуальность научного исследования. Современный социальный кризис порождает условия для локальных конфликтов и распространения религиозного мифотворчества, используемого различными политическими силами, стремящимися укрепить свое положение указанием на необходимость интеграции в борьбе против деструктивных сил, которым, придается облик «чужих». В этих условиях, так же, как и на протяжении всей истории, роль «чужих» часто приходится играть евреям, которые длительное время сохраняют идентичность, основанную на религиозном мифе, утверждающем, что они избраны Богом для исполнения особой миссии. Причиной является то, что окружающие евреев общества, подвергаясь влиянию рецепции еврейского мифа о богоизбранности, как правило, опасаются евреев. Они делают евреев предметом пристального внимания и распространяют антисемитские мифы о евреях, стремящихся к реализации еврейской «особой миссии», несмотря на значительный вклад, который вносят евреи в развитие материальной и духовной культуры на мировом уровне. В связи с этим евреи остро переживают свою идентичность, однако, несмотря на стремление окружающих обществ к их ассимиляции, а иногда и физическому истреблению, они на протяжении длительного времени выживают, как народ, опираясь на свои религиозные мифы и символы. Поэтому актуальной научной проблемой является поиск ответа на вопрос о том, какое влияние религиозные мифы оказывают на становление еврейской идентичности. Актуальность данного исследования, также связана с тем, что нуждается в дополнительном обосновании формирование научного дискурса о еврейской идентичности в такой дисциплине, как религиоведение, где история и культура еврейского народа стала источником материала, на основании которого выстраивались основные концепции развития религии. При этом, несмотря на наличие многочисленных работ о евреях, предметом специального философского осмысления не становился анализ религиозного мифотворчества, влияющего на становление еврейской идентичности.

Степень научной разработанности темы. Идентичность является предметом рефлексии исследователей, ученых, философов. Положения теории идентичности были изложены З. Бауманом, А. Тешфелом, А. Шюцем, Э. Эриксоном. Значительное влияние на исследования идентичности оказали религиозоведческие труды Р. Н. Белла, М. Вебера, Э. Дюркгейма, М. Мюллера, А. А. Радугина, Э. Тайлора, И. Н. Яблокова доказывающие наличие связи между религиозным, социальным и этническим самосознанием. Психологические и антропологические объяснения влияния религии на становление идентичности разработаны в концепциях У. Джемса, Дж. Мида, К. Г. Юнга. Представления о становлении религиозного самосознания были развиты Л. Е. Бляхером, В. С. Глаголевым, П. Л. Зайцевым, Ю. М. Лотманом, в контексте идей семиотики и теории информации. Влияние религиозного мифотворчества на самосознание проанализировано Р. Бартом, П. С. Гуревичем, Э. Кассирером, А. Ф. Лосевым, М. Элиаде. Еврейская идентичность первоначально разрабатывалась в рамках теологической концепции таких еврейских авторов, как Бен Ниссим, Моисей-бен-Маймун, Л. Рабинович. Философы Просвещения Ж. Ф. Вольтер, И. В. Гёте, Ж. П. Мелвилль, И. Фихте, Р. У. Эмерсон развивали понимание еврейской идентичности, основанное на антисемитизме и критике религии. Еврейские авторы этого периода разработали биологическую концепцию идентичности, представленную в трудах И. Алкалая, И. Бен-Цви, Б. Борохова, Т. Герцля, Г. Греца, М. Нордау, Л. Пинскера, А. Рупина, Р. Н. Саламана. Однако о том, что еврейскую идентичность формируют еврейские гены писали и авторы антисемитского направления, такие как В. Марр и Х. С. Чемберлен. Положения биологической концепции были раскритикованы представителями антропологии Ф. Боасом, Б. Высоцки, П. Джонсоном, З. И. Левиным, Р. Патаем, Н. Пьянко, Г. Л. Шапиро, М. Фишбергом, а также социальной философии Ш. Айзенштадтом, Х. Гансом, С. Гленом, которые представили положения антропологической концепции еврейской идентичности, утверждавшей, что идентичность формируется под воздействием объективных и субъективных факторов. В рамках этой концепции еврейская идентичность в Израиле изучается такими авторами, как Э. Бен-Рафаэл,

Й. Горни, Н. Зильберг, Р. Ш. Лиссак, М. Нижник, С. Смух, Р. Фальк, А. Штейнзальц. В Европе и США при исследовании еврейской идентичности антропологической методологией пользуются Р. Азриа, Б. Вассерстейн, Дж. Вебер, Дж. Вучер, М. Вьевьорк, Д. Гордис, Х. Дониш, Й. Иерушалми, С. Коэн, Ч. Либман, Э. Л. Нитобург, Д. Пинто, Дж. Д. Сарна. В дореволюционной России интерес к еврейской идентичности был проявлен в философских публикациях В. Г. Белинского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Ф. М. Достоевского, Л. П. Карсавина, В. И. Ленина, Д. С. Мережковского, В. С. Соловьева, которых интересовала сущность евреев. Элементы еврейской идентичности были исследованы в исторических работах Б. Д. Бруцкуса, Ю. И. Гессена, С. М. Дубнова, А. А. Ивановского, которые были разделены на «внешнее» и «внутреннее» направления. В современной России еврейская идентичность исследуется в рамках цивилизационной концепции Я. А. Бромбергом, А. Ю. Милитарёвым, В. Мочаловой, Е. Н. Носенко, В. Собкиным, М. А. Членовым, Д. А. Эльяшевичем. Особую тему представляют сибирские евреи, описываемые в традициях «внешнего» исторического направления Г. А. Белковским, А. Я. Горнштейном, Ю. М. Гончаром, Л. В. Кальминой, Л. В. Курасом, В. Рабиновичем, В. В. Романовой, Е. Ш. Соломоном, Н. Б. Галашовой, И. В. Нам, Н. И. Наумовой, Ю. Островским, Е. Н. Тарновским. Однако, невзирая на значительное количество исследований, посвященных еврейской идентичности, в западной и российской научной традиции не рассматривалось влияние религиозного мифотворчества на становление еврейской идентичности.

Объектом исследования является еврейская идентичность.

Предметом исследования определено влияние религиозного мифотворчества на становление еврейской идентичности.

Цель диссертационной работы – выявление особенностей становления еврейской идентичности под влиянием религиозного мифотворчества.

Для достижения этой цели поставлены задачи:

1. Провести сравнительный анализ теоретических подходов к изучению еврейской идентичности.

2. Раскрыть роль религиозного мифотворчества как фактора становления еврейской идентичности.

3. Определить особенности трактовок влияния религиозного мифотворчества на формирование еврейской идентичности в зарубежных и отечественных исследованиях.

4. Охарактеризовать влияние религиозного мифотворчества на становление еврейской идентичности на территории Израиля, Западной Европы и Америки.

5. Проанализировать закономерности влияния религиозного мифотворчества на становление еврейской идентичности в России.

6. Выявить особенности воздействия религиозного мифотворчества на становление еврейской идентичности в Сибири.

Теоретическую базу исследования составили концептуальные подходы к анализу влияния религии на формирование самосознания:

- теория социальной природы религиозного сознания (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Л. Н. Митрохин, М. П. Мчедлов, И. Н. Яблоков);
- теория секуляризации религии (Р. Белла, Т. Лукман, Т. Парсонс);
- теория влияния религиозного мифа на групповую интеграцию (Э. Кассирер, А. Ф. Лосев, Р. Барт, М. Элиаде, П. С. Гуревич);
- теория идентичности (З. Бауман, А. Тешфел, А. Шюц, Э. Эриксон).

Методологическую основу исследования составили подходы:

- структурно-функциональный, используемый для раскрытия специфики религиозных отношений как одного из видов социальных отношений (Л. Леви-Стросс, Н. Луман, Л. Н. Митрохин, И. Н. Яблоков);
- социально-психологический, дающий возможности выявления закономерностей влияния социума на идентичность (П. Бергер, Л. М. Дробижева, А. Кардинер, Х. Тэшфел, Х. Ремшмидт, Т. Г. Стефаненко);
- сравнительно-исторический, формирующий представления об особенностях регионального становления еврейской идентичности (Ю. И. Гессен, С. М. Дубнов, М. А. Членов, А. Ю. Милитарев, Д. А. Эльяшевич).

Методы исследования: метод комплексного анализа, позволивший исследовать взаимодействие иудейского и антисемитского мифов; историко-эволюционный, примененный к исследованию трансформации еврейской идентичности во времени; метод диалога между «Своим» и «Чужим» для анализа влияния мифотворчества на идентичность; методы феноменологии и герменевтики; наблюдение, дедукция, индукция, аналогия, идеализация для анализа взаимодействия внешнего и внутригруппового мифотворчества;

Источниковая база исследования. В ходе работы над исследованием были использованы религиозные тексты Священных Писаний (Тора, Новый Завет, Талмуд), работы по истории евреев (Манефон, И. Флавий, Ф. Аквинский), труды историков еврейской диаспоры (С. Дубнов, Ш. Эттингер, Э. Бикерман). Информационная база диссертации составлена документами (Б. Д. Бруцкус, А. А. Ивановский) и биографическими материалами (Г. Л. Кравцов, Б. Л. Еремин). Отдельную группу представляют публикации на информационных порталах «Чита. Ру» и «Забмедиа». Важным источником явились периодические издания «Евреи Российской Федерации»; журнал «Лехаим», газета «Еврейское слово», выпускаемые Федерацией еврейских общин России. Источником по исследованию антисемитских мифов стали публикации в газетах «Русский порядок» и «Православное Забайкалье».

Научная новизна исследования определяется тем, что:

1. Доказано, что наличие противоположных походов к исследованию еврейской идентичности обусловлено противоречивыми оценками сущности еврейства, следствием чего являются «биологические» и «антропологические» объяснения данного явления.

2. Определено, что религиозное мифотворчество выступает в качестве ведущего фактора формирования еврейской идентичности.

3. Установлено, что критика биологизаторских концепций еврейской идентичности, находящихся под влиянием расового мифотворчества, дала начало антропологическим исследованиям «еврейской идентичности», разделившимся на примордиализм и конструктивизм.

4. Выявлено, что начальным этапом становления еврейской идентичности была иудейская религиозная идентичность, фундаментом которой являлся иудейский миф о богоизбранном народе, однако с началом эпохи Просвещения, большее влияние приобрели этнические мифы, трансформирующие иудейскую в еврейскую идентичность, в то время как иудейский религиозный миф принял латентную форму.

5. Раскрыто, что в России еврейская идентичность развивалась под влиянием внешнего мифа о «черте оседлости», используемого как регулятор коллективной памяти, но сохранилась благодаря внутригрупповому латентному религиозному мифу, связанному с ценностями внутриобщинной синагогальной жизни.

6. Сформулировано положение о том, что становление специфики еврейской идентичности в Сибири определило взаимовлияние внешних негативных факторов и внутригруппового латентного религиозного мифотворчества о «сибирских евреях».

Положения, выдвинутые на защиту:

1. Определение еврейской идентичности как понятия затруднено в связи с тем, что еврейство характеризуется различными религиозными, этническими и культурными особенностями, которые анализируются в таких концепциях, как примордиализм, конструктивизм, инструментализм и цивилизационная концепция еврейской идентичности. Синтез положений указанных подходов создает интерсубъективное видение еврейской идентичности, учитывающее объективные и субъективные, социальные и внутригрупповые факторы ее формирования, влияющие на выбор образа «Я» на сознательном и неосознаваемом уровне, среди которых ведущую роль играют религиозные ценности иудаизма.

2. Еврейская идентичность формируется благодаря влиянию мифологических нарративов, содержание которых определяется влиянием объективных и субъективных, внешних и внутригрупповых факторов. Ключевое влияние на еврейскую идентичность оказывает религиозное мифотворчество, дающее ценностные основания иным элементам идентичности, таким как социальные, этнические, расовые, политические, культурные мифы, символы и др. Религиозные мифы объединяют

евреев в единое целое, что отличает еврейскую идентичность от идентичности евреев, как продукта индивидуального сознания, подверженного внешнему влиянию социального окружения, нацеливающему их на ассимиляцию.

3. Вопрос о сущности еврейской идентичности являлось предметом научной дискуссии, содержание которой зависело от априорных убеждений о факторах ее формирования. Иудейская теологическая концепция утверждала наличие у евреев иудейской идентичности как души, связанной с Богом. В эпоху Просвещения они сменились биологическими концепциями, основанными на мифологической вере в то, что еврейская идентичность связана с еврейскими генами. Расовому мифу противостоит историко-эволюционное направление в примордиализме, а также конструктивизм, представители которых убеждены в том, что евреи обладают еврейской идентичностью, зависимой не от биологии, а влияния других объективных и субъективных факторов. В постсоветский период примордиалистская и конструктивистская методология исследований еврейской идентичности начинают применяться в российской науке, где большое влияние получила методология цивилизационного подхода, что создает возможность для проведения их теоретического синтеза.

4. На начальном этапе еврейской истории доминирующее влияние на евреев оказывал иудейский религиозный миф о богоизбранном народе, формирующий иудейскую религиозную идентичность. Этот миф разделял мир евреев на «своих» и «чужих» и провоцировал распространение религиозного антисемитизма среди окружающих евреев народов. Совпадающая с иудейским мифом иудейская идентичность в период Просвещения подверглась влиянию секуляризации, что привело к распространению светской еврейской идентичности. При этом иудейский миф занял латентный уровень сознания евреев и продолжал оказывать воздействие на еврейскую идентичность, которое шло посредством диалога между сионистскими мифами и антисемитским мифотворчеством, апеллировавшим к латентным религиозным идеям и ценностям. В современном Израиле, Европе и Америке латентные религиозные мифы, наряду с влиянием мифов сионизма и глобализации, продолжают выступать в качестве фактора становления еврейской идентичности.

5. Латентные религиозные мифы оказывали существенное влияние на развитие еврейской идентичности на территории России, где евреи подвергались влиянию русского окружения в условиях многолетней территориальной раздробленности еврейских общин. Еврейская идентичность формировалась благодаря влиянию внешнего антисемитского мифа, стремящегося придать ей характер идентичности евреев, находящихся в рамках «черты оседлости», а впоследствии советского государства. В то же время функцию сохранения еврейской идентичности, выполняло религиозное мифотворчество, выступающее в форме сионистского мифа, а позднее мифа о современном Израиле, успех которых обеспечивали латентные религиозные идеи о «богоизбранности евреев», «земле обетованной» и Исходе.

6. Латентный религиозный миф о «богоизбранном народе» стал основанием формирования еврейской идентичности в Сибири, где она была сформирована посредством мифа о «сибирских евреях», согласно которому они отличаются от евреев «черты оседлости» сибирским характером, в котором были синтезированы черты, характерные для сибирских народов и для богоизбранного народа, сохраняющего свои религиозные традиции. После победы большевиков еврейская идентичность переживала трансформации, подвергаясь влиянию советских мифов, оправдывающих их ассимиляцию, а также сионистских мифов, направляющих их к исходу в Израиль, основанием которых был латентный миф «об Исходе». В постсоветский период, когда сибирских эмигрантов разочаровал образ жизни израильтян, они, ведомые религиозным мифом об «обратном Исходе», вернулись в Сибирь, где, согласно мифу, сохранилась «подлинная вера» предков.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что теория социальной природы религиозного сознания дополнена идеей рецепции идей иудаизма сознанием евреев, часть которых влияет на становление еврейской идентичности. Теория религиозного мифа обогащена идеей взаимодействия между внешним мифом, на который влияют изменяющиеся условия бытия евреев и внутригрупповым мифом, который представляет апелляцию к религиозным константам еврейского сознания, итогом чего является интерсубъективная еврейская идентичность.

Практическая значимость исследования связана с тем, что результаты исследования могут быть применены в практике регуляции взаимодействия общественных организаций и административных органов с Федерацией еврейских общин России, еврейскими общинами Сибирского Федерального округа и зарубежными еврейскими представительствами в рамках проектов, направленных на обеспечение взаимодействия национальных и религиозных общин. Положения диссертационного исследования могут быть использованы в практике преподавания предметов религиоведческой направленности в ВУЗе.

Достоверность и апробация работы. Итоги исследования представлялись на международных научно-практических конференциях: «Перспективы развития социально-гуманитарных и экономических наук в XXI веке» (Белгород, 2018); «Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности» (Уфа, 2018); «Вестник научных конференций» (Тамбов, 2018); «Современные проблемы общественных наук в мире» (Челябинск, 2018); «Единство и идентичность науки» (Стерлитамак, 2018). Диссертация обсуждалась на кафедре философии Забайкальского государственного университета. Содержание работы отражено в 12 авторских публикациях, в том числе в 4 статьях, напечатанных в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ и 1 статье, опубликованной в журнале, рецензируемом Scopus. Общий объем 3,25 п. л. (74 с.).

Структура диссертационного исследования состоит из Введения, двух глав, 6 параграфов, Заключения и библиографического списка.

ГЛАВА I. Теория и методология исследования еврейской идентичности

1.1. Основные подходы к исследованию еврейской идентичности

Современное общество детерминировано процессами, связанными с распространением глобализации, а также ассимиляции, которые являются причиной экономической и культурной модернизации, ведущей к девальвации ценностей традиционного общества. Этот процесс согласно концепции И. Валлерстайна, характеризуют тенденции социогенеза, согласно которым в кризисном обществе образуется множество групп, стремящихся к обретению идентичности, способствующей упрочению групповой солидарности в борьбе за выживание против других групп¹. Ярким примером таких процессов является история евреев, влияние которых на развитие мировой культуры так значительно и неоднозначно, что еврейская тема уже давно стала предметом рефлексии ученых и философов, которые как пишет М. Мейер, сталкиваются с необходимостью определения еврейской идентичности².

Принято считать идентичность неотъемлемой частью «Я-концепции» личности, возникающей по причине осознания собственной причастности к некой группе, а также тем значением, которое придавалось этой принадлежности. Так, по мнению Х. Тэшфела, субъект отождествляет себя с группами, которые представляются ему значимыми, для чего используется социальная категоризация и социальное сравнение. Результатом этого является формирование его идентичности, которая носит социальный характер, вместе с этим в зависимости от преимущественной ориентации какой-либо социум может принимать этнический, религиозный или гражданский вид³.

Теория социальной идентичности, представленная Э. Эриксоном, выделяет идентификационные модели, которые определяют уровни взаимодействия между

¹ Валлерстайн И. После либерализма: монография. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 10.

² Meyer M. A. *Jewish Identity in the Modern World: monograph*. Seattle: University of Washington Press, 1990. 110 p.

³ Taifel H. *Social identity and intergroup relations: monograph*. Cambridge: Paris, 2002. Pp. 144-167.

разными видами идентичности¹. Однако в процессе изучения идентичности евреев имеется проблема, отмеченная М. Бубером и заключающаяся в том, что еврейство, не соответствует ни одной из этих моделей. Уникальность евреев заключается в том, что их невозможно втиснуть в какую-либо классификацию и подвести под какую-либо схему. Евреи не могут причислять себя к представителям определенного этноса или государства по критерию принадлежности к ним, так как долгое время находились в рамках диаспоры, то есть вне влияния единой этнической или государственной концепции. При этом критерий принадлежности к одной религии тоже не работает, так как большинство евреев, начиная с XIX в. были затронуты секуляризацией и модернизацией².

Эту мысль подтверждает структура еврейского мирового сообщества, которое состоит из множества различных групп, таких как израильские евреи, евреи западного мира и евреи, являющиеся выходцами из Советского Союза. Все они, как пишет М. Членов, обладают существенной разницей в культуре и этнической идентичности, однако, несмотря на это, а также на широко распространившееся среди евреев влияние секуляризации и ассимиляции, еврейская идентичность у большинства из них сохраняется и развивается³. Это, по мнению Е. А. Копылковой, делает актуальным вопрос определения факторов, влияющих на становление и трансформации еврейской идентичности в разных регионах⁴. При его разрешении исследователи сталкиваются не только с необходимостью определить сущностное содержание еврейской идентичности, но и с тем, что им нужно объяснить, чем отличается идентичность у таких групп, как сефарды и ашкеназы, «русские» и «марроканские» евреи, а также выходцы из таких стран как Ирак, Польша, Йемен и т.д. Кроме этого, как указывает Т. Хоровиц, одной из сложных проблем являются различные

¹Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: монография. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

²Buber M. Der Jude und sein Judentum. Ergänzungsband zur dreibändigen Werkausgabe: monograph. Köln, Melzer 1963. 837 S.

³Членов М.А. Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспоры. М., 1999. № 1. М. С. 34-56.

⁴Копылкова Е. А. Изучение особенностей еврейской этнической идентичности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3264 (дата обращения: 10.01. 2018).

еврейские идентичности, которые обнаруживаются даже в рамках израильского общества, где евреи, вышедшие из разных стран, став израильтянами, тем не менее, продолжают жить в рамках замкнутых общин, сохраняющих идентичность стран исхода¹.

Отсюда понятно, что взгляды на то, какой должна быть еврейская идентичность, имеют значительные отличия в зависимости от региона расселения еврейских групп, а также от принадлежности носителей этой идентичности к светской, либо религиозной страте. Например, в Израиле, вопрос идентичности упирается в разрешение дихотомии «еврейско-израильской» идентификации, решаемой в процессе соотнесения себя с ценностями ортодоксального иудаизма и требованиями соблюдения его постулатов. Кроме этого, израильтяне, выбирая израильскую идентичность, пишет Ц. Либман, решают, является ли она непреложной совокупностью обязанностей, либо обязанности гражданина зависят от дополнительных личностных уровней идентичности, ведь разные группы израильского общества по-разному представляют качественные характеристики еврейского «Я»².

Как отмечает М. Галесник, современные израильтяне в большинстве ориентированы на две базовые идентификационные модели, одну из которых представляет аналог западной модели еврейской идентичности, ориентированной на светские ценности, другую – доминирование сущностных религиозных или биологических ориентиров и доминант, базирующихся на вере в избранность народа Израиля³. Представители первой модели основываются на положении о том, что государство Израиль является светским, так как главой государства может быть представитель любой конфессии. Их оппоненты, такие как Ц. Либман и Е. Кац, убеждены, что официальная религия в Израиле существует, несмотря на законодатель-

¹Horowitz T. Children of Perestroika in Israel: monograph. Lanham; NY; Oxford: University Press of America, 1999. Pp. 31-34.

²Liebman C. S., Katz E. The Jewishness of Israelis: monograph. NY: State University of New York Press, 1997. 188 p.

³Галесник М. В куще событий // Geo. 2012. № 9. С. 84-93.

ные ухищрения в лице религиозной организации под названием верховный раввинат, пользующейся безоговорочным авторитетом¹. В то же время, по их мнению, для евреев, находящихся в диаспоре, важны иные составляющие еврейской идентичности². Например, как обращает внимание Ц. Гительман, в США большинство евреев воспринимают себя только как религиозную группу³. В странах бывшего Советского Союза, по мнению Е. Носенко-Штейн, евреи привыкли считать еврейство чем-то, основой чего является родословная, национальность и чувства, а не верования или религиозное поведение⁴. Таким образом, евреев характеризует многообразие имеющихся различий между сообществами, проживающими в различных культурных и даже языковых условиях, однако они считающими себя единым народом, обладающим единой историей, культурой и религией. Но тогда, что же объединяет эти различные группы в единый народ, и благодаря каким факторам это происходит? Отвечая на эти вопросы, исследователи сталкиваются с необходимостью выделения субстанциональных и атрибутивных факторов формирования идентичности, где Е. А. Александрова выделяет два методологических подхода: подход, связанный с проведением исследований сущности идентичности; и подход, ориентированный на эмпирические описания факторов формирования и трансформации идентичности⁵.

Представители первого подхода настаивают на значимой роли, которую играют биологические и генетические основания формирования идентичности. Методологическая позиция группы биологизаторов определяется трудами, которые исходят из веры в то, что идентичность предполагает наличие в изменяющемся

¹Liebman C. S., Katz E. *The Jewishness of Israelis: monograph*. NY: State University of New York Press, 1997. 188 p.

²Liebman C., Don-Yehiya E. *Civil Religion in Israel: monograph*. Berkeley: University of California Press, 1983. 308 p.

³ Gitelman Z. *Immigration and identity: The resettlement and impact of Soviet immigrants on Israeli politics and society: monograph*. Los Angeles, CA : Wilstein Institute of Jewish Policy, 1995. Pp. 44–45.

⁴Носенко-Штейн Е. А. *Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: дисс. докт. ист. н.: 07.00.07. М., 2005. 546 с.*

⁵ Александрова Е. А. *Религиозная идентичность в российских культурно-антропологических исследованиях // Culture and Civilization, 2015. Т. 6. С. 10-22.*

личностном бытии не изменяющейся во времени биологической и генетической основы. Ведущим фактором складывания общности здесь, как указывает В. Тишков, объявляются «биологические предпосылки» и «общее генетическое происхождение»¹. Данная методология является основанием для проведения исследований, обосновывающих позиции сионизма, которые ведут Ф. Лондон и Б. Хазан², Н. Вэйль и С. Поссоны³, Э. Ван Ден Хааг⁴, С. П. Сноу⁵, А. Моурант, А. Копек, Доманевска-Собчак⁶, С. Милл и Е. Кобелинский⁷, Дж. Зофар, П. Смит и Е. Кайе⁸, защищающие убеждения о том, что евреи обладают генетическим, культурным, моральным единством и превосходством над другими народами.

Однако многие выводы, связанные с исследованиями сущности евреев в рамках биологической концепции этноса, для которых этничность представляет собой неизменную и передаваемую по наследству сущность, ставятся под сомнение антропологическими концепциями идентичности, ориентированными не столько на стремление понять сущность идентичности, сколько на анализ факторов ее становления и функций, выполняемых ею. Представители этого подхода, как отмечает Е. Копылкова, отрицают то, что идентичность передается как генетический капитал⁹.

¹Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии: монография. М.: Наука, 2003. С. 116.

² London P., Chazan B. Psychology and Jewish Identity Education: monograph. N.Y.: American Jewish Committee, 1990. Pp. 23-140.

³ Weyl, N., Possony, S. Geography Of Intellect: monograph. Chicago: H. Regnery Co. The Intelligence Of Applicants For Admission To Jewish Day Schools. Jewish Social Studies, 1963. Vol. 19. p.29-140.

⁴Van den Haag, E. The Jewish Mystique: monograph. New York, Stein and Day, 1969. 252 p.

⁵Сноу С. П. Портреты и размышления: монография. М. Прогресс, 1985. С. 195-226.

⁶ Mourant, A. E., A. C. Kopeck, K. Domaniewska-Sobczak. The Genetics of the Jews: monograph. Oxford, England: Clarendon Press, 1978. 122 p.

⁷ Mille, S., Kobylansky, E. Dendatoglyphic Distances Between Israeli Jewish Population Groups Of Different Geographic Extraction // Human Biologv. 1985 Pp. 111.

⁸ Sofaer J. A, Smith P, Kaye E. Affinities Between Contemporary And Skeletal Jewish And Non-Jewish Groups Based On Tooth Morphology // American Journal Of Physical Anthropology, 1986. Pp. 275.

⁹ Копылкова Е. А. Изучение особенностей еврейской этнической идентичности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3264 (дата обращения: 17.02.2018).

Обоснованию этой идеи были посвящены работы классиков культурной и религиозной антропологии Э. Тайлора¹, Дж. Фрезера², Б. Малиновского³, Ф. Боаса⁴, положения которых развивались А. А. Арутюняном⁵, Ю. В. Бромлеем⁶, К. Гирцом⁷, Л. Н. Гумилевым⁸, С. Т. Калтахчяном⁹, С. В. Лурье¹⁰, Э. Шилзом¹¹. К числу последователей этого направления среди исследователей еврейского народа принадлежит подавляющее большинство представителей зарубежной и российской классической исторической науки, таких как Ш. Эттингер¹², П. Джонсон¹³, Д. Фишман¹⁴, С. М. Пилкингтон¹⁵, И. Никольский¹⁶. Это направление получило название примордиализм, так как считало, что формирование идентичности проходит под влиянием ряда устойчивых объективных факторов, таких как географическое положение, происхождение, общий язык, сложившиеся традиции воспитания и устои культуры, которые определяют этническое, религиозное, историческое единство общностей.

Положения о том, что идентичность формируется объективными факторами, подтверждались иными представителями антропологического подхода, такими как

¹Тайлор Э. Б. Первобытная культура: монография. М.: Политиздат, 1989. 573 с.

²Фрезер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете: монография. М.: АСТ; Ермак, 2003. 542 с.

³Малиновский Б. Магия. Наука. Религия: монография. М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.

⁴Боас Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т.1.С. 499-508.

⁵Арутюнян Ю. Об этнических компонентах российской идентичности // Социологические исследования, 2009. №6. С. 38-44.

⁶Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М.: Наука, 1987. 333 с.

⁷Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays: monograph. NY, Campus, 1973. P. 268-309.

⁸Гумилев Л. Н. О термине этнос // Доклады отд. и комиссий Геогр. о-ва СССР. Л., 1967. Вып. 3: Этнография. С. 3-17.

⁹Калтахчян С. Т. Исторические формы общности людей: монография. М.: Политиздат, 1966. 56 с.

¹⁰Лурье С. В. Историческая этнология: монография. М., Аспект Пресс, 1997. 448 с.

¹¹Шиллз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972, с.341-359

¹²Эттингер Ш. История еврейского народа: монография. Гешарим: Мосты культуры, 2001. 688 с.

¹³Джонсон П. Популярная история евреев: монография. М.: Вече, 2000. 672 с.

¹⁴Фишман Д., Высоцки Б. От Авраама до современности. Лекции по еврейской истории и литературе. М.: РГГУ, 2002. 400 с.

¹⁵Пилкингтон С. М. Иудаизм: монография. М.: ФАИР-Пресс, Информпресс, 1999 г. 400 с.

¹⁶Никольский Н. М. Избранные произведения по истории религии: монография. М. Мысль, 1974. 269 с.

конструктивисты, однако, по их мнению, примордиалистская трактовка идентичности не учитывала возможности трансформации идентичности, что лишало ее эвристического значения. Они доказывали, что идентичность формируется только в процессе сознательного создания образа себя и мира в процессе взаимодействия между ними посредством интеракций. Теоретиками этого направления Б. Андерсоном¹, Ф. Бартом², Э. Геллнером³, Э. Хобсбаумом⁴, в качестве алгоритма формирования идентичности стала признаваться операция, в течение которой «воображаемая общность» конституировалась в сознании ее носителей, объединенных верой в наличие естественных связей. Для этих представителей постмодернистской антропологии этнические группы являются сообществами, носящими ситуативный характер, зависящий от меняющихся внешних условий⁵. Это направление, по мнению Ж-М. Тета, утверждает, что идентичность группы есть элемент ментальной структуры – сложного, социально конструируемого явления, связанного с ощущаемой его членами общностью. Условием формирования идентичности является воздействие на коллективную память⁶.

Схожей позиции при обсуждении природы идентичности придерживаются авторы постмодернистского направления, для которых ключевым является вопрос о переживании идентичности в качестве некой целостности. Постмодернистские авторы обсуждают проблематику взаимосвязи различных компонентов самосознания, в которых «я» противопоставлено «реальному», «идеальному», «антиидеалу»⁷.

¹Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма: монография. М.: Канон-Пресс, 2001. 333 с.

²Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries»: monograph. Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. P. 11-32.

³Геллнер Э. Нации и национализм: монография. М.Прогресс, 1991. 320 с

⁴Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition: monograph. Cambridge: CambridgeUniversity-Press, 1992. 320 p.

⁵Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behaviour // Psychology of Intergroup Relations. Chi.:Nelson-Hall, 1986. P. 15

⁶Тета Ж-М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикёра // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 2. С.100-121.

⁷Собкин В. С., Грачева А. М. К психологии еврейской идентичности // Этнос, идентичность, образование. М.: Российская Академия образования, 1998. С. 105-141.

Идентичность, по мнению Ж. Делеза¹ и Р. Барта² это субъективная сторона осознания своей сущности человеком и группами, представленная групповым сознанием и чувством солидарности, понимаемым, как попытка собрать разваливающийся мир заново³.

Исследования еврейской идентичности с учетом конструктивистских и постмодернистских тенденций проводятся главным образом в Америке, где популярность приобрела концепция множественных модернов Ш. Айзенштадта, который развивает идею, о том, что инструментом создания идентичности является рефлексивность, возникающая как ответные действия на попытки влияния со стороны окружающих, в которых могут быть задействованы и новации, связанные с проникновением модерна в культуру и традиционные ценности. Как он полагает, «идентичность множественных модернов» формируется благодаря разнообразному репертуару ролей и коллективных идентичностей, выходящему за пределы наций-государств, локальности и семьи, коллективным идентичностям и возможностям принадлежать к транслокальным и транснациональным сообществам⁴. Схожих позиций придерживаются С. Гленн и Н. Соколофф, по мнению которых еврейская идентичность вылепливается заново, по причине того, что опыт каждой личности в современных условиях слишком сложен и отличен от предшествующих опытов, а также от ранее данных формальных определений, указывающих на то, что кем должен быть «настоящий еврей»⁵.

При этом необходимо отметить, что тенденция, которая с точки зрения представителей постмодерна определяет структуру взаимодействия группы и окружающего общества, направлена на ее ассимиляцию. Поэтому, если эта тенденция на

¹ Делез Ж. Различие и повторение: монография. СПб.: Петрополис, 1998. С. 237.

² Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries». Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. P. 11-32.

⁶ Хотинец В. Ю. Формирование этнического самосознания студентов в процессе обучения в вузе // Вопросы психологии, 1988. № 3. С. 31-43.

⁴ Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations And Multiple Modernities: monograph. Daedalus; Winter, 2000. 129 p.

⁵ Glenn S. A., Sokoloff N. B. Boundaries of Jewish identity: monograph.. Seattle : University of Washington Press, 2010. 249 С.

деле была бы доминирующей, то это привело бы к утрате идентичности большинства из современных этносов. Однако этого не происходит, потому что этнические группы, выживая в современном мире, противопоставляют ему стратегию консолидации, основанную на актуализации аффективных, ценностных компонентов переживания своей идентичности, что не учитывается постмодернистами. Это свидетельствует о том, что конструктивизм также, как и примордиализм, имеет методологические ограничения. Поэтому, применительно к практике исследований еврейской идентичности, обоснованной представляется точка зрения З. Баумана¹, Р. Брубейкера², Р. Винера³, основанная на утверждении о необходимости синтеза этих точек зрения. Этот подход, как призывает М. Мерло-Понти, должен признавать, что идентичность есть результат сознательного ментального выбора, однако процесс формирования идентичности проходит как на сознательном, так и неосознаваемом уровне⁴. Согласно данной концепции идентичность можно считать, фундаментальной характеристикой группового бытия, в которой отражены представления о тождественности человека самому себе.

Рассмотрение идентичности еврейских групп, с учетом положений примордиализма и конструктивизма, должно основываться на положении о том, что развитие еврейского сообщества зависит от сложной системы факторов, детерминирующих формирование развитие самосознания во взаимосвязи дифференцирующих признаков, не зависящих от человека (территория формирования, язык, происхождение) и субъективных характеристик (менталитет, сознание и самосознание, образы и стереотипы). При этом важно понять, что данное определение указывает на сложную структуру идентичности, в которой, как показывают Р. Водак, Р. Циллиа, М. Рейзинг, имеется легко конструируемый уровень, связанный с внеш-

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество: монография. М., 2002.

² Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. P. 14-35.

³ Винер Б.Е. Возвращение к вере предков. Конструирование современной этноконфессиональной идентичности (на примере Санкт-Петербурга) // *Диаспоры / Diasporas*. 2002. № 4. С. 200-220.

⁴ Мерло-Понти М. От Мосса к Клоду Леви-Стросу: монография. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 97.

ним влиянием, и субстанциональный уровень, имеющий происхождение в устойчивых внутригрупповых представлениях¹. Ведущее значение для организации внешнего влияния на группу, принадлежит государствам, которые как доказывает Э. Геллнер, стремятся объединить людей, проживающих на их территории в общности под названием «единый народ». Для этого применяется стандартизированный язык, национальный рынок труда и обязательное образование². Особое место, как показывает Г. Р. Шакурова, уделяется такому фактору, как влияние средств массовой информации, среди которых в последнее время лидерство получили электронные медиа. Но важно, что факторами групповой идентичности признаются не только внешние обстоятельства, способствующие созданию образа единства, но и не рационализируемые ощущения этой общности³. Ключевым фактором в этой системе выступает религия группы, которая как доказывает В. Ф. Анурин, обладает большим когнитивным потенциалом, дающим возможность сочетать нравственные учения, возможности науки и способствовать положительному преобразованию мира⁴.

Несмотря на то, что эта методология формирования, она основана на значительном материале, который опубликован в разнообразных философских и междисциплинарных исследованиях, где становление идентичности субъекта понимается как результат его взаимодействия с обществом в конкретных условиях бытования⁵. Такая теоретическая база сформирована в трудах М. Вебера⁶, Ф. Гиддинса⁷,

¹Wodak R., Cillia R., Reisingl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity: monograph. Edinburg: Edinburg University Press, 1999. P. 11

²Геллнер Э. Нации и национализм: монография. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

³Шакурова Г. Р. Этническая идентичность, как вид социальной идентичности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=2060 (дата обращения: 22.03.2018).

⁴Анурин В. Ф. Религия как фактор социальной интеграции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/06/05/1251218793/Anurin.pdf> (дата обращения: 20.03.2018).

⁵Асылгужин Р. Р., Файзулин Ф.С. Этничность и этническая идентичность: монография. Уфа: Гилем, 2005. 140 с.

⁶Вебер М. Избранные произведения: монография. М: Прогресс, 1990. 808 с.

⁷Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, traditions and aesthetics in the modern social order: monograph. Stanford: StanfordUniversityPress. 1994. 340 p.

Э. Дюркгейма¹, А. Тойнби², З. Фрейда³, Э. Фромма⁴, Т. Парсонса⁵, П. Сорокина⁶, К. Леви-Стросса⁷, П. Бурдьё⁸, М. Кастельса⁹, Ж. Бодрийяра¹⁰, А. Шюца¹¹, Э. Эриксона¹², которые подчеркивают связь идентичности, как с социальными явлениями, так и с доминирующим в группе социально-психологическим идеалом.

Прежде всего, необходимо сказать, что на современную парадигму идентичности оказало влияние, данное М. Вебером определение этноса, как группы людей, объединенных верой в единое происхождение, чему способствует общая память, схожесть внешнего облика, традиций и культуры¹³. Наиболее значимым элементом этого определения, на наш взгляд, является его указание на ментальный характер идентичности, зависящей от внешнего влияния. При этом не менее важным было включение в состав факторов тех обстоятельств, которые оказывают устойчивое и постоянное воздействие, формирующие устойчивые признаки идентичности, которые признаются базовыми в примордиальном подходе.

П. Бурдьё доказывал, что идентичность является вариативной, динамической структурой социальных различий, которая детерминируется практическими нуждами сообщества, создаваясь как выражение его нужд и подкрепляясь осознанно

¹Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение: монография. М.: Канон, 1995. С. 154.

²Тойнби Дж. Постижение истории: монография. М.: Прогресс, 1991. С. 93

³Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Тбилиси, 1991. Кн. 1. 1991. С. 71-138

⁴Фромм Э. Бегство от свободы: монография. М.: Прогресс, 1989. 272с.

⁵Parsons T. The Social System: monograph. Glencoe: FreePress, 1951. P. 41-42.

⁶ Сорокин П. А. Система социологии: монография. Пг.: Колос, 1920. Т. 1. С. 261-287.

⁷ Леви-Строс К. Предметная область антропологии / Путь масок: монография. М.: Республика, 2000. С. 357-383.

⁸Бурдьё П. Социология политики: монография. М.: Socio-Logos, 1993. С.99-158.

⁹Кастельс М. М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: монография. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

¹⁰Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна. Минск: Красико-Принт, 1996. 360 с.

¹¹Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования, 1988. № 2. С. 129-137.

¹²Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: монография. М.: Прогресс, 1996. 246 с.

¹³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. С. 61-272.

или неосознанно принимаемыми членами сообщества правилами или предписаниями. Развитие идентичности у П. Бурдьё связывается с внешним социальным влиянием, которое оказывают на группу общественные условия, и с анализом внутренних установок группы, которые помогают ей сохранять аутентичность в условиях этого влияния¹. Эта точка зрения подтверждается К. Лэшэм, который рассматривает идентичность в качестве начальной «самости», приобретающей рефлексивные и критические способности, под влиянием материальных условий бытования и социальных традиций группы. К. Лэш доказывает, что идентичность формируется в рамках взаимодействия между социумом и личностью, стремящейся не только к социальной адаптации, но и сохранению себя². Синтетические основания идентичности рассматривал Г. Лебон³, который утверждал, что единство социальной группы определяет единство языка, политического уклада и среды проживания и менталитета.

При этом наиболее четко положения, указывающие на возможность синтеза положений примордиализма и конструктивизма, прозвучали в концепциях социальной адаптации, разрабатываемых в интеракционизме и социальной психологии, которые уделяют внимание анализу взаимодействия и взаимовлияния между членами социальных групп. В социальной психологии эта точка зрения развивается Г. Люббе⁴, А. Смитом⁵, Х. Тэшфелом⁶, доказывающими, что определение идентичности зависит от размещения в объективном мире и субъективного усвоения этого мира. В качестве факторов формирования идентичности П. Бергер и Т. Лукман отмечают процессы социального взаимодействия, создающие константы субъективной реальности. Однако не меньшее значение имеют «организмические» факторы,

¹Бурдьё П. Социология политики: монография. М.: Socio-Logos, 1993. С. 99-158.

²Лэш К. Восстание элит и предательство демократии: монография. М.: Логос, Прогресс. 2002. 224 с.

³Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/309/psihologia.pdf> (дата обращения: 21.02. 2018).

⁴Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 111.

⁵Smith A. National Identity: monograph. London; N.Y.: Penguin Books, 1991. P. 25.

⁶Tajfel H. Human groups and social categories Studies in social psychology. Cambridge: CUP Archive, 1987. 430 p.

куда входят как биологические, так и социальные явления, и социальные структуры¹.

Формирование идентичности в концепции А. Тэшфела подчинено стремлению человека к обретению единства с сообществом, представляющим позитивно оцениваемую группу, в процессе которого он определяет себя с помощью социальной категоризации, то есть отделения себя от других и последующего сравнения с ними. Согласно этой концепции, существование группы может продолжаться и в условиях преследований, причиной чему является способность группы противопоставить отрицательному внешнему влиянию внутригрупповую альтернативу. По мнению А. Тэшфела, социальная идентичность является наиболее общим понятием среди различных типов идентичностей. Она представляет систему, в которой объединены когнитивная идентичность, заключающаяся в признании принадлежности группе, и онтологическая идентичность, заключающаяся в эмоциональном переживании человеком единства с указанной группой. Под термином «идентичность» он понимает фиксацию результата взаимодействия внешнего социального и внутригруппового, субстанционального влияния на самовосприятие социальной группы².

Согласно А. Кардинеру, в условиях социальной стабильной представитель этнической группы приобретает идентичность, навязываемую ему этой группой естественно, по рождению. Однако в дальнейшей жизни он постоянно адаптируется к условиям жизнедеятельности³. В концепциях Дж. Мида⁴, Ч. Кули⁵, Х. Ремшмидта⁶ идентичность понимается как система, на которую оказывают влияние

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: монография. М. Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 119.

² Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behaviour // Psychology of Intergroup Relations. Chi.: Nelson-Hall, 1986. P. 7.

³ Kardiner A., Linton R. The Individual and His Society: monograph. N. Y.: Columbia University Press, 1939. P. 431.

⁴ Мид Дж. Г. Избранное: монография. М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. М., 2009. 290 с.

⁵ Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок: монография. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.

⁶ Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности: монография. М.: Мир, 1994. С. 214.

ситуативные факторы (социальные, политические, международные), биологические (гендерные, расовые) и примордиальные (этнические, религиозные) факторы, в рамках которого протекает социализация индивидов, формирующих «Я»-концепцию, переходящую на уровне группы в «Мы»-концепцию¹. На одном из структурных уровней идентичности наблюдается преобладание факторов, связанных с сознанием и рационализацией, на другом, связанных с биологией, на третьем приоритет получает историческая традиция. Для интеракционистов важно положение о том, что идентичность формируется не только в «голове», но и в «сердце» индивида.

Положения, утверждающие синтетический характер идентичности подтверждаются идеями понимающей социологии и феноменологии, представленной М. Ф. Бендлом², Э. Гофманом³, А. Шюцем⁴, которые понимают идентичность как ментальный образ, связанный с практикой самоинтерпретации, причиной которой является процесс социального взаимодействия. С этими идеями согласны представители социальной философии в лице Ш. Шварца⁵, З. Баумана⁶, М. Кастельса⁷, считающие, что трансформация идентичности обусловлена целерациональной детерминацией, используемой для достижения интеграции. При этом, их убеждение о том, что основным механизмом создания идентичности является конституирование воображаемого сообщества дополняется констатацией того, что людей объединяет их вера в наличие объективно существующих естественных связей.

¹ Этническая, религиозная и гражданская идентичность и толерантность московской молодежи (на примере русской и еврейской выборок) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/60/index-177606-17.html> (дата обращения: 24.03. 2018).

² Бендл М. Ф. Кризис «идентичности» в эпоху высокого модерна // Социальные и гуманитарные науки, 2003. № 2. С.58.

³ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: монография. М: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.

⁴ Шюц А. Аспекты социального мира // Смысловая структура повседневности мира : очерки по феноменологической социологии. М.: Инст-т фонда «Общественное мнение», 2003. С.114.

⁵ Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство: монография. СПб.: Речь, 2004. 72 с.

⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество: монография. М.: Логос, 2002. С. 186.

⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: монография. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

На территории нашей страны обоснование этой точки зрения осуществлено в трудах О. А. Богатова¹, М. П. Мчедлова², О. В. Бондаренко³, подчеркивающих целостный характер феномена идентичности, в котором неразрывно существуют индивидуальное и коллективное сознание, объединенные под влиянием системы внешних и внутригрупповых социальных детерминант, таких как этническая принадлежность, семья, образование, СМИ, имеющих функции социализации и формирования личности. Например, согласно И. В. Малыгиной идентичность представляет феномен, обусловленный ментальным опытом народа, сформированным рядом социальных, экономических и политических факторов, куда входят межэтнические и межнациональные взаимодействия, а также политико-идеологические стратегии этнонациональных элит⁴.

Сегодня необходимость толкования идентичности, с учетом методологии различных подходов доказывается в публикациях Б. Е. Винера⁵, И. Ю. Заринова⁶, М. О. Мнацаканяна⁷, которые отмечают, что для более адекватного понимания идентичности необходимо применять комплекс философских, социологических, психологических, этнографических подходов, что формирует представления о междисциплинарном и полипарадигмальном характере идентичности. Например, междисциплинарный подход развивается в работах В. Э. Багдасарьян и М. И. Гельвановского, которые анализируют общие основания формирования национальной

¹ Богатов О. А. Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии // Социологические исследования, 2011. № 8. С. 114-122.

² Мчедлов М. П. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания: монография. М.: Культурная революция, 2009. 394 с.

³ Бондаренко О. В., Леонова М. С. Религиозная идентичность: экспликация понятия // Гуманитарные и социальные науки. Сер. Социология. 2010. № 6. С. 285-291.

⁴ Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность: дис. ... д-ра филос. наук: М., 2005. 305 с.

⁵ Винер Б. Е. Бывает ли у этноса сущность и сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии, 2005. Т. VIII. № 2. С. 142-164.

⁶ Заринов И. Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение, 2000. № 2. С. 3-18.

⁷ Мнацаканян М. О. Культуры. Этнос. Нации: Размышления об истоках и природе национальной общности: монография. М.: МГИМО, Университет, 2005. 352 с.

идентичности, в качестве которых они рассматривают этнос, культуру, язык, гражданство, религию¹. Большое внимание они уделяют информационным ресурсам, в частности, тем, которые создают возможность манипуляции массовым сознанием.

Наиболее ярким примером попытки синтеза методологически положений примордиализма и конструктивизма в сфере исследований этнической идентичности, является инструментализм, представленный работами Дж. Маккея, Ж. Де Воса и Л. Романуччи-Росса, С. Олзака, Дж. Нэйджела и др. которые исследуют трансформации идентичности этноса². В частности, они видят заслугу примордиализма в его внимании к аффективной основе этничности, но подчеркивают необходимость учитывать актуальные групповые интересы. Например, С. Олзак и Дж. Нэйджел защищают тезис о том, что возникновение, а вслед за этим, усиление или ослабление этнической идентичности происходит вследствие внешнего социального влияния³. Одновременно, они указывают на символический характер идентичности, который доказывает, что идентичности сама может влиять на этническое поведение, ценности и символы людей⁴.

Идентичность с точки зрения Ж. Де Воса и Л. Романуччи-Росса, представляет собой образ группы, которая использует его в качестве субъективной, символической стратегии дифференциации себя от других⁵. Х. Ганс подчеркивает, что в Америке этот образ очень часто используется еврейскими эмигрантами, обращающимися к своей культурной традиции и прошлому, выступающему в мифологических образах⁶. По мнению И. С. Пьянко между генетическим происхождением и соци-

¹Багдасарян В. Э., Гельвановский М. И. Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы: монография. СПб.: Алетейя, 2015. 592 с.

²Mc Kay J. An Exploratory Synthesis of Primordial and Mobilizationist Approaches to Ethnic Phenomena // *Ethnic and Racial Studies*. 1982, V. 5 (4). P. 399

³Olzak S., Nagel J. Introduction, Competitive Ethnic Relations: An Overview // Olzak S., Nagel J. (eds.). *Competitive Ethnic Relations*. FL: Academic Press, Inc: Orlando, 1986. P. 4-5.

⁴Gans H. J. Symbolic Ethnicity and Symbolic Religiosity: Towards a Comparison of Ethnic and Religious Acculturation // *Ethnic and Racial Studies*, 1994. V. 17 (4). P. 577-592.

⁵de Vos G., Romanucci-Ross L. *Ethnic Identity: monograph*. Chicago: Quadrangle Books, 1982. P. 16.

⁶Gans H. Symbolic Ethnicity: the Future of Ethnic Groups and Cultures in America // *Ethnic and Racial Studies*. 1979. V. 2 (1). P. 1-20.

альным согласием по поводу отношения к своей этничности не прочерчено разделительной черты¹. Причиной этого является утверждение о том, что даже если генетика сама по себе не определяет судьбу, но вера, основанная на генетике, позволяет делать осознанный выбор своей этнической идентичности. Делая практический вывод из этого посыла, Л. К. Берман доказывает, что еврейская идентичность меняла свои параметры от по преимущественно религиозных к преимущественно этническим². Об изменениях в содержании еврейской идентичности пишет в своей работе З. И. Левин, который разработал собственную концепцию особенностей менталитета евреев. Согласно его мнению, евреи характеризуются диаспорным сознанием, которое существует объективно, но интенсивно меняется под воздействием внешнего социального влияния, которое приводит иммигрантов к ассимиляции, маргинализации и аккультурации³.

Таким образом, в методологии инструменталистов идентичность отождествляется с нормами, верованиями, ценностями, чувствами общности, эмоциональной привязанностью, то говорит о ней как о психическом конструкте⁴. Однако, представители инструментализма, которые критически относятся к биологизаторству и примордиализму, не принимают целиком и положения Ф. Барта, который отмечал, что причисление себя к евреям, должно быть достаточным основанием для обретения еврейской идентичности⁵. Анализ идентичности евреев с точки зрения инструментализма объясняет еврейскую идентичность как единство объективного и субъективного, как феномена, взаимообусловленного особенностями развития еврейского этноса⁶.

¹ Пьянко И. С., Щербина Е. Н. К проблеме становления этнической идентичности растущей личности // Гуманитарные и социальные науки, 2016. № 6. С. 261.

² Berman L. A. Jews and Intermarriage. Summary, Conclusions, Discussions // The Blending American. Patterns of intermarriage. Chicago; N.Y.: Quadrangle Books, 1972. P. 245-285.

³ Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ): монография. М.: ИВ РАН - Крафт+, 2001. С. 107-130.

⁴ Gans H. J. Symbolic Ethnicity and Symbolic Religiosity: Towards a Comparison of Ethnic and Religious Acculturation // Ethnic and Racial Studies, 1994. V. 17 (4). P. 577-592.

⁵ Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Universitets. London: Forlaget: Bergen -Oslo; George Allen & Unwin, 1969. P. 9-38.

⁶ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: монография. М.: РАН, «Академический проект», 1999. С. 136.

Однако у инструменталистского подхода имеется недостаток, которым многие авторы считают недостаточное внимание к культуре, как важнейшему фактору формирования идентичности. Данный недостаток на наш взгляд, преодолевается в тех концепциях, которые предлагают анализировать идентичность через призму процесса развития цивилизаций, в рамках которых она существует. В этом контексте, создаваемом концепциями А. Тойнби¹, О. Шпенглера², Н. Я. Данилевского³, еврейство также начинает рассматриваться в качестве особой локальной цивилизации. Цивилизационная концепция еврейской идентичности развивается в трудах М. А. Членова⁴, А. Ю. Милитарева⁵, В. Мочаловой⁶, С. А. Арутюнова⁷, А. Ковельмана⁸, В. Якобсона⁹, которые рассматривают различные факторы, формирующие ее. Согласно мнению М. А. Членова, рассматривающего каждую еврейскую группу как представителя еврейской цивилизации, имеющей множество региональных вариантов, каждая из еврейских групп самостоятельна по отношению к другим группам и ориентируется на свой ценностный комплекс представлений, связанных с понятием о том, кем является настоящий еврей¹⁰.

¹Тойнби А. Дж. Постигание истории: монография. М.: Прогресс, 1991. С. 91-293.

²Шпенглер О. Закат Европы: монография. М.: Мысль, 1993. 620 с.

³Данилевский Н. Я. Россия и Европа: монография. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.

⁴Членов М. А. Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспоры. М., 1999. № 1. М. С. 34-56.

⁵Милитарёв А. Ю. Идентичность и судьбы еврейской диаспоры в России // Диаспоры / Diasporas. М., 2002. № 4. С. 138-152.

⁶Мочалова В. Еврейская идея в цивилизации: тест и контекст // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2-3. М.: Дом еврейской книги, 2003. С.566-570.

⁷Арутюнов С. А. Этничность - объективная реальность (отклик на статью С. В. Чешко) // ЭО. 1995. № 5. С. 7-10.

⁸Ковельман А. О книге А. Ю. Милитарёва «Воплощенный миф» // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2-3. М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 590-592.

⁹Якобсон В. Письмо к ученому соседу // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2-3. М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 613-625.

¹⁰Членов М. А. К вопросу о социолингвистической характеристике еврейской диаспоры (статья первая) // Диаспоры / Diasporas. М., 2002. №3.С. 166-184.

В контексте данного определения, идентичность можно понимать, как процесс, идущий на двух структурных уровнях, один из которых является неосознаваемым, где психические процессы проходят в рамках освоения привычных стереотипов поведения и принятых в обществе социальных практик, связанных с социальной принадлежностью; и на уровне, где предполагается сознательный выбор идентичности. В зависимости от меняющегося набора маркеров будет меняться идентичность, приобретающая политический, этнический или культурный характер¹. В рамках этого процесса происходит формирование религиозных, политических, этнических, культурных и иных ценностей, посредством чего происходит придание смысла реальности.

Цивилизационный подход развивает С. Хантингтон, согласно которому фактором формирования идентичности является конфликтность, рождающаяся из противоречий, сопровождающих социальное взаимодействие. началом идентичности он называет аскриптивный источник, под которым понимает комплекс не требующих воспроизводства расовых, территориальных, ландшафтных, этнических признаков. По мнению С. Хантингтона в его состав входят язык, институты, обычаи, история, нормы, религия, субъективный выбор. Среди них он выделяет религию, которая формирует религиозную идентичность, приобретшую особую значимость в последнее время, когда политические конфликты заменяются религиозными конфликтами².

К сторонникам цивилизационного подхода также относится А. Н. Крылов, который разработал систему формирующих ее внешних социальных факторов, в составе социально-политических условий, процессов урбанизации и мобильности, социокультурного статуса конфессии, играющей определенную роль в жизнедеятельности общества и формировании его ценностных устоев³. В публикациях А. Н.

¹ Шюц А. Аспекты социального мира // Смысловая структура повседневности мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Инст-т фонда «Общественное мнение», 2003. С.116.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: монография. М: АСТ, 2003. 603 с.

³ Крылов А. Н. Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида: монография. М.: Издательство НИБ, 2014. 272 с.

Крылова, идентичность выступает в роли универсального феномена, выступающего как выражение группового и личностного самосознания, характерного для всех общественных групп и периодов истории. Это сознание формируется посредством различных способов получения новых знаний, ведущим из которых является религия, которые создают бытийные формы идентичности¹. На наш взгляд, предлагаемое А. Н. Крыловым видение, фиксирующее переплетение различного рода источников идентичности вокруг религиозного фактора, заслуживает доверия, так как еврейская идентичность зародилась тогда, когда религия была ведущим источником ее формирования. При этом, несмотря на различные варианты, религиозная идентичность до сих пор является ведущей для многих народов, например, в Израиле гражданский суд признал факт того, что нельзя одновременно считать себя евреем и принадлежать к не иудейской религии².

Подводя итог, важно отметить, что несмотря на имеющиеся отличия различные концепции еврейской идентичности возможно обобщить в одной теоретической модели, отражающей представления о ее междисциплинарном и полипарадигмальном характере идентичности. На одном из структурных уровней идентичности наблюдается преобладание факторов, связанных с сознанием и рационализацией, на другом, связанных с биологией, на третьем приоритет получает историческая традиция. Помимо этих факторов на идентичность влияют переменные факторы, требующие постоянных усилий для поддержания своей функциональности, которые могут быть представлены профессиональными интересами, особенностями социального статуса, образовательным уровнем и т.д. Совокупное влияние этих факторов ведет человека по пути поиска и осознания собственной идентичности, которая в зависимости от степени преобладающего влияния какого-либо из этих факторов будет носить социальный, религиозный, этнический, либо культурный харак-

¹ Schuyler J.B., s.j. Northern Parish. A Sociological and Pastoral Study: monograph. Chicago: Loyola University Press, 1960. P. 62.

² Шелер Я. Государство, религия и еврейская идентичность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://madan.org.il/ru/news/gosudarstvo-religiya-i-evreyskaya-identichnost> (дата обращения: 27.03. 2018).

тер. Единство указанных факторов является предметом исследований инструменталистов, которые объясняют идентичность как единство объективного и субъективного, то есть как феномен, взаимообусловленный особенностями развития еврейского этноса. Однако и этот подход, уделяющий недостаточное внимание фактору культуры, может быть дополнен методологией цивилизационного подхода, предлагающего анализировать идентичность через призму процесса развития цивилизаций, в рамках которых она существует.

Синтез инструменталистского и цивилизационного подходов создает особое видение еврейской идентичности, как ментальной структуры, занимающей пограничное положение между миром реальным и миром ментальным и отвечающей за формирование «Я-концепции». Ведущую роль в формировании «Я-концепции» играет знание человека о том, что он принадлежит к некоему значимому для него сообществу или цивилизации, которая может носить социальный, этнический, религиозный характер. С этой, ментальной стороны идентичность является результатом воздействия предзаданной социальной среды, передающей особенности традиционных для нее социальных, этнических и религиозных представлений, среди которых особо важной является роль религиозного фактора, отвечающего за сферу высших ценностей, к которым апеллируют представители различных сфер и поэтому выполняющего роль посредника между этими различными сферами. Как ментальная структура идентичность представляет собой как минимум два уровня, таких как собственно ментальный уровень, где господствуют убеждения, представления, нормы, ценностной основой которых является религия и практический уровень, где господствуют социальные действия, жизнь человека в обществе, на которые влияет уровень, связанных с религиозными ценностями. Эти уровни тесно взаимосвязаны друг с другом, и практический уровень жизни евреев напрямую зависит от ценностей иудаизма, входящих в состав аскриптивных факторов, определяющих остальное содержание еврейской идентичности, которые личность конструирует на протяжении жизни самостоятельно.

Вывод:

1. Определение идентичности евреев затруднено, в связи с множественностью этносоциальной природы еврейства, наличием у него этнических, религиозных и культурных черт, которые являются причиной появления противоречащих друг другу концепций, связанных с определением того, чем является «еврейство». В светской науке этой проблематике посвящена биологическая концепция идентичности, говорящая о евреях, как изначально существующей расе с особыми генетическими характеристиками (Б. Хазан, Н. Вэйль, С. Поссоли, Э. Ван Ден Хааг, А. Моурант, С. Милл). Критика этой концепции осуществляется в таких концепциях, как примордиализм, обосновывающий наличие объективных факторов, формирующих устойчивые ментальные представления о себе (Ю. В. Бромлей, К. Гирц, Э. Шилз, Ш. Эттингер, Д. Фишман, С. М. Пилкингтон) и конструктивизм, который характеризовал идентичность только как образы, создаваемые усилиями интеллектуальной и политической элиты (Ф. Барт, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Ш. Айзенштадт, С. Гленн, Н. Соколофф).

2. Единое понимание идентичности как ментальной структуры, которая сформировано посредством различных объективных и субъективных факторов, представляет инструменталистский подход (Ж. Де Вос, Дж. Нэйджел, Л. Романуччи-Росс), объясняющий идентичность как единство объективного и субъективного, то есть как феномен, взаимообусловленный особенностями развития еврейского этноса. Однако и этот подход, уделяющий недостаточное внимание фактору культуры, может быть дополнен методологией цивилизационного подхода, предлагающего анализировать идентичность через призму процесса развития цивилизаций, в рамках которых она существует (А. Н. Крылов, С. Хантингтон, М. А. Членов).

3. Синтез инструменталистского и цивилизационного подходов позволяет создать интересующий подход к исследованию еврейской идентичности (З. Базман, Р. Брубейкер, Р. Винер), который создает особое видение еврейской идентичности, как ментальной структуры, занимающей пограничное положение между миром реальным и миром ментальным и отвечающей за формирование «Я-концепции». Формирование этой концепции зависит от сложной системы объективных

(территория проживания, язык, происхождение) и субъективных факторов (менталитет, образы, стереотипы), оказывающих воздействие на самосознание (П. Бергер, Р. Инглхарт, К. Кардиа, А Смит, Х. Тэшфел). Согласно этой концепции, в результате формируется сложная структура идентичности, в которой имеется легко конструируемый уровень, связанный с внешним влиянием и субстанционально формируемый уровень, имеющий происхождение в устойчивых внутригрупповых представлениях. Эти уровни тесно взаимосвязаны друг с другом, и практический уровень жизни евреев напрямую зависит от религиозных ценностей иудаизма, входящих в состав факторов, определяющих остальное содержание еврейской идентичности.

1.2. Религиозное мифотворчество как фактор формирования еврейской идентичности

Евреи представляют собой группу, которая идентифицировала себя как народ задолго до того, как это сделали народы, живущие в современном мире. Однако, как показывает А. А. Пископпель, благодаря особенностям исторического развития этот народ живет в состоянии рассеяния, находясь как на территории исторической Родины, так и за ее пределами, где им удалось сохранить общинную солидарность и идентичность. Это создало специфические условия для развития еврейской идентичности, которая подвергалась влиянию разнообразного внешнего окружения и как следствие приобрела множество региональных форм, однако сохранила связь с еврейскими корнями и этническим именем¹. Поэтому актуальным является вопрос о том, существуют ли устойчивые черты еврейской идентичности и представляет ли собой эта идентичность итог самоопределения или может быть итогом внешнего влияния, а также существует ли расхождение между еврейской идентичностью и ее восприятием со стороны окружающих групп. В соответствии с точкой зрения, принятой в социальной психологии и выраженной Е. Носенко,

¹Пископпель А. А. Традиция, культура, наследие как конструктивные понятия // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции, 2015. Вып. 19. С. 26.

идентичность является ментальным конструктом, выступающим частью «Я-концепции», и бытийной реальностью группы, объединенной вокруг системы ценностей евреев, которые носят географический, генетический, этнический, религиозный, культурный, гражданский и политический характер, что вместе определяет социальную, этническую, религиозную и культурную принадлежность человека¹. Согласно В. Хесле «идентичность» предполагает длительное устойчивое сохранение этой принадлежности у социальной группы. При этом идентичность не дается автоматически, а создается в процессе преодоления внешнего противодействия. В этом процессе «самость» личности, которая представлена объективными параметрами ее состояния, противопоставлена «я», то есть элементу самосознания, познающего эту «самость»².

Значение этих элементов совпадает с «индивидуальностью» и «тождеством», которые выделил в структуре идентичности П. Рикёр, обративший внимание на необходимость сохранения непрерывности и последовательности в объективно проходящем процессе трансформации идентичности, благодаря чему она не разрушается, а сохраняется как целостность³. Природа идентичности согласно его определению носит двойственный характер, который связан с ее принадлежностью к ментальности человека, то есть предрасположенности индивидов воспринимать и отражать окружающую действительность определенным образом. Ментальные факторы с одной стороны, определяются устойчивым глубинным уровнем народного самосознания, включая бессознательный уровень. С другой стороны – ментальность связана с уровнем, подверженным частым изменениям, а также с историческими событиями, которые составляют основу жизнедеятельности людей⁴. С

¹ Носенко Е. Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: дисс. докт. ист. н.: 07.00.01. М., 2004. 546 с.

² Wodak R., Cillia R. de, Reisingl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity: monograph. Edinburg: Edinburg University Press, 1999. P 11.

³ Рикёр П. Я-сам как другой: монография. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

⁴ Романенко В., Никитина Г. Менталитет и религия [Электронный ресурс] // Электронный научный семинар: Междисциплинарное культурно-просветительское и научное общение. – Режим доступа: http://www.elektron2000.com/roman_nikit_0247.html (дата обращения: 10.04.2018)

учетом этого контекста, определение еврейской идентичности сводится к определению отношения субъективного «Я» каждого еврея к объективной «самости» еврейского сообщества. Рикёровское понятие «нарративная идентичность» описывает те представления, в которых люди объясняют, как «себя» и «реальный мир». Можно уверенно сказать, что нарративная идентичность имеет интересубъективный характер, так как основой для создания ментального образа себя и мира служит информация о реальных событиях и процессах. В то же время в процессе рассказа образ мира и группы преобразуется посредством менталитета и коллективной памяти, которые придают этой истории недостающую целостность и смысл¹.

Первым фактором, определяющим содержание рикёровской нарративной идентичности, являются институты, которые выполняют функцию обслуживания различных сфер жизнедеятельности, такие как язык, религия, народ, культура, политическая партия. Указанные институты формируют ценности, принимаемые носителем идентичности на осознаваемом уровне, где на этот процесс влияют конструируемые внешним социумом факторы, и на эмоциональном, часто неосознаваемом уровне, где на этот процесс влияют сущностные факторы, такие как природное окружение и генетическое происхождение. Ценности, как показывает П. Сорокин, являются важной составляющей менталитета, а также основой любой культуры, поэтому они сохраняются и наследуются поколениями, которые передают их в виде традиционных констант, имеющих длительный характер².

Здесь необходимо выделение тех ценностей, которые оказывают доминирующее воздействие на коллективные системы представлений, которые М. Вебер считал выражением «избирательного сродства». Это значит, что обращаясь к определенным элементам перечисленных сфер, то есть значимых институтов идентичности, субъект может актуализировать в своем сознании другие «родственные» элементы, прежде вытесненные за его границы³. У евреев это было обращение к

¹ Рикёр П. Я-сам как другой: монография. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

² Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество: монография. М.: Политиздат, 1992. С. 173.

³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные труды: монография. М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.

библейским патриархам, как авторитетам, которое отсылало, находящихся в разных регионах представителей этого народа к признанию родственных связей с ними и напоминанию о том, что они составляют с ними единое целое в рамках судьбы избранных Богом людей. Таким образом, религиозная избранность евреев с древности была фактором, влияющим на отношение евреев к понятию о коллективной ответственности.

Понимание сути коллективных обязанностей у евреев давно приобрело идеологический характер. Причиной, по мнению В. Херберга, является особый уровень взаимодействия между этнической и религиозной сферами, который актуализируется в условиях еврейской диаспоры, когда очень часто религия выступает убежищем этничности¹. Эти убеждения подтверждаются выводами М. Мюллера, согласно которым религия в социальном пространстве оказывает значительно более мощное воздействие на сознание человека, чем язык. Именно поэтому первой формой самосознания человека была религиозная идентичность, ставшая источником для создания других видов идентичности². Многочисленные данные истории, приводимые Б. Ерасовым, говорят о том, что в случаях, когда государство впадает в состояние кризиса или исчезает, его место занимает религия, обнаруживающая мощную способность выживания и обеспечения функций интеграции и консолидации³.

История евреев является наглядной иллюстрацией приведенной идеи, так как они, как подтверждают Л. С. Перепелкин и В. Г. Стэльмах, имея в основе своего существования тесную связь между этничностью и религиозностью, сумели сохранить в течение длительного времени устойчивое этническое самосознание и сопротивляемость к ассимиляции. Иудаизм был первой среди авраамистических религий, которая, длительное время доминировала в иерархии идентичности целого

¹Herberg W. Protestant, Catholic, Jew: monograph. N,Y.: Garden City, Anchor Books, 1960. P. 304.

² Мюллер М. Введение в науку о религии // Классики мирового религиоведения. М., 1996. С. 36-37. С. 96.

³Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность: монография. М.: Наука, 2002. С.188.

народа¹. Приверженность иудаизму, как традиционной религии, характеризовала жизнь евреев и после рассеяния по диаспорам. В течение длительного периода евреи существовали только как различные еврейские группы, которые сильно различались в языковом, культурном и даже расовом отношениях. По мнению В. Фрейдзона, единственное, что их связывало, это особое восприятие иудаизма, сохранение которого не создавало возможности для поглощения евреев иными народами. Сегодня обусловленная иудаизмом неповторимость еврейской идентичности имеет в качестве составляющих элементов веру, религиозную общину, взаимодействие с еврейским государством и Холокост².

При этом наиболее ранним из известных источников еврейской идентичности была Тора, то есть еврейская Библия, давшая начало двум противоположным типам текстов, которые разнонаправленно влияли на сознание евреев. Как обращал внимание А. Мень, первый тип текстов был предназначен для прямой письменной коммуникации и включал в себя официальную историю царской семьи. Вторым охватывал информацию, которая длительное время была распространена в виде устного мифотворчества пророков и лишь впоследствии была кодифицирована в Библии³. В первом случае мифотворчество исходило от власти, во втором оно представляло собой инструмент влияния, разрабатываемый в среде еврейских интеллектуалов, при этом оба мифа ставили жестко идеологизированные сверхзадачи. Таким образом, в самом тексте Библии уже были нарративы, представляющие внешнее социальное, то есть государственное влияние. Однако были и тексты, связанные с внутренней самооценкой евреев, связанной со стремлением сохранить себя как целостность. Библейская идентичность представляла собой результат диалога между внешним влиянием, представленным нарративами идентичности-тождества и внутренним влиянием, представленном субстанциональными аспектами самооценки идентичности-индивидуальности.

¹ Перепелкин Л. С., Стэльмах В. Г. Человек верующий: религия и идентичность // Вопросы социальной теории, 2010. Т. IV. С. 373 -395.

² Фрейдзон В. Нация до национального государства: историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в.- начала XX в.: монография. М.: Феникс, 1999. 94 с.

³ Мень А, протоиерей. История религии. М. Слово, 1992. С. 239.

Как показывают приведенные данные, еврейское общество, несмотря на существенные различия внутри своей структуры, объединяет господство единых религиозных ценностей, норм и правил, заключенных в содержании религиозных текстов, что подтверждает нарративную концепцию П. Рикёра¹. Нарративы, раскрывающие содержание общего верования, символов и «священных книг» евреев объединяют их и за пределами храма, что подтверждает вывод о том, что единая вера является основой для сохранения единого народа, который спланирует в его борьбе с другими народами и религиями. Набор источников конструирования еврейской идентичности довольно широк и включает элементы религиозных представлений в рамках священных текстов, систему норм и ценностей, запретов, предписаний, поведенческих актов евреев, куда входят традиции, обычаи, представления о семье, власти и обществе, принятые в среде евреев. Однако наиболее значимой составляющей этого процесса, что было отмечено еще М. Бубером, является осознание принадлежности к еврейскому религиозному сообществу².

Процесс осознания может иметь разные формы, одной из которых может стать выражение готовности принимать ценности и установления еврейских общин, другой – желание сопричаститься к сообществу, его авторитету, культурному и историческому наследию. Религиозные ценности и религиозная история евреев при этом, находятся в основе этой системы, составленной в современном Израиле такими уровнями как, религия, нация и государство, которые и формируют еврейскую идентичность. В свою очередь, как подтверждает Б. Киммерлинг, оказывает влияние, то есть поддерживает, воспроизводит и модифицирует социальную структуру еврейского общества³.

¹ Рикёр П. Я-сам как другой: монография. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

² Бубер М. Еврей в мире // Сионизм в контексте истории. М., Алия, 1992. 395 с.

³ Киммерлинг Б. Светское еврейское израильское мировоззрение и его корни [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oranim.ac.il/Site/ru/General.aspx?l=4&id=2100>. (дата обращения: 11.03.2018).

В классическом виде структура еврейского общества моноконфессиональна, а иудаизм со своей стороны, является национальной религией евреев, то есть конфессией, объединяющей нацию в единую общность. Как доказывает Э. Гутман, в системе социальной идентичности евреев невозможно отделить религиозные элементы от национальных, так как даже большинство светских граждан Израиля, не представляет свою жизнь без иудаизма. Действительно, большинство евреев не считают соплеменниками тех, кто переменял веру. Напротив, согласно распространенному представлению, присоединиться к еврейскому народу может человек с любым происхождением в случае прохождения им гиюра¹.

Таким образом, под еврейской идентичностью можно понимать нарративное выражение переживания ценностей веры, символических культовых практик, идеологических убеждений, традиций, принадлежности к группе, с которой связывается с принадлежностью иудейскому сообществу. Соответственно еврейская идентичность онтологически представляет ментальный конструкт, который в соответствии с концепцией Э. Эриксона, сложен набором приобретенных в процессе взаимодействия с обществом социокультурных качеств и в то же время, индивидуальных особенностей, сформированных в рамках еврейского сообщества. Они проявляются как определенная совокупность поступков и действий, которые связываются с иудаизмом².

Как показывает изучение истории евреев, проведенное С. Н. Булгаковым, осознание связи с иудаизмом зачастую было решающим и даже единственным фактором, благодаря которому сложилась еврейская этническая общность. Еврейская религиозность формировала и поддерживала еврейскую этничность, находясь в основании семейно-родственных, хозяйственных, культурных, воспитательных институтов, то есть, она являлась религиозным самосознанием целого народа³. Таким

¹ Гутман Э. Религия в израильской политике: объединяющий и разделяющий фактор // Политическая система Израиля: монография. Тель-Авив, 1976. С. 188-401.

² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: монография. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

³ Булгаков С. Н. Размышления о национальности // «Сочинения»: монография. М.: Наука. 1993. Т. 2. С. 451.

образом, иудейская религия представляла собой цементирующее духовное мировоззренческое начало. Однако исследовать идентичность евреев – это не совсем одно и то же, что изучать религиозные тексты, так как необходимо понимать, что евреи воспринимали ее в совершенно специфическом духовном контексте. Как уже было сказано, еврейская идентичность проявлялась не только в сфере религиозных ценностей, но и в этнической, культурной, политической сферах. Здесь она представляла собой ценностную систему представлений о мироздании и человеке, которая оказывала решающее влияние на жизнедеятельность евреев.

Поэтому в контексте проводимого здесь исследования закономерно рассуждать о религиозной еврейской идентичности, которая, как правило, выступает в формах, смешанных с этнической, культурной, гражданской и другими типами еврейской идентичности, выполняя роль наиболее ценностных оснований, служащих основой интеграции этой группы. При этом воздействие иных факторов, рассмотренных в методологии М. П. Мчедлова, приводило к тому, что формирование еврейской идентичности происходило не столько под влиянием религии, сколько в связи с особенностями восприятия религии евреями, на которых влияли условия жизни религиозной общины, отношение государства и политика преследований в отношении евреев¹. Эта особенность была отмечена Ж-Ж. Руссо², М. Вебером³ и Р. Белла⁴, которые указывали, что сегодня на смену религии приходит идеология, выполняющая ту функцию, которую религия выполняла в традиционном обществе⁵. Из чего можно сделать вывод о том, что евреи могут выбирать в качестве авторитетов не только Тору, а идеологические конструкты, апеллирующие к Торе и используемые властью в качестве инструмента интеграции⁶.

¹Мчедлов М. П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межкультурных контактах // Социологические исследования. 2006. № 10. С.33-40.

²Руссо Ж. Ж. Исповедь: монография. М. Эксмо, 2011. 765 с.

³Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные труды: монография. М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.

⁴Bellah R. Civil Religion in America // *Daedalus*. 1967. Vol. 96. № 1. P. 1-21.

⁵Носенко Е. Иудаизм, христианство или «светская религия»? Выбор современных российских евреев // *Диаспоры*. 2009. № 2. С. 6-40.

⁶Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные труды: монография. М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.

Поэтому можно сделать, вывод, что существует определенная разница между еврейской идентичностью и собственно иудаизмом, которая была отмечена Ч. Либманом, по мнению которого она заключается в несовпадении содержания иудейского вероисповедания, акцентированного на институциональных и идеологических аспектах религиозных практик и «еврейской принадлежности», которая задает социальный и коммуникативный модусы реальной религиозности евреев, возникающие за счет механизмов психологического восприятия исповедания данной религии посредством заложенной в ней структуры соотнесенности и принадлежности¹. Перефразируя М. Мюллера можно отметить, что на формирование идентичности евреев влияет не столько религия сама по себе, сколько то, как она воспринимается сознанием евреев в реальном социокультурном пространстве².

Основным инструментом формирования еврейской идентичности являются не положения иудаизма, а эмоционально-ценностное принятие идей иудаизма, то есть их рецепция, рассмотренная в статье Т. В. Бернюкевич³. В этом смысле, еврейская идентичность на социальном уровне проявляется как рефлексия на иудаизм, возникающая в процессе отнесения себя к еврейскому сообществу⁴. В социальной реальности формирование этих представлений, как пишет С. А. Ляужева, происходит посредством одновременной внутрикультурной социализации и взаимодействия с другими народами, в результате чего формируется корпус мировоззренческих идей и верований, получающих свое отражение в мифах, легендах, исторических нарративах⁵. Например, отличием рецепции евреев в течение истории, стала позиция жертвы, о которой пишет Д. Бонхоффер, по мнению которого, евреи

¹Liebman Ch.S, Don Yehiya F. Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in Jewish State: monograph. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 5.

²Мюллер М. Введение в науку о религии // Классики мирового религиоведения. М., 1996. С. 36-37. С. 96.

³Бернюкевич Т.В. О рецепции буддийских идей в философии России конца XIX – первой половины XX в. // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 153-163.

⁴Хализев В. Е. Сознание и самосознание персонажа. Психологизм // Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. С. 215.

⁵ Ляужева С. А., Нагой А. А. Религиозная идентичность в современной культуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psibook.com/religion/religioznaya-identichnost-v-sovremennoy-kulture.html> (дата обращения: 13.04.2018).

научились оценивать мировые процессы и события с позиции людей, которые были отвергнуты и находились в самом низу социальной лестницы¹.

Механизм формирования идентичности под воздействием религиозных нарративов, поднимается в контексте теоретических положений М. М. Бахтина, который считал, что граница является тем местом, где возможно познание культурой самой себя. Им было выделено понятие «культурная граница», где происходило взаимодействие ведущих культуuroобразующих элементов, выступающих в качестве семантических оппозиций «Своего» и «Чужого». Исходя из его аргументов, в качестве инструмента самоопределения можно рассматривать особый тип нарратива, еврейский миф, который понимается как рецепция иудаизма, заключающая в себе содержательное различие «Своего» и «Чужого», «еврейского» и «нееврейского», на основе которых происходит самоопределение евреев как особого сообщества в обыденном сознании¹.

Концепт «Свой – Чужой» в данной работе, в соответствии с логикой, представленной в статье А. Ю. Большаковой², соотнесён с понятием религиозного мифа, понимаемого как социально сконструированная система образов, содержащих признаки мировоззренческой оппозиции. К ним относятся отчужденность мифа от первоначального источника, то есть реальных людей, а также бинарность структуры массового сознания, характеризующегося антиномичностью. Антагонизм «Своих» и «Чужих» создает условия, при которых возникает мифотворчество,

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: монография. М. Искусство, 1986. 445 с.

² Большакова А. Ю. Архетип – концепт – культура // Вопросы философии. М., 2010. №7. С. 57. С. 47-58.

вызывающее осознание и интенсификацию представлений об идентичности, описанные Я. Ассманом¹. Этот процесс проанализирован в работах Р. Барта², А. Ф. Лосева³, М. Элиаде⁴, как специфический, универсальный вид миро-освоения, сопровождающего всю историю человечества⁵. Значение понятия «миф» ими связывается с особым состоянием массового сознания, понимаемым в качестве модели, оправдания человеческих поступков, истории и образца для поведения⁶. Механизм, благодаря которому миф воздействует на идентичность, объяснен М. Майклом, считающим, что она проходит две стадии становления. Во-первых, это стадия, связанная с той идентичностью, которая была сформирована в течение исторического периода формирования данной группы. Второй стадией является совокупность современных дискурсивных практик, то есть, культурных, исторических и социальных переменных, которые на данный момент формируют весь набор представлений социума о своей идентичности⁷.

Мифы для евреев выполняют функцию формирования позитивного отношения к своей группе и негативного отношения к внешним группам. К наиболее известным мифам относится библейское сказание об «этнической избранности евреев», которое, как доказывает Э. Смит, сформировано благодаря иудаизму, пришедшему на смену домонотеистическим мифам, обрядам и ритуалам. Оно, по мнению автора, представляло более совершенную систему представлений о человеческом бытии и его регуляции, но, несмотря на это, продолжило трансляцию мифов поколениям евреев посредством формирования общих этнических символов и памяти⁸.

¹Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности: монография. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 143.

²Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: монография. М: Прогресс, 1994. С.22. 616 с.

³Лосев А. Ф. Диалектика мифа: монография. М.: Мысль, 2001. 561 с.

⁴Элиаде М. Аспекты мифа: монография. М.: Инвест-ППП, 1996. С. 9.

⁵Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию: монография. М.: АСТ, 2004. С. 27.

⁶Элиаде М. Аспекты мифа: монография. М.: Инвест-ППП, 1996. 240 с.

⁷Майкл М. Конструирование идентичностей: социальные, внечеловеческие и трансформирующие факторы // Социальные и гуманитарные науки, 1999. С. 91.

⁸Smith A. D. The Ethnic Sources of Nationalism // Ethnic Conflict and International Security// Ed. By M.E. Brown. Princeton, 1993. P. 41. 365 p.

Поэтому ведущим фактором складывания идентичности является не столько общее еврейское «происхождение», «язык» или «территория совместного проживания» евреев, сколько мифы, в которых описана общая для евреев территория, язык, религия, государство, традиции, овеянные в материальной культуре, базовые модели повседневного поведения, эстетические и этические каноны и т.д. как пишет Б. Киммерлинг, Будучи «превращенными» в субъективную форму, связанную с их рецепцией в массовом сознании, они выполняют функцию самоопределения евреев, будучи символами-маркерами еврейской идентичности. Территория – это «Земля обетованная», язык – это «иврит» или «идиш» – язык священных текстов, государство это «Эрец-Израэль», жилище это «домашний очаг», религия это «иудейский монотеизм», представляющий систему символов, позволяющих отделить евреев как общность от «других», чужих народов и дать евреям ощущение устойчивости, сопровождающееся принадлежностью к сообществу «своих»¹.

Интегрирующим мифом для евреев на протяжении их истории, как доказывают В. С. Собкин и А. М. Грачева, являлось повествование о единой судьбе их предков как людей, которых избрал Бог и противопоставил не избранным народам. Представления об особенностях «Своих» у евреев формировались очень интенсивно в силу многочисленных контактов с многочисленными «Чужими». Особенно интенсифицировала процесс формирования еврейской идентичности миграция, приводящая к появлению различных диаспор, то есть форм и способов жизнедеятельности отдельных еврейских групп в отрыве от территорий происхождения в окружении иных народов и религий².

Когда в сер. XX в. шел процесс формирования государства Израиль, вновь возникла необходимость обращения к мифу, как средству, способному объединить евреев всего мира. Этим мифом, по мнению Л. С. Перепелкина и В. Г. Стэльмах

¹ Киммерлинг Б. Светское еврейское израильское мировоззрение и его корни [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oranim.ac.il/Site/ru/General.aspx?l=4&id=2100>. (дата обращения: 11.03.2018).

² Собкин В. С., Грачева А. М. К психологии еврейской идентичности // Этнос, идентичность, образование. М.: Российская Академия образования, 1998. С. 105-141.

стала идея еврейского народа, которому судьбой предписано возродиться на израильской земле. Миф о «возрождении еврейской нации» утверждал, что евреи представляют собой такую же народную группу, как и другие народы, однако в его истории произошло «изгнание», после которого естественное развитие евреев было прервано, начался период «без истории», когда евреи влачили лишь физическое существование. Когда, пришло время для формирования новой еврейской нации, то согласно мифу, это должно было произойти не в результате эволюции культуры евреев, живших в условиях диаспоры, так как она должна была быть уничтожена, а в результате того, что евреи вновь собирались на своей территории, начинали говорить на древнем иврите, руководствоваться духовными ценностями иудаизма¹.

В XXI в. роль иудейского мифа, выполняющего функцию укрепления фундамента идентичности евреев, возрастает, подтверждая положения теории мифа А. Ф. Лосева, и посредством его религии продолжает влиять на развитие еврейских общин, объединенных комплексом традиционных норм, ценностей, ролевых предписаний². Иудейский миф, выполняя функцию регуляции жизнедеятельности еврейского общества, оказывает ощутимое влияние на еврейскую идентичность. Это объяснимо тем, что религиозный миф охватывает не только сферу духовности, но и согласно данным Ж. Т. Тощенко, отвечает за ощущение человеком и группами взаимной комплементарности, то есть выражения своей идентичности и отличия от иных людей, что способствует организации выживания группы и преемственности поколений³.

Очевидно, что мифотворчество повлияло на ряд современных трансформаций еврейской идентичности, в частности на территории государства Израиль, где как пишет Ч. Либман, еврейская идентичность, по сути, создается заново, так как

¹ Перепелкин Л. С., Стэльмах В. Г. Человек верующий: религия и идентичность // Вопросы социальной теории, 2010. Т. IV. С. 373-395.

² Лосев А. Ф. Диалектика мифа: монография. М.: Мысль, 2001. 561 с.

³ Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. №12. С.37.

она противопоставляется идентичности тех евреев, которые жили в период рассеяния¹. О мифологическом характере идентичности современных израильтян говорит их многообразие, в котором уживаются, такие направления как светское, ориентированное на западные образцы безрелигиозной культуры и традиционалистское, ориентированное на возврат к иудейским ценностям, которые понимаются как исконные, так как в основе их лежит миф об уникальности израильтян. При этом, как фиксирует Е. А. Копылкова, современный еврейский миф постоянно переосмысливается в духе идей модерна, что позволяет человеку или группе соотносить себя с имеющимися в культуре мировоззренческими парадигмами и интегрироваться в современную мировую культурную традицию².

Особенности рецепции иудаизма в Израиле, согласно утверждению, Э. Бен-Рафаэля, заключаются в утверждении моноконфессиональной структуры израильского общества за счет двойственного влияния современного иудейского мифа на евреев, объединенных мифом в единое целое, но отделенных им же от иных этносов³. С одной стороны, еврейская идентичность является категорией массового сознания, для которого важно осознание своей принадлежности к еврейству, с другой – не менее важным является осознание причастности к ценностям иудейской религии. Однако, согласно методологии А. Тойнби⁴ и Э. Дюркгейма⁵, именно так создается тело цивилизации, интегрированной ценностями Священного Писания, являющегося его «жизнетворным центром» и профессиональными институтами.

Существование еврейской цивилизации в Израиле, согласно этой методологии, можно связать со специфическими условиями, в которых возникло это государство, основанное на «гражданской религии», которая, как пишет Б. Нойбергер,

¹ Liebman Ch.S, Don Yehiya F. Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in Jewish State: monograph. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 5.

²Копылкова Е. А. Изучение особенностей еврейской этнической идентичности: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3264 (дата обращения: 08.04.2018).

³Бен-Рафаэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе // Общество и политика современного Израиля. М.: «Мосты культуры», 2002. С. 15-47.

⁴Тойнби А. Постижение истории: монография. М.: Прогресс, 1998. С.518.

⁵Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии: монография. М.: Наука, 1990. 575 с.

включает элементы и символы, имеющие происхождение в библейской религии и традициях, но адаптированные к условиям современности. Их содержание выхолощено, а сами они изменили свое значение¹. Тем не менее, по информации Э. Бен-Рафаэля, именно эти атрибуты и символы власти, мимикрирующие под древность, например, окрашенный в цвета талита (молитвенное покрывало) государственный флаг Израиля, или ставшая символом государственной власти менора (храмовый подсвечник), указывают массовому сознанию на непрерывность еврейской традиции, сохраняемой в этом государстве. «Гражданская религия» Израиля подчеркивает, что его граждане едины по отношению к ценностям еврейского государства².

С другой стороны, функциональная нагрузка еврейской идентичности в Израиле состоит в том, чтобы служить инструментом этнической дифференциации и мобилизации, помогая отделять «чужих» от «своих». Согласно положениям философии М. Бахтина, этот интерактивный феномен, который конструируется в ходе взаимодействия «Я» со своим еврейским окружением, проходящего посредством процессов его интерпретации и категоризации³. Например, катализатором создания единства является сионистский миф, который используется и для формирования общего отношения израильтян к окружающим арабским государствам, выступающим в образе внешнего врага. Этот миф вызывает чувство единства у представителей многочисленных еврейских групп, прибывших различных стран «исхода». Сильной стороной мифа является апелляция к безопасности, провозглашенной первостепенной задачей государства. Однако у провозглашаемой сионизмом дихотомии «своих» и «чужих», по информации Е. Ю. Макаренко, есть слабая сторона, заключающаяся в том, что противостояние между миром арабом и евреями, являющееся центром его внимания, постепенно перетекает на локальный уровень палестино-израильского конфликта, следствием чего становится падение уровня расовой ненависти. Кроме этого, в рамках самого израильского общества наблюдается

¹ Нойбергер Б. Власть и политика в Государстве Израиль. Исторические корни и конституционное устройство: монография. Тель-Авив: Изд-во Открытого университета, 1997. С. 16.

² Бен-Рафаэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе // Общество и политика современного Израиля. М.: «Мосты культуры», 2002. С. 16.

³ Бахтин М. Вопросы литературы и Эстетики: монография. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.

приток репатриантов, которым не интересен сионизм в качестве национальной идеи, поэтому общество ищет новые, нацеленные на интеграцию мифы¹.

Религиозная идентичность евреев зависима от религиозного мифотворчества, которое используется для преодоления экзистенциального разрыва с искомым сообществом, историей, ценностями и наследием. Воплощаясь в социальной действительности, внешние мифы способствуют ее преобразению и сакрализации посредством навязывания ценностной атрибутики. Однако на трансформации религиозной идентичности также оказывает влияние внутригрупповой миф, связанный с самовосприятием и самооценкой группы, которая зависит от ряда объективных факторов, влияющих на сохранение преемственности в традициях группы, что становится востребованным в эпоху развития глобального рынка. Сравнение с положениями философии С. Хантингтона доказывает, что результатом взаимодействия внешнего и внутригруппового религиозного мифотворчества у евреев является такая идентичность, которая сохраняет связь с традициями еврейской истории, однако реагирует на социальные изменения и требования конъюнктуры и предполагает их синтез².

Интерсубъективный подход к идентичности уделяет внимание анализу ее трансформации, где ключевую роль отводит религиозному мифотворчеству, в котором выделяются механизмы внешнего и внутригруппового мифотворчества. Внешнее мифотворчество инициируется усилиями окружающего группу социума, которое распространяет мифы, нацеленные на конструирование «навязываемой» идентичности, содержащей экстра-образы группы. Внешнее мифотворчество чаще всего используется для реализации политических задач и выступает в качестве эффективной «политической технологии», выделяемой С. Хантингтоном и влияющей на сознание и действия массовой аудитории³. Это подтверждается исследованиями А. Дандеса, отмечающего, что под влиянием внешнего мифа в отношении евреев в

¹Макаренко Е. Ю. Религия как фактор групповой самоидентификации в Израиле: монография. М.: ПОЛИТЭКС. 2008. Том 4. № 3 С. 259-269.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. №1. С. 33-48.

³Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et contra. М., 1997. Весна. С. 121.

обществе часто распространяются негативные стереотипы восприятия, где они рисуются некрасивыми, физически и сексуально непривлекательными, трусливыми, слабыми людьми¹. Однако наибольшее влияние получил миф о «еврейском заговоре», согласно которому эти люди хотят захватить власть по всем мире. Антисемиты часто намекают или открыто утверждают, что участие евреев в радикальных политических движениях, как пишет М. Кевин, является частью всеобщей еврейской стратегии, включающей использование в целях подрыва мировой культуры богатых еврейских капиталистов, евреев в СМИ, в научном мире и других областях общественной жизни. Содержание этого мифа якобы отражено в «Протоколах сионских мудрецов»².

Однако не менее значимым и также широко распространенным являются внутригрупповые мифы, характерные для еврейского сообщества. Например, можно с уверенностью говорить о том, что таким является миф об Израиле. Описанный Е. А. Копылковой, образ государства Эрец-Израиль объединяет евреев всего мира, которые, даже проживая в других странах, верят, что Израиль – это их родина, и страна, где им всегда будут рады. Любовь к Израилю проявляется в том, что евреи изучают его историю, язык, знают все о его талантах и достижениях, они болеют за израильские спортивные команды, переживают за Израиль в случаях, когда он участвует в войнах или на его территории, случаются террористические акты. Зачастую эти чувства евреи, находящиеся за пределами Израиля проявляют даже сильнее, чем если бы они касались событий, проходящих в странах их проживания³.

Евреям за пределами Израиля также очень важно, чтобы и Израиль принимал их как своих родных детей, при этом не все люди, считающие себя евреями, признаются таковыми в самом Израиле, где принадлежность к еврейству определяется

¹ Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: монография. М.: Восточная литература, 2003. 279 с.

²Кевин М. Д. Культура критики. Системный анализ еврейского участия в интеллектуальных и политических движениях двадцатого столетия: монография. Лондон: Прэгер, 1998. 417 с.

³Копылкова Е. А. Анекдот, как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов): дисс. канд псих. н.: 19.00.05. М, 2006. С. 120.

в соответствии с нормами религиозного права Галахи. Для них внутригрупповое религиозное мифотворчество предлагает миф о гиоре, согласно которому принимающий обрезание неопит рождается заново от Авраама, еврейского праотца, и становится таким же евреем, что и по рождению в соответствии с нормами Галахи. Однако миф не работает автоматически, так как еврей-гер из России, претендующий на получение Израильского гражданства, вызывает подозрение в Посольстве Израиля¹.

Таким образом, внешние религиозные мифы должны пониматься в качестве одного из значимых инструментов производства еврейской идентичности, воздействие которого, по мнению В. Кочеткова, зависит от актуального культурного, экономического, социального, идеологического контекстов². Актуализируют этот вопрос современные процессы глобализации, в условиях которых идентичность группы перестаёт пониматься в качестве естественного и объективного задаваемого субстанциональными факторами способа существования. Она становится подверженной внешнему влиянию и конструированию, и поэтому может приобретать социальный, культурный, политический, этнический характер³. Однако внешние мифы – не единственные, так как значимую функцию играют те мифы, которые связаны с еврейской самоидентичностью. Эти мифы основаны на внутригрупповом мифотворчестве, представленном набором объективированных ценностных характеристик, описанных С. Хантингтоном и обеспечивающих интеграцию еврейского сообщества изнутри⁴.

В результате взаимодействия внешнего и внутригруппового религиозного мифотворчества формируется, а затем трансформируется интерсубъективная еврейская идентичность, предполагающая, что представления группы о самой себе

¹ Необоснованные отказы в предоставлении израильского гражданства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://passport-israel.com/необоснованные-отказы-в-предоставле/> (дата обращения: 07.03.2018).

² Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Моск. Ун-та. Социология и Политология, 2012. № 2. С. 157.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. №1. с.33-48.

⁴ Hall S. The Question of Cultural Identity / J.V. Deth, E. Scarbrough. The Impact of Values: monograph. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. P. 119-125.

формируются в результате, описанного М. Майклом, непрерывного взаимодействия, ведущего к диффузии прежде противоположных мифов¹. Это показывает, что формирование еврейской идентичности часто зависело от имеющегося в их распоряжении информационного ресурса, связанного с воздействием религиозного мифотворчества, поставляющего на уровень массового сознания идеи таких сфер, как политика, экономика, религия. В конкретных региональных и культурных условиях, как доказал Э. Кассирер, часто «изобретались» версии прошлого, создавались символы и мифологемы, содержащие этическую, художественную, эстетическую атрибутику². В результате возник замкнутый круг, который можно охарактеризовать следующим образом: религиозные мифы укрепляли еврейское групповое сознание, а еврейское сообщество культивировало распространение определенных религиозных мифов, посредством чего сохраняло свою идентичность. Религиозные мифы, распространенные у евреев, могут иметь различное происхождение и разделяются на те, которые существуют с народом уже длительное время, и те, которые были привнесены со стороны. В них может проявляться специфически региональное влияние, а может проявиться глобализирующаяся культура. Однако объединяет евреев в единое целое, свидетельствуя о верности конструктивисткой методологии В. Тишкова³, ценностное ядро еврейского мифа, то есть их общая вера в то, что современная еврейская традиция является прямым наследником традиции еврейского народа в отдаленном прошлом. В результате еврейская идентичность формируется как целостная мировоззренческая система, посредством обращения к религиозным мифам сохраняющая преемственность с объективно существующими ценностями иудаизма, историей и именем еврейского народа. В этом плане она отличается от идентичности евреев, которая легко трансформируется в связи с современными тенденциями развития общества и, как правило, имеет светский или этнический характер.

¹Майкл М. Конструирование идентичностей: социальные, внечеловеческие и трансформирующие факторы // Социальные и гуманитарные науки, 1999. Серия 11. № 4. Социология. С. 91.

²Cassirer E. *The Myth of the State: monograph*. L-New Haven: Yale Univ. Press, 1966. P. 296.

³Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии: монография. М.: Наука, 2003. С. 116.

Религиозные еврейские мифы представляют собой описанный П. Бурдые, ценностный социальный капитал группы, ядро которого может перемещаться как в прошлое, так и в будущее¹. Даже если происходило изменение групповой идентичности от позитивной, в случаях, когда группа занимала «выигрышное» по отношению к другим группам положение, до исследованной Л. Гудковым, негативной, или скрываемой идентичности, как в примере с евреями Германии и Советского Союза, когда группа «проигрывала» другим, идентичность евреев продолжала сохраняться².

Поэтому анализ влияния религиозного мифа на идентичность евреев должен начинаться с определения того, что она для представителя изучаемой традиции представляет собой когнитивную реальность. Ее реальность проявляется в том, что если для стороннего наблюдателя достаточной является фиксация несоответствия мифа и реальности, то носитель традиции не пытается их сравнивать, а стремится интегрировать ценности мифа в жизнь посредством формирования и распространения образа прототипа, то есть у евреев – образа идеального еврея. И если реальность не обладает теми ценностями, которые предлагает миф, то ей, как убежден Ю. Лотман, предстоит уподобиться мифу, чтобы достичь совершенства³. При этом, если сторонний наблюдатель имеет дело с ментальной категорией, то носитель традиции, в соответствии с концепцией Б. Ерасова, формирует и трансформирует свою онтологическую реальность, становящуюся в данном контексте реальностью еврейского «жизненного мира»⁴. Сегодня на эту реальность направляются различные императивные высказывания, призванные сформировать у евреев стимул к ценностям и поведению, ассоциируемым с еврейскими. В это же время сами евреи имеют иное мнение и самостоятельно соотносят себя с внешними установками.

¹ Бурдые П. Социология политики: монография. М.: Socio-Logos, 1993. С.99-158.

² Гудков Л. Негативная идентичность: монография. М.: Новое литературное обозрение «ВЦИОМ-А», 2004. С. 269.

³ Лотман Ю. М. Семиосфера: монография. СПб.: Искусство СПб, 2001. С. 157.

⁴ Алаев Л. Б., Ерасов Б. С. Формация или цивилизация // Народы Азии и Африки, 1990. № 3. С. 46-56.

Таким образом, еврейская идентичность носит intersubъективный характер и обладает такими характеристиками, как: 1) религиозность и мифологизм, как проявление внешнего конструирующего влияния, которое проявляется в форме религиозных мифов, ритуалов и символов, которые трансформируются благодаря внешнему социальному влиянию; 2) субъективизм, как проявление внутригруппового и личностного влияния, так как каждая личность имеет возможность самостоятельного определения своей самости, противопоставляя ее внешнему мифу, и на формирование ее идентичности влияют глубоко личностные и практически не фиксируемые исследователями обстоятельства.

Выводы:

1. Еврейская идентичность – это одновременно ментальная реальность, выступающая частью «Я-концепции» и жизненный мир евреев, объединенных вокруг системы ценностей и мифов, которые носят этнический, религиозный, культурный, гражданский и политический характер (Э. Эриксон, М. П. Мчедлов, А. Н. Крылов). На становление еврейской идентичности оказывает влияние внешнее мифотворчество, направленное на адаптацию группы к требованиям социального окружения, следствием чего должна быть ее ассимиляция (П. Рикёр, В. Вебер, Р. Белла).

2. Однако не менее значимым представляется влияние субъективного фактора, представленного ответным внутригрупповым мифом, в содержании которого историческая жизнь группы преобразуется посредством коллективной памяти (М. М. Бахтин, В. С. Библер). Роль ценностного основания внутригрупповых мифов, способствующих сохранению еврейской идентичности, играет религиозное мифотворчество, которое распространяет внутригрупповые мифы, способствующие сакрализации действительности посредством навязывания ценностной атрибутики (Р. Барт, А. Ф. Лосев, Э. Кассирер, М. Элиаде, П. С. Гуревич).

3. В результате intersubъективная еврейская идентичность формируется посредством обращения к религиозным мифам, сохраняющим преемственность с объективно существующими ценностями иудаизма, историей и именем еврейского народа. В этом плане она отличается от идентичности евреев, которая легко транс-

формируется в связи с современными тенденциями развития общества и в настоящее время, как правило, имеет светский или этнический характер (П. Сорокин, В. Хесле, А. Пископель).

1.3. Дискурс о влиянии религиозного мифотворчества на еврейскую идентичность в израильских, западных и отечественных исследованиях

Проблемами еврейской идентичности длительное время занимаются многочисленные исследователи, представляющие различные отрасли философии, науки и публицистики. Однако этот вопрос пока не решен, причиной чего является то, что определение природы еврейской идентичности, часто связано с мифоисторией. Например, мифологический характер носила концепция иудейской идентичности, которая содержавшаяся в Торе. Она, как пишет Е. Носенко-Штейн, утверждала, что с древности евреи осознавали принадлежность к общности, произошедшей от Авраама и избранной Богом для исполнения особой миссии¹. Согласно мнению Дж. Веббера, мифы, содержащиеся в Торе, всегда были значимы для евреев и неевреев, по-разному воспринимающих сущность богоизбранного народа². Первые переживали богоизбранность как миссию, вторые воспринимали евреев как угрозу своей безопасности. Неприязнь к евреям основывалась на мифах, которые описывали их как «не-людей», что можно подтвердить текстами Манефона³, древнегреческого автора кровавого навета на евреев, которые якобы приносили Богу человеческие жертвы. Ответом на распространение мифов, основанных на предубеждениях против евреев, становились мифы, авторами которых были евреи, такие как И. Флавий⁴, стремившиеся оправдать свой народ.

¹Носенко-Штейн Е. В поисках самости: Изучение еврейской идентичности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/8n.html> (дата обращения: 09.04.2018).

²Modern Jewish Identities // Jewish Identities in the New Europe / Ed. J.L. Webber. Washington: Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies; Littman Library of Jewish Civilization, 1994. P. 74-75.

³Буровский А. М. Что такое антисемитизм? //Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX-XX веках. Выпуск 5. Красноярск, 2004. 208 с.

⁴Флавий И. Иудейские древности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/iudeiskie_drevnosti/ (дата обращения: 18.04.2018).

Значительное воздействие на формирование еврейского мифа в начале новой эры оказывали тексты трактующего Тору, Талмуда, рецепция которого евреями заключалась в принятии идей, нацеливающих их на необходимость следования истине, содержащейся в Мишне. При этом эмоциональный накал Талмуда и обилие иносказаний приводили к тому, что в еврейской и нееврейской среде его смысл воспринимался амбивалентно. Среди католиков, как показывает А. Штейнзальц, Талмуд ассоциировался с антихристианством, что привело к процессам его публичного сжигания¹. Еще одним аспектом дискуссии вокруг евреев в этот период была их экономическая деятельность, в отношении которой католики, в частности Ф. Аквинский, были предельно категоричны, считая евреев жадными ростовщиками². Протестантские авторы, начиная с М. Лютера, также полагали своим долгом разоблачать евреев, которые якобы руководствовались заповедями, призывающими обманывать и убивать неевреев³. Впоследствии миф о том, что евреи стремятся наживаться за счет неевреев, был повторен в публикациях представителей европейской литературы, таких как Дж. Милтон⁴, И. Гёте⁵, Б. Шоу⁶, Р. Эмерсон⁷, Г. Мелвилл⁸, Ч. Диккенс⁹, В. Шекспир¹⁰, М. Твен¹¹. Юдофобии отдавали дань известные

¹Штейнзальц А. Введение в Талмуд: монография. М.: Израильский институт талмудических публикаций, 1996 г. 382 с.

² Aquinas T. Letter on the Treatment of Jews (1271) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ccjr.us/dialogika-resources/primary-texts-from-the-history-of-the-relationship/268-aquinas> (дата обращения: 23.04.2018).

³Luther M. L. The Jews And Their Lies: monograph. Chicago: Christian Press, 1962. P.79.

⁴ Milton J. A Brief History of Moscovia // The prose works of John Milton. London, 1853. Vol. V. P. 394-432.

⁵ Гете И. Фауст: монография. Петрозаводск, Карелия, 1975. 559 с.

⁶ Шоу Б. Избранные произведения: монография. М.: Панорама, 1993. 559 с.

⁷ Эмерсон Р. Нравственная философия: монография. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. 384 с.

⁸ Мелвилл Г. Израиль Поттер: монография. М.: Художественная литература, 1966. 304 с.

⁹ Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим: монография. М.: АСТ, 2011 г. 512 с.

¹⁰ Шекспир В. Венецианский купец: монография. М.: ЭКСМО, 2002. 145 с.

¹¹ Твен М. Размышления о религии: монография. М.: Изд. полит. литературы. 1964. 48 с.

философы, такие как Ж. Ф. Вольтер¹, И. Фихте², Д. Мадзини³, И. Кант⁴, называвшие евреев нацией ростовщиков.

В XIX в. еврейские мыслители смогли концептуально ответить на эти предубеждения, объединившись в движение за пробуждение еврейского самосознания, в результате которого религиозные концепции иудейской идентичности были потеснены этническими концепциями еврейской идентичности. Среди раввинов, таких как Алкалай⁵ и Ц.-Г. Калишер⁶, возникла идея необходимости возвращения на Святую Землю. Г. Грец⁷, взяв на вооружение германские теории о нации-сущности, развил концепцию, согласно которой, еврейская нация, зародившись в древности, развивалась как живой организм. М. Гесс выдвинул идею о том, что движущая сила истории – это борьба между арийцами и семитами⁸. Евреи, согласно этой концепции, народ, создавший мораль, и достойный жизни в основанном на религиозных ценностях государстве. Цельное воплощение сионистский миф получил у А.-И. ha-Кохена Кука⁹, М. Л. Лилиенблюма¹⁰, Л. Пинскера¹¹, по мнению которых, еврейское государство будет восстановлено Богом и евреями, прилагающими к этому сознательные усилия. Тогда сионистское мифотворчество не было чем-то уникальным на фоне расцвета национального мифотворчества в Европе,

¹ Вольтер Ж. Ф. Философские сочинения: монография. М.: Наука, 1996. 560 с.

² Фихте И. Г. Сочинения в 2-х томах: монография. СПб.: Мифрил, 1993. 1485 с.

³ Маццини Д. Эстетика и критика избранные статьи М.: Искусство, 1976. 4787 с.

⁴ Кант И. Критика чистого разума. М., Мысль, 1994. 592 с.

⁵ Полонский П. Эволюция идеологии сионизма (19-20 в.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.migdal.org.ua/times/76/6722/?&print=1> (дата обращения: 14.04.2018).

⁶ Неер Р. И. Алкалай и Ц. Калишер [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jhistory.nfurman.com/lessons8/street28.htm> (дата обращения: 23.04.2018).

⁷ Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего / под ред. О. Инбера, В. Шерешевского [в 12 т.]. Т. 1. Одесса: Изд. кн. маг. Шермана, 1904-1909. 376 с.

⁸ Гесс М. Рим и Иерусалим. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1991. 423 с.

⁹ См. Крылов А. Идеология поселенческого движения в Израиле // Сборник избр. произведений р. Кука сост. И. Бернштейном). Иерусалим, без указ. года. С 37. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docplayer.ru/47775393-Ideologiya-poselencheskogo-dvizheniya-v-izraile.html> (дата обращения: 28.04.2018).

¹⁰ Лилиенблюм М.Л. Общевеетский вопрос и Палестина. Наше народное дело. М.: Русская типо-лит., 1886. 64 с.

¹¹ Пинскер Л. Автоэмансипация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.balandin.net/Pinsker.htm> (дата обращения: 08.04.2018).

народы которой переживали период возрождения национальных культур, что выливалось в распространении почвеннических мифов, которые повлияли и на развитие сионизма. Для сионистов, как пишет Ш. Занд, как и для многих национальных движений, вопрос различия между нациями решался с позиций биологии, которая пользовалась успехом у политических сил, подкреплявших сионистский миф «научной» методологией, подтверждающей право современных «потомков» иудеев колонизовать «Святую землю»¹.

Хотя основатель политического сионизма Т. Герцль придерживался умеренных позиций, говоря, что евреи являются исторически сложившейся общностью, которую характеризуют противоречивые антропологические характеристики², главным теоретиком сионизма стал М. Нордау, который разрабатывал версию о едином биологическом происхождении евреев, развивающихся как раса в современных условиях, за счет увлечения земледелием, спортом, телесным совершенствованием на родине предков³. «Фолькистские» взгляды М. Нордау развивал молодой М. Бубер, который создал миф об «узах крови», объединяющих еврейский народ в единую нацию. Концепция духовного национализма М. Бубера⁴, основанная на неоромантической мистике «крови и почвы» увлекла Г. Кона⁵ и В. Жаботинского⁶, которые прониклись идеей о том, что евреи обладают уникальной кровью, отличающей их от других народов.

¹Занд Ш. Кто и как изобрёл еврейский народ. Блеск и нищета - политика формирования идентичности в Израиле [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litresp.ru/chitat/ru/3/zand-shlomo/kto-i-kak-izobryol-evrejskij-narod/9> (дата обращения: 02.04.2018).

²Герцль Т. Еврейское государство: монография. СПб., Типография М. Стасюлевича, 1896 г. 112 с.

³Нордау М. Вырождение: монография. М.: Республика, 1995. 400 с.

⁴Бубер М. Изречённое слово (пер. А. Н. Портнов) // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 2 (41). С. 19-27.

⁵Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History: monograph. Malabar, Florida: E. Krieger Publishing company, 1955. 192 p.

⁶Жаботинский В. Самсон. Назорей: монография. М.: Текст, 2000. 349 с.

Необходимо сказать, что восприятие нации как «расовой» общности было свойственно не только еврейской интеллектуальной элите, но раввинам и политикам. Политический сионизм в лице Б. Борохова¹, Д. Бен-Гуриона² и И. Бен-Цви³ сформулировал миф о том, что палестинские феллахи, некогда представлявшие элемент еврейской расы, сейчас должны быть сплавлены со своим начальным организмом в единый сионистско-социалистический сплав. А. Рупин⁴ и Р. Н. Саламан⁵ развивали концепцию, которая доказывала, что еврейская нация, базирующаяся на биологической общности, должна совершенствовать свои качества благодаря селекции. Как показывает Р. Фальк, сформированная ими «теория крови», была популярна среди сионистов всех направлений вплоть до Второй мировой войны⁶.

Однако сионизм вызывал общественное отторжение, в результате чего появлялись публикации, направленные на его осмысление и критику, часть которой строилась на идейном фундаменте «биологического» национализма. Ее представитель Н. Бирнбаум, закрепивший термин «сионизм» в широком употреблении, утверждал, что основанием для происхождения народов, а также национального многообразия служат только естественные факторы⁷. Эти взгляды повторяли антисемитскую концепцию В. Марра⁸, который ввел в употребление термины «семи-

¹ Борохов Б. Классовые моменты национального вопроса: монография. Одесса: Кадима, 1906. С. 32.

² Ben-Gurion D. My Talks with Arab Leaders: monograph.. Jerusalem: Keter, 1972. P. 319.

³ Бен-Цви И. К истории рабочего сионизма: Бер Борохов... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/m/muchnik_a_m/polt-11.shtml (дата обращения: 06.05.2018).

⁴ Рупин А. Социальное устройство евреев. Берлин: монография Тель-Авив: Штабель, 1930. Т. 1. С. 15 (на иврите). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litresp.ru/chitat/ru/3/zandshlomo/kto-i-kak-izobryol-evrejskij-narod/9> (дата обращения: 02.04.2018).

⁵ Salaman R. N. The History and Social Influence of the Potato: monograph. Cambridge, Cambridge University Press. 1985 688 p.

⁶ Falk R. Zionism and the Biology of Jews: monograph. NY: Springer, 2017. 246 p.

⁷ Birnbaum N. Die Nationale Wiedergeburt des Jüdischen Volkes in Seinem Lande, Vienna? : monograph. Reinhold-Verlag, 1893. 175 s.

⁸ Marr W. The Victory of Judaism over Germanism. Viewed from a Nonreligious Point of View: monograph. Bern, Rudolph Costenoble, 1879. 37 s.

тизм» и «антисемитизм», понимаемые с «биологических» позиций, и Х. С. Чемберлена о том, что причиной появления народов является влияние природы на формирование рас¹.

В это же время в среде независимых ученых появился целый ряд авторов, таких как Э. Ренан², К. Каутский³, Ф. Боас⁴ и М. Фишберг⁵, которые возражали против переноса природных законов в этническую и социальную реальность. Основываясь на эмпирических данных, они доказали, что единство евреев вытекало из их прозелитизма, а не физических характеристик, которые на деле оказались фикцией. Труды антропологов нанесли удар по расистским теориям, так как показали то, что нет оснований говорить о еврейской расе, точно так же как отсутствуют какие-либо основания говорить о расе, состоящей из мусульман или христиан. Защищаемая антропологами методология была основанием для исследований еврейской идентичности Ш. Эттингера⁶, Д. Фишмана и Б. Высоцки⁷, С. М. Пилкингтона⁸, уделявших внимание объективным факторам объединения евреев в единый народ, при одновременном включении в социальную, экономическую, политическую жизнь тех стран, где они образовали диаспоры. Однако эти книги, также как и более поздние антирасистские произведения Г. Л. Шапиро⁹, Р. Патай¹⁰, А. Коркоса¹¹ были проигнорированы израильскими академическими, общественными и культурными кругами, для которых значение имел только тот идейный фундамент, который был

¹ Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия: монография. СПб.: «Русский мир», 2012. Т. 1. 688 с.

² Ренан Э. Жизнь Иисуса: монография. СПб., издание М. В. Пирожкова, 1906. 413 с.

³ Каутский К. Еврейство и раса. Статьи по вопросам национальности: монография. М.: URSS, 2012. 272 с.

⁴ Боас Ф. Разум первобытного человека: монография. М., Красанд, 2011. 154 с.

⁵ Фишберг М. Евреи — исследование расы и окружающей среды [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coollib.net/b/112158> (дата обращения: 14.05.2018).

⁶ Эттингер Ш. История еврейского народа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://abookclub.ru/index.php/t54161.html> (дата обращения: 22.04.2018).

⁷ Фишман Д., Высоцки Б. От Авраама до современности: монография. М.: РГГУ, 2000. 400 с.

⁸ Пилкингтон С. М. Религии мира: монография. Иудаизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 400 г.

⁹ Shapiro H. L. The Jewish People: A Biological History. Paris, UNESCO, 1960. 84 p.

¹⁰ Patai R., Patai W. J. The Myth of the Jewish race. NY, Scribner, 1975. 350 с.

¹¹ Corcos A. F. The Myth of the Jewish Race: A Biologist's Point of View: monograph. Cranbury, Lehigh University Press, 2005. 176 p.

создан А. Рупиным и Р. Н. Саламаном¹. Это ярко проявилось после того, как была опубликована декларация ЮНЕСКО, в которой было заявлено об отсутствии связи между биологией и национальной культурой, что сфокусировало внимание мировой общественности на том, что расовая концепция представляет собой попытку мифотворчества, а не научную доктрину². В этот период мировая этнологическая наука пережила «смену парадигмы», которая не коснулась тех ученых Израиля, которые остались верными сионистским мифам, утверждавшим единство происхождения «скитающегося народа».

В условиях современности, сионистское мифотворчество оказывает влияние на концепции еврейской идентичности в Израиле, где терминология «еврейской расовой проблематики» используется государством для обоснования политики создания народа-нации. Функцию национального нарратива здесь выполняет дисциплина, осуществляющая «поиск еврейских генов», которую представляют такие авторы, как Б.-Ш. Бонне-Тамир³. В ее рамках сконструирована мифологическая концепция «от Библии к Пальмаху» или теория непрерывной «органической истории еврейского народа», распространяемая государственной системой науки и образования. Ее автором является англичанин А. Моурант, который «нашел» общее для «настоящих евреев» биологическое происхождение и выстроил «генетическую антропологию», напоминающую по содержанию библейский нарратив⁴. Выдвинутая Моурантом мифологическая концепция легитимизовала поиск «еврейских генов». Поэтому, когда произошел захват территорий в Аравии, а правительство Израиля

¹ Рупин А. Социальное устройство евреев. Берлин: монография Тель-Авив: Штабель, 1930. Т. 1. С. 15 (на иврите). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litresp.ru/chitat/ru/3/zandshlomo/kto-i-kak-izobryol-evrejskij-narod/9> (дата обращения: 02.04.2018); Salaman R. N. The History and Social Influence of the Potato: monograph. Cambridge, Cambridge University Press. 1985 688 p.

² Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Принята 33-ей сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bioethics.ru/_Images/Catalog/137-1-33.pdf (дата обращения: 23.03.2018).

³ Batsheva Bonné-Tamir. Human Genetics. Batsheva Bonné-Tamir Human Genetics. Part B: Medical Aspects // The Quarterly Review of Biology, 1983. № 58, no. 4. Pp. 559-560.

⁴ Mourant A., Kopec A., Domaniewska-Sobczak K. The genetics of the Jews: monograph. Oxford, Oxford University Press, 1978.122 p

встало перед необходимостью определения «этнобиологических» границ «еврейского народа», на эту теорию поступил заказ. Вскоре Б.-Ш. Бонне-Тамир¹ под названием «еврейская генетика» опубликовала результаты генетических исследований, подтверждавших концепцию еврейского народа-расы, который был рассеян и провел свою историю в скитаниях.

Важно отметить, что в это же время в Израиле велись научные исследования, направленные на изучение проблем идентичности, которые не были подчинены мифологической парадигме, формируемой политическим заказом. Ряд ученых, таких как Д. Лисак², С. Смух³, А. Вейнград⁴, Р. Голденберг⁵, Э. Бен-Рафаэл⁶, Й. Горни⁷, Н. Хеймец, Ш. Копелиович, А. Эпштейн⁸, С. Лисица и Й. Перес⁹, Л. Фиалкова и М. Еленевская¹⁰ изучали практические аспекты того как развивается и трансформируется еврейская идентичность в Израиле, применяя методы социологии, психологии и этнологии. Однако, по словам Ш. Занда, израильтяне предпочли версию, предлагаемую «еврейской генетикой», утверждающей, что «ашкеназы» являются потомками библейских прародительниц, представители еврейских «жреческих фамилий» происходят от предка, жившего три тысячи лет назад; а 14 мая 1948

¹Batsheva Bonné-Tamir. Human Genetics. Batsheva Bonné-Tamir Human Genetics. Part B: Medical Aspects // *The Quarterly Review of Biology*, 1983. № 58, no. 4. Pp. 559-560.

²Lisak D., Miller, P. M., Repeat rape and multiple offending among undetected rapists // *Violence & Victims*, 2002. 17 (1). Pp. 73–84.

³Smootha S. Israel: Pluralism and Conflict. London, Routledge and Kegan Paul, 1978. Pp. 49-69.

⁴Weingrod A. Studies in Israeli Ethnicity after the Ingathering. N.Y., L.: Greenwood Press 1985. P. 179-199.

⁵Goldenberg R. The Origins of Judaism: From Canaan to the Rise of Islam: monograph. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 313 p.

⁶Ben-Rafael E. Language, Identity, and Social Division. The Case of Israel. Oxford: Clarendon / Oxford University Press, 1994. 289 p.

⁷Gorny Y. The State of Israel in Jewish Public Thought: The Quest for Collective Identity Cambridge. NY, New-York University Press, 1994. 279 p.

⁸Хеймец Н., Копелиович Ш., Эпштейн А. Демифологизация «возрождения иврита» // *Общество и политика современного Израиля*. Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002. С . 48-67.

⁹Лисица С. Индекс интеграции иммигрантов // *Русское лицо Израиля. Черты социального портрета*. М. «Мосты культуры», 2007. С. 141-165.

¹⁰Еленевская М., Фиалкова Л. Встречи с Фемидой. Рассказы русскоязычных иммигрантов о судебном опыте в Израиле. // *Русское лицо Израиля. Черты социального портрета*. М. «Мосты культуры», 2007. С. 251-281.

г. является не датой создания Израиля, а «Днем возрождения независимости древнего государства»¹. Таким образом, как показывает Н. Кириш² в государстве Израиль, коллективная идентичность живет мифом о единстве и древности биологического происхождения евреев, а функцию конструирования этого мифа выполняет генетическая наука.

В отличие от Израиля в европейских странах и США влияние сионистского мифа на отношение к еврейской идентичности более ограничено, что объясняется отношением западных государств к националистическим и расистским идеям³. Поэтому в Европе преобладают антропологические концепции, представленные примордиализмом и конструктивизмом. Например, объективностью выводов отличается примордиалистское исследование П. Джонсона⁴, посвященное формированию еврейского народа. Примордиализм европейских исследователей проявляется в публикациях, посвященных трансформациям еврейской идентичности в условиях глобализации, которая, по мнению М. Харта⁵ и Б. Вассерштейна⁶ ведет к ассимиляции еврейства. Более оптимистично оценивает будущее евреев Д. Пинто⁷, которая ориентируясь на методологию конструктивизма, утверждает, что европейские евреи находятся в поисках идентичности, отличающейся от той, что была распространена среди них до Холокоста, но в будущем претендующей стать «третьей опорой» еврейства после Израиля и США. Конструктивистская методология характерна для М. Вьевьорка⁸, который в качестве фактора трансформации еврейской

¹Занд Ш. Кто и как изобрёл еврейский народ. Блеск и нищета — политика формирования идентичности в Израиле [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litresp.ru/chitat/ru/3/zandshlomo/kto-i-kak-izobryol-evrejskij-narod/9> (дата обращения: 02.04.2018).

² Kirsh N. Population Genetics in Israel in the 1950s: The Unconscious Internalization of Ideology // *Journal of the History of Science*, 2003. Isis 94, no. 4. Pp. 55–631.

³ Heilman S C. Portrait of American Jews: The last half of the 20th century: monograph. San Francisco: Institute for Jewish and Community Research. 1995. 190 p.

⁴ Джонсон П. История евреев: монография. М., Вече, 2000. 672 с.

⁵Hart M.B. Science and the Politics of Modern Jewish Identity: monograph. Stanford, Stanford University Press, 2000. Pp.83, 85.

⁶Wasserstein B. Vanishing Diaspora. The Jews in Europe since 1945: monograph. L.: Penguin Books, 1997. P. 290.

⁷Pinto D. The Third Pillar? Towards an European Jewish Identity [Электронный ресурс]. Режим доступа // http://web.ceu.hu/jewishstudies/pdf/01_pinto.pdf. (дата обращения: 22.03.2018).

⁸Вьевьорка М. Соблазн антисемитизма. Ненависть к евреям в современной Франции: монография. М.: ИВРАН, 2006. 159 с.

идентичности рассматривает антисемитизм, который влияет на актуализацию еврейской идентичности. С ним согласен Ц. Гительман, который утверждает, что еврейство трансформируется благодаря влиянию СМИ, усилению межкультурного взаимодействия, росту взаимной ответственности, сфокусированному вокруг идеи о мировой роли Израиля¹.

В перечисленных работах ощутимо методологическое влияние американских исследований, где также сильно влияние антропологических подходов, но существуют свои особенности понимания еврейской идентичности. К примеру, американские евреи воспринимаются только как религиозная группа, а не этнос или раса². Американские авторы, такие как Р. Азриа³, Дж. Вучер⁴, Д. Гордис⁵, М. Гордон⁶, Й. Иерушалми⁷, Ч. Либман, Э. Л. Нитобург⁸, Дж. Д. Сарна⁹, Б. Филипс¹⁰, М. Б. Харт¹¹ отмечают упадок иудаизма и кризис еврейской идентичности, заключающийся в утрате привлекательности иудейских ценностей для евреев США, отличающихся индивидуализмом, секуляризованностью, социальной мобильностью.

Большинство американских исследователей основывается на примордиальной трактовке идентичности, опору которой они видят в иудаизме, еврейской куль-

¹Gitelman Z. The Decline of the Diaspora Jewish Nation: Boundaries, Content and Jewish Identity // Jewish Social Studies. 1998. Vol. 4. P. 112-132.

²Heilman S C. Portrait of American Jews: The last half of the 20th century: monograph. San Francisco: Institute for Jewish and Community Research. 1995. 190 p.

³Van Den Haag E. The Jewish Mystique: monograph. NY, Dell Publishers, 1979. P. 225.

⁴Woocher J.S. Sacred Survival: The Civil Religion of American Jews: monograph. Indianapolis: Indiana University Press, 1986. Pp. 140-146.

⁵Gordis D. Does World Need the Jews? Rethinking, Chosenness and American Jewish Identity. N.Y.: Scribner, 1997. P. 17-18.

⁶Gordon M. Assimilation in American Life: monograph. N.Y.: Oxford University Press, 1964. 276 p.

⁷Иерушалми Й. Еврейская история и еврейская память: монография. М.; Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры, 2004. С. 88-114.

⁸Нитобург Э. Л. Евреи в Америке на исходе XX в.: монография. М., Чоро, 1996. С. 4-23.

⁹Sarna J. D. Jewish Identity in the Challenging World of American Religion // Jewish Identity in America / Eds. D.M. Gordis, Y. Ben-Horin. Los Angeles: The Susan and David Wikstein Institute of Jewish Policy Studies. University of Judaism, 1991. P. 93-95.

¹⁰Philips B. A. Sociological Analysis of Jewish Identity // Jewish Identity in America, 1991. P. 3.

¹¹Hart M. B. Science and the Politics of Modern Jewish Identity: monograph. Stanford (CA): Stanford University Press, 2000. 340 p.

туре, образовании, связи между общинами США и Израиля. Этот взгляд на еврейскую идентичность раскрыт У. Хербергом¹, Ч. Либманом², Д. Гордисом³, Б. А. Филипсом⁴, Н. Гурвицем⁵, которые фиксируют, что устоявшиеся, архетипические параметры американско-еврейской идентичности под угрозой в связи с распространением универсализма и эгоцентризма. Конструктивистский или реформаторский, подход, для которого характерным является внимание к концептуальной части имеющих в обществе доктрин характерен для Д. Арноу¹, С. Голдштейна и А. Голдштейна¹, которые определяют еврейскую идентичность как акт индивидуального присвоения ценностей, связанных с религиозными, этническими и культурными элементами иудаизма, религиозности еврейского народа и гражданской религии Израиля⁶. Они показывают формы трансформации еврейской идентичности в Америке, на которые оказывают влияние регулярность соблюдения ритуальной практики, частота посещений Израиля, получение еврейского образования, возраст, принадлежность к той или иной конфессии⁷. Основываясь на исследованиях на конструктивистской методологии, М. Мейер пишет, что в основе еврейской идентичности США находится сплав элементов секуляризации, антисемитизма и чувства общности с Израилем⁸. Доминирующей темой книг К. Макдональда является этнический конфликт, раскрываемый в рамках темы коэволюции иудаизма и антисемитизма⁹.

¹Herberg W. Protestant, Catholic, Jew: monograph. N.Y.; Garden City: Anchor Books, 1960. P. 268.

²Liebman Ch.S., Don Yehiya F. Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and and Political Culture in Jewish State: monograph. Berkeley, University of California Press, 1983. P. 42.

³Гордис Д. Израиль. История государства: монография. М., Мосты культуры, 2018 г. 488 с.

⁴Philips B. A. Sociological Analysis of Jewish Identity // Jewish Identity in America, 1991. P. 3.

⁵Hurwitz N. Sources of middle-class values of American Jews // Social Forces. 1958. 37 (2). P. 117-123.

⁶Arnow D. Toward a psychology of Jewish Identity. A Multidimensional Approach // Journal of Communal Service. 1994. Vol.71. P.29-36.

⁷Jews on the Move / Eds. S. Goldstein, A. Goldstein. Albany: State University of New York Press, 1996. P. 203.

⁸Meyer M.A. Jewish Identity in the Modern World: monograph. Seattle: University of Washington Press, 1990. P. 8

⁹Макдональд К. Участие евреев в психоаналитическом движении [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/macdonald.htm> (дата обращения: 12.05.2018).

Синтезирующий положения примордиализма и конструктивизма, инструменталистский подход разрабатывается в трудах Р. Азриа¹, Дж. Сарны², Х. Дониша³, Дж. Вучера⁴, которые исходят из постулата о том, что еврейская идентичность, развиваясь во времени, приобретает новые формы. Как они полагают, в современной Америке еврейские общины существуют в виде альтернативных, открытых, свободно выбираемых групп, сохранивших привлекательность для ограниченного количества евреев⁵. Евреи в Америке создали квазирелигию под названием «гражданский иудаизм», в которой ценности и практики каждый устанавливает для себя лично⁶. В качестве инструментов сохранения идентичности эти авторы выделяют ценности, мифы, ритуалы⁷. К инструменталистским авторам относятся С. Коэн⁸, П. Лондон и А. Хиршфилд⁹, Й. Иерушалми¹⁰, пытающиеся выработать учитывающий различные точки зрения подход, согласно которому развитие еврейской идентичности в Америке продолжается благодаря тому, что евреи здесь придерживаются образа жизни, поддерживающего еврейскую идентичность. Факторами, влияющими на еврейскую идентичность в Америке, они считают образы Бога, Торы, антисемитизма, Холокоста, еврейской культуры, образования, чувства един-

¹ Azria R. Rozen (Minna) Jewish Identity and Society in the Seventeenth Century. Reflections on the Life and Work of Raphael Mordekhai Malki (1993) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.persee.fr/doc/assr_0335-5985_1993_num_84_1_1504_t1_0328_0000_5 (дата обращения: 13.04.2018).

² Sarna J. D. Jewish Identity in the Challenging World of American Religion // Jewish Identity in America / Eds. D.M. Gordis, Y. Ben-Horin. Los Angeles: The Susan and David Wikstein Institute of Jewish Policy Studies. University of Judaism, 1991. P. 93-95.

³ Дониш Х. Быть евреем: монография. М.: Феникс, 1999. 352 с.

⁴ Wocher J.S. Sacred Survival: The Civil Religion of American Jews: monograph. Indianapolis: Indiana University Press, 1986. Pp. 67-68.

⁵ Давидсон Р. Пламя Яхве: монография. М., Эксмо, 2015. 1008 с.

⁶ Wocher J.S. Sacred Survival. Religion of American Jews: monograph. Indiana University Press: Indianapolis, 1986. 254 p.

⁷ Дониш Х. Быть евреем: монография. М.: Феникс, 1999. 352 с.

⁸ Cohen S. M. Responce to Bruce Philips. Sociological Analysis of Jewish Identity // Jewish Identity in America. Los Angeles, University of Judaism 1991. P. 27-29

⁹ London P., Hirshfeld A. The Psychology of Identity Formation // Jewish Identity in America. University of Judaism: Los Angeles, 1991. P. 46. P. 31-49.

¹⁰ Иерушалми Й. Еврейская история и еврейская память: монография. М.; Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры, 2004. С. 88-114.

ства с еврейскими общинами, гордости за достижения евреев, за Израиль, за иудаизм. Большинство инструменталистов, таких как Дж. Вучер, признают, что такие институты, как региональная община, синагога, благотворительные и волонтерские организации являются факторами, участвующими в сохранении еврейской идентичности¹. Однако многие, например Х. Фейнгольд, указывают, что для евреев в США возможно светское отношение к идентичности, так как им важно сохранение лояльности Америке, принявшей их, как родных детей². Этот миф играет большую роль в формировании еврейской идентичности, так как ответы на вопрос о том, кого считать евреем здесь отличаются от израильского отношения к сущности еврея.

В Америке, как они полагают, евреем считается всякий человек, который заявляет о том, что имеет еврейское происхождение. Само это заявление, как пишет Е. Розен, служит достаточным основанием для принятия в общину, при этом обращение в иудаизм дает право любому человеку занимать любые посты в общинных институтах³. Ситуативность этого подхода служит основанием для утверждения М. Мейера о том, что обязательной для всех единообразной еврейской идентичности нет, и различные общественные страты евреев, куда входят ортодоксы, нерелигиозные, «соблюдающие» евреи, являются аутентичными носителями еврейской идентичности⁴.

Близкую методологическую позицию занимают представители американской социальной психологии, которые обращают внимание на то, какую роль в формировании идентичности играет еврейская семья и еврейское воспитание.

¹ Wocher J.S. Sacred Survival. Religion of American Jews: monograph. Indiana University Press: Indianapolis, 1986. P. 22-28.

² Feingold H. The American Components of Jewish Identity II Jewish Identity in America / Ed. by Gordis D.M., Ben-Horin Y. The Susan and David Wikstein Institute of Jewish Policy Studies. Los Angeles, University of Judaism, 1991. P. 69-80.

³ Rosen E. J., Weltman S. F. Jewish Families: An Overview // Ethnicity and Family Therapy. N.Y.: Guilford Press, 1996. P. 611-630.

⁴ Meyer M. A. Jewish Identity in the Modern World: monograph. Seattle: University of Washington Press, 1990. P. 8. 110 p.

Например, Д. Арнуи¹, А. Герц и Е. Розен², описывают еврейскую идентичность как внутреннее переживание, «самоподдерживающийся» элемент идентичности, который рождается как итог взаимодействия личности с ее окружением, порождающий религиозное, этническое, культурное своеобразие еврейского народа.

В целом американские исследователи исповедуют разнообразные методологические подходы, тем не менее, все они согласны с тезисом о том, что в США сосуществует несколько моделей еврейской идентичности³. Различные типы идентичности представлены еврейскими общинами, сконцентрированными на ценностях иудаизма, традиций еврейской жизни, воспитания, выживания евреев. Однако многие концепции объединяет мифологическая вера, согласно которой наиболее аутентичным образцом еврейской идентичности является жизнь евреев в Израиле, в то время как Америка обеспечила евреям свободу самовыражения⁴.

Особые традиции взаимодействия между мифотворчеством и наукой, изучающей идентичность евреев, существуют в России, где, как отмечает Р. Ганелин, на исследования евреев в разное время на науку о евреях оказывали влияние различные религиозные, общекультурные и политические мифы⁵. Особенностью исследований XIX в. была включенность в процесс исследования российского еврейства значительного количества еврейских ученых, которые выражали и защищали свои интересы. Поэтому в России к «еврейскому вопросу» был большой интерес, а необходимость вступить в дискуссию с евреями, утверждавшими себя в обществе, счи-

¹Arnou D. Toward a Psychology of Jewish Identity. A Multidimensional Approach // Journal of Jewish Communal Service. 1994. P. 30, 35.

²Herz F., Rosen E. Jewish Families // Ethnicity and Family Therapy / Ed. M. McGoldrick et al. N.Y.: The Guilford Press, 1982. P. 364-392.

³Himmelfarb H.S. Research on American Jewish Identity and Identification: Progress, Pitfalls and Prospects // Understanding American Jewry. New Brunswick (USA) and London: Ed. by Sklare M. Transition Book, 1982. P. 57-95.

⁴Charme S. Z. Varieties of Authenticity in Contemporary Jewish Identity // Jewish Social Studies. History, Culture and Society. Bloomington, 2000. V. 6. No 2. P. 133-155.

⁵Ганелин Р. Ш. Проблемы историографии евреев в России: 2-ая половина XIX – 1-ая половина XX вв. / Р.Ш. Ганелин, В.Е. Кельнер // Евреи в России. Историографические очерки. 2-ая половина XIX века-XX век. М., Иерусалим, 1994. С. 183-246.

тали важной многие философы, писатели, политики, среди которых были М. Бакунин¹, В. Белинский², С. Булгаков³, Ф. Достоевский⁴, Л. Карсавин⁵, А. Керенский⁶, Л. Н. Толстой⁷, В. Ленин⁸, Д. Мережковский⁹, В. Соловьев¹⁰, П. Столыпин¹¹, Г. Федотов¹² и др.

Представители российской философии и общественной мысли по-разному оценивали еврейскую идентичность. В философской литературе прослеживалось два противоположных мнения. Суть первого, представленного Ф. М. Достоевским¹³, В. В. Розановым¹⁴ и Л. П. Карсавиным¹⁵, С. Н. Булгаковым¹⁶ сводилась к объяснению неприятия евреев обществом по причине их собственной обособлен-

¹ Бакунин М. А. Интернационал, Маркс и евреи: монография. М.: «Вече», «АЗ^b» (Знатнов), 2008. 320 с

² Белинский В. Г. Избранные письма: монография. М: АН СССР, 1955. С. 376.

³ Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип: монография. СПб.: Издание Д. Е. Жуковского, 1907. 55 с.

⁴ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. // Тайна Израиля. («Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX первой половины XX вв.). - СПб.: «София», 1993. С. 7 - 29.

⁵ Карсавин Л.П. Россия и евреи // Тайна Израиля. («Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX первой половины XX вв.): монография. СПб.: «София», 1993. С. 407-431.

⁶ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М.: Республика, 1993. 384 с.

⁷ Толстой Л. Н. О евреях. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maxpark.com/community/129/content/3712651> (дата обращения: 10.05.2018).

⁸ Ленин В. И. К еврейским рабочим. Предисловие к брошюре «Извещение о III съезде РСДРП» // Полн. Собр. Соч. М.: Политиздат, 1960. Т. 10. С. 266 -269.

⁹ Мережковский Д. С. Еврейский вопрос как русский // Тайна Израиля («Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX первой половины XX вв.). СПб.: «София», 1993. С. 301-303.

¹⁰ Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Соловьев В.С. Соч. в двух томах. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 206 -258.

¹¹ Приведено по: Шварц А. Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М. Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1994. С. 33, 118. 99

¹² Федотов Г. П. О национальном покаянии // Русская идея и евреи. Роковой спор. Христианство. Антисемитизм. Национализм. Сб. статей. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература». 1994. С. 8 - 15.

¹³ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. Глава вторая, третья. // Пол. собр. соч. : В 30 т. Л., 1983. Т.25. С.74-92.

¹⁴ Розанов В. В. Юдаизм // Тайна Израиля: монография. СПб., 1993. С. 103-227.

¹⁵ Карсавин Л. П. Россия и евреи // Тайна Израиля. («Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX первой половины XX вв.). СПб.: «София», 1993. С. 415, 416.

¹⁶ Булгаков С. Н. Размышления о национальности // «Сочинения» М. Наука. 1993. Т. 2. С. 451. С. 435-457.

ности и нежелания понять точку зрения других народов и религий. Противоположная точка зрения была представлена авторами, такими как Н. Бердяев¹, В. В. Зеньковский², В. И. Иванов³, Д. И. Менделеев⁴, Д. С. Мережковский⁵, В. С. Соловьев⁶, Г. П. Федотов⁷, которые не испытывали вражду по отношению к евреям и доказывали, что причиной трудностей евреев в России явилось «нехристианское отношение» к ним со стороны церкви и окружения⁸.

Неоднозначно подходила к вопросу о евреях публицистика, в рамках которой, разрабатывалось монархическое направление, представленное работами Л. Леванды⁹ и М. Мыша¹⁰, обосновавшие точку зрения о том, что евреи не могут обладать гражданскими правами в православном государстве, и либеральное направление, представленное работами В. Оршанского¹¹, который настаивал на предоставлении евреям гражданских прав, от отсутствия которых у евреев страдает, прежде всего, русский народ.

Еще одной группой авторов, публикующих свои исследования, посвященные евреям, были представители исторической науки, которые, согласно классификации, данной Д. А. Эльяшевичем, были разделены на «внешнее» и «внутреннее»

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории: монография. Берлин: Обелиск, 1923. 268 с.

² Зеньковский В. На темы историософии // Современные записки. Париж. 1939. № 69. С. 280-293.

³ Иванов Вяч. К идеологии еврейского вопроса // Собрание сочинений под редакцией Д.В. Иванова и О. Дешарт. «Fozer Oriental chretien», Брюссель, 1979. Т. III. 308-310.

⁴ Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. М., Эксмо, 2008. 712 с.

⁵ Мережковский Д.С. еврейский вопрос как русский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/merezhkovsky/evreis.html> (дата обращения: 11.05.2018).

⁶ Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Соловьев В.С. Соч. в двух томах. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 206 -258.

⁷ Федотов Г. П. Новое на старую тему (К современной постановке еврейского вопроса) // Новый журнал. Нью-Йорк. 1942. № 1. С. 275-286. Цит. по: Тайна Израиля. Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX - первой половины XX в. СПб., 1993. С. 451.

⁸ Бердяев Н. А. Смысл истории: монография. Берлин: Обелиск, 1923. 268 с.

⁹ Леванда Л. К вопросу о евреях в Западном крае// Виленский вестник, 1866 №№ 20, 26 и 27). Вильна: Тип. А. Сыркина, 1866. С. 11, 23.

¹⁰ Мыш М. И. Руководство к русским законам о евреях: монография. СПб.: Тип. А. Бенке, 1914. 652 с.

¹¹ Оршанский И. Г. Евреи в России. Очерки экономического быта русских евреев: монография. СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1877. 444 с.

направления¹. «Внутренний» подход был представлен трудами С. М. Дубнова², защищавшего положение о том, что взгляд на жизнь евреев глазами самих евреев, доказывает, что еврейская диаспора является примером самостоятельной нации и представляет полноценную еврейскую жизнь. «Внешний» подход был разработан Ю. И. Гессеном³, В. Аленициным⁴, Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефроном⁵, Б. Д. Бруцкусом⁶, А. А. Ивановским⁷, Н. С. Лесковым⁸, А. Д. Элькиндром⁹, которые считали, что исследование евреев даст результаты тогда, когда будет основано на объективных данных, описывающих взаимодействие государства и евреев, а также русского и еврейского народов, с учетом антисемитизма, влияющего на ход этого взаимодействия.

Влияние идеологического мифа на исследования евреев ярко проявилось после 1917 г., когда широкое распространение получила «пролетарская еврейская наука», интересовавшаяся, как пишет Л. Дейч, только «еврейским рабочим движением»¹⁰. При этом, по мнению В. К. Лукина оценки деятельности евреев зависели от политического мифа и различались от апологии еврейского вклада в дело развития революции до мощной пропагандистской атаки на сторонников еврейской автоно-

¹Эльяшевич Д. А. Источниковедение истории евреев в России (к постановке вопроса) // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1993. С. 27-53.

²Дубнов С. М. Всеобщая история евреев: монография. Ростов-на-Дону, Феникс 2003г. 576 с.

³Гессен Ю. Евреи в России: Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев: монография. СПб. Типо-Литогр. А. Г. Розена, 1906. 328 с.

⁴Еврейская питейная торговля в России // Статистический временник Российской империи / сост. В. Аленицин. СПб., 1886. Вып. 9. Сер. III. С. 30.

⁵Евреи // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1893. Т. XI. С. 426-466.

⁶Бруцкус Б. Д. Профессиональный состав еврейского населения России: по материалам Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб. Типография «Север», 1908. 264 с.

⁷Ивановский А. А. Об антропологическом составе населения России. Труды антропологического отдела. Т. CV // Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском Университете. М., 1904. Т. XXII. 212-288 с.

⁸Лесков Н. Непитущая вера: фрагмент очерка «Еврей в России» // Родина. 2002. № 4-5. С. 87-90.

⁹Элькинд А. Д. Евреи. Сравнительно антропологическое исследование, преимущественно по наблюдениям над польскими евреями. Труды антропологического отдела // Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском Университете. М., 1903. Т. CIV. 206 с.

¹⁰Дейч Л. Невинноповешенные // Еврейская летопись. Л. М., 1926. С. 134-136.

мии. Этот миф скоро стал доминирующим, что объясняет запрет на изучение еврейства, приравненного к сионизму в 30-х - 90-хх XX в. гг. Только в 60-80-х гг. появляются отдельные исследования самосознания евреев, которые также сводились к критике сионизма как «классовой идеологии» и «движении еврейской буржуазии»¹.

В этот период в США публиковались исследования С. В. Барона², М. Даймонта³, Дж. Телушкина и Д. Прейгера⁴, Л. Полякова⁵, в которых было предложено осмысление проблем советского еврейства, включающее исследование факторов трансформации еврейской идентичности, среди которых основное внимание уделялось антисемитизму. Содержание этих трудов повлияло на исследовательскую парадигму еврейской идентичности в постсоветской России, где исследователи, отказываясь от идеологизации и клиширования, стали пытаться всерьез разобраться с особенностями жизни российских евреев. Стимул этим исследованиям, как заметил А. Е. Локшин, придало возрождение интереса евреев к своей истории, национальным традициям, культуре и языку⁶. В частности, этому способствовали еврейские университеты, исследующие историю и культуру евреев⁷. Сегодня еврейскому

¹ Лукин В. К столетию образования Петербургской научной школы еврейской истории // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1993. С. 22.

² Baron S W. Social and Religious History of the Jews: monograph. N.Y.: Morningside Heights, 1937. 408 p.

³ Даймонт М. Евреи, Бог и история: монография. М.: Мосты культуры, Гешарим, 2009. 568 с.

⁴Прейгер Д., Телушкин Дж., Почему евреи? О причинах антисемитизма: монография. Лос-Анжелес: Published by Almanac Press Inc, 1992. 204 с.

⁵ Поляков Л. История антисемитизма: монография. М., Gesharim, 1997. 1086 с.

⁶ Локшин А. Е. История евреев в России конца XVIII - начала XX веков в современной зарубежной историографии // Евреи в России. История и культура. Труды по иудаике. Вып. 5. СПб., 1998. С.15-37.

⁷Белова О. Евреи, Ленин и Христос (по материалам полесских этнолингвистических экспедиций) // Вестник еврейского университета. 2000. № 3 (21). С. 185-190.

вопросу уделяют внимание Л. Гудков¹, А. А. Гольденвейзер², Н. Зильберг³, В. Лихачев⁴, М. Нижник⁵, В. Прибыловский⁶, В. Рубинчик⁷, Л. Ременник⁸, З. Ханин⁹, И. Шафаревич¹⁰, В. Шнирельман¹¹, обратившиеся к анализу социального статуса евреев. Как отдельная тема еврейская идентичность выделяется в исследованиях представителей психологии, социологии и этнологии, таких как А. Милитарев¹², Е. Носенко¹³, В. Собкин¹⁴, М. А. Членов¹⁵, которые исследуют еврейскую идентичность в рамках цивилизационного подхода.

Еврейская идентичность в трудах отечественных ученых понимается как комплексная проблема самоопределения и самовосприятия евреев, на сознание которых влияет религия, этничность, психология и политика, вместе создающие не-

¹ Гудков Л.Д., Левинсон А. Г. Евреи в России. Свои и Чужие // Образ другого в культуре. М.: Наука, 1994. 336 с.

² Гольденвейзер А. А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе (от 1860-х до революции 1917 г.). М., Иерусалим, 2002. С. 115-157.

³ Зильберг Н. Русско-еврейская интеллигенция в Израиле: поиск новых моделей интеграции // Миграционные процессы и их влияние на израильское общество: сб. ст. М.: ИИИи БВ, 2000. С. 198-227.

⁴ Лихачев В. Евреи небесной сотни. Помним русский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vaadua.org/news/vyacheslav-lihachev-evrei-nebesnoy-sotni-pomnim> (дата обращения: 11.05.2018).

⁵ Нижник М. Между двумя мирами: дилеммы идентичности «русских» подростков в Израиле // Диаспоры. М., 2004. № 2. С. 6-30.

⁶ Прибыловский В. В., Иваненко С. И., Савельев В. Партии, движения, союзы России с религиозными приоритетами. Документы и тексты. М.: ООО "Панорама, 1993. 136 с.

⁷ Рубинчик В. Русскоязычные иммигранты в Израиле 90-х гг.: иллюзии, действительность, протест // Диаспоры, 2014. № 2. С. 39-56.

⁸ Ременник Л. Между старой и новой родиной. Русская алия 90-х гг. в Израиле // Диаспоры. М., 2000, № 3. С. 116-136.

⁹ Ханин В. Философия и арифметика израильских выборов // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru> [Электронный ресурс]. (дата обращения: 02.04.2018).

¹⁰ Шафаревич И. Р. Трехтысячелетняя загадка: монография. СПб: Библиополис». 2002. 366 с.

¹¹ Шнирельман В. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и её истоки: монография. М.: Мосты культуры-Гешарим, 2012. 312 с.

¹² Милитарев А. Ю. Идентичность и судьбы еврейской диаспоры в России // Диаспоры. 2002. № 4. С. 138-152

¹³ Носенко-Штейн Е. «Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду»: культурная память у российских евреев в наши дни: монография. М.: МБА, 2013. 575 с.

¹⁴ Собкин В.С., Грачева А.М. К психологии еврейской идентичности // Этнос, идентичность, образование. М.: РАО, 1998. С. 105-141.

¹⁵ Членов М. А. Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспоры. М., 1999. № 1.М. С. 34-56.

прерывный контекст происходящих изменений. Как пишет Е. Копылкова, ее предлагается рассматривать в качестве макрокультурной модели, в пределах которой варьируются и трансформируются формы самосознания человеческих общностей¹. При этом доминируют концептуальные модели, позволяющие анализировать еврейскую идентичность с учетом «внутреннего» подхода С. М. Дубнова. Не меньшее влияние на развитие науки о евреях в России получила точка зрения Д. А. Эльяшевича, который доказывал, что в России история евреев включает в себя, во-первых, еврейскую историю в России, во-вторых, русскую историю евреев, что доказывает факт того, что евреи в России получили самостоятельный статус не только от русского населения, но и от зарубежного еврейства². В последние годы значительное распространение получили исследования, использующие элементы западной методологии, в частности примордиализма, конструктивизма и инструментализма, где выделяются такие авторы, как А. Нистратов³, В. Собкин⁴, Я. А. Бромберг⁵, Е. Н. Носенко⁶, выявляющие степень соотношения таких составляющих еврейской идентичности, как «Я» и «Реального», «Я» и «Идеального», «Я» и «Анти-идеала». Затрагивая вопросы еврейской идентичности, многие обращаются к мифам, которые являются результатом восприятия образа еврея в русском сознании.

Сибирская тема в изучении российского еврейства, как отмечает А. Е. Локшин, проявлялась в исторической науке Сибири в контексте истории политической ссылки и истории экономического развития региона, что давало возможность огра-

¹Копылкова Е. А. Анекдот, как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов): 19.00.05. дисс. канд. псих. наук. М., 2006. 202 с.

² История евреев в России /Проблемы источниковедения и историографии: Сборник научных трудов. Отв. Ред. Д. А. Эльяшевич. СПб, 1993. С. 27-28.

³Нистратов А. А., Грачева А. М. Психосемантическое исследование общественного сознания // Общественное сознание и идеологическая работа. Кострома, 1990. С.44-45.

⁴ Собкин В. С., Грачева А. М. К психологии еврейской идентичности // Этнос, идентичность, образование. М.: РАО, 1998. С. 105-141.

⁵Бромберг Я. А. Евреи и Евразия: монография. М., Аграф, 2002. С. 7.

⁶Носенко Е.Э. «...Вот праздники Бога» (Историко-генетическое исследование еврейских праздников): монография. М.: Вост. лит, 2001. 230 с.

ниченного видения и односторонней оценки процессов формирования их идентичности¹. Исследования евреев в Сибири проводились исходя из традиций «внешнего» подхода, такими авторами, как Е. Н. Анучин², Г. А. Белковский³, В. Войтинский⁴, С. Максимов⁵, Т. И. Тихонов⁶, Е. Н. Тарновский⁷, Ю. Островский, Н. Б. Галашова⁸, Ю. М. Гончаров⁹, Л. В. Кальмина¹⁰, Л. В. Курас¹¹, И. В. Нам и Н. И. Наумова¹², Г. А. Ноздрин¹³, Ю. М. Мучник¹⁴, В. Рабинович¹⁵, В. В. Романова¹⁶, М.

¹ Локшин А. Е. Современная зарубежная историография российского еврейства XVIII - нач. XX вв. Взгляд из России // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. № 10. Красноярск - Улан-Удэ, 2002. С. 3-9.

² Анучин Е. Н. Исследование о процентах сосланных в Сибирь в период 1827-1846 годов: материалы для уголовной статистики России: монография. СПб. 1873. 249 с.

³ Белковский Г. А. Русское законодательство о евреях в Сибири: монография. СПб.: «Центр» типо-лит. М.Я. Минкова, 1905. 160 с.

⁴ Войтинский В., Горнштейн А. Евреи в Иркутске: монография. Иркутск: Изд-е хоз. правления Ирк. евр. молитвенного дома и Ирк. отд. общ-ва распротр. просв. между евреями в России, 1915. 393 с.

⁵ Максимов С. Сибирь и каторга: монография. СПб. Типо-литография Товарищества Просвещение. 1909г. 337с.

⁶ Тихонов Т. И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 279-296.

⁷ Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874 – 1894 гг.). СПб., 1899. Тип. Правит. Сената Место издания: Санкт-Петербург 432 с.

⁸ Галашова Н.Б. Еврейская община в г. Томске в конце XIX начале XX веков как транслятор духовных ценностей. //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. Материалы I научно-практической конференции (4-5 ноября 2000 года). Томск, 2000. С. 50-52.

⁹ Гончаров Ю. М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.): монография. Барнаул : АЗБУКА, 2013. 174 с.

¹⁰ Кальмина Л. В. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX века 1917 год): монография. Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2002. 164 с.

¹¹ Курас Л. В. Еврейская эмиграция евреев из Сибири в Харбин в первой половине XX века // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX–XX веках. Красноярск : Кларетианум, 2004. 157 с.

¹² Нам И. В., Наумова Н. И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.): монография. Красноярск, 2003. 240 с.

¹³ Ноздрин Г. А. Взаимоотношения русского и еврейского населения Сибири во второй половине XIX - начале XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/019.html> (дата обращения: 12.04.2018).

¹⁴ Мучник Ю.М. Из истории еврейской диаспоры в Томске // Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – XX вв.). Красноярск, 2001. С. 12 – 52.

¹⁵ Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: наброски к портрету // Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 1999. №1. С.77- 103.

¹⁶ Романова В. В. Евреи на Дальнем Востоке России (II пол. XIX в. - I четв. XX в.): монография. Хабаровск: изд-во ХГПУ, 2002. 256 с.

Н. Савиных¹. Они обращали внимание на особенности восприятия евреев населением Сибири, где евреи изначально выступали в роли ссыльных, но затем изменяли свое социальное положение, доказывая свою приемлемость в среде сибирских народов. Необходимо отметить, что большинство исследований евреев Сибири, рассматривает еврейскую идентичность как подчиненный внешним обстоятельствам ментальный конструкт. На фоне этого, малоисследованной темой остается внутригрупповое религиозное самосознание евреев. Таким образом, несмотря на наличие ряда прикладных исследований еврейской идентичности на территории нашей страны, до сих пор не проведено концептуально оформленное философское осмысление процесса формирования и трансформации еврейской идентичности с учетом влияния религиозного мифотворчества.

Выводы:

1. Решение вопроса о природе еврейской идентичности зависит от априорных убеждений о факторах ее формирования. Первыми были религиозные концепции, утверждавшие сущность еврейской идентичности в качестве души, связанной с Богом. В эпоху Просвещения религиозные мифы были отвергнуты наукой, но остались и стали носить латентный характер. В первую очередь они сменились биологическими концепциями, в которых доминировала вера в то, что еврейская идентичность – это «душа народа», сохраняющаяся благодаря еврейским генам, что повлияло на развитие расового сионистского (Алкалай, Ц.-Г. Калишер, Г. Грец, Т. Герцль, М. Нордау, Б. Борохов) и антисемитского мифотворчества (Н. Бирнбаум, В. Марр, Х. С. Чемберлен), основанного на латентных религиозных идеях.

2. Сионистский миф сохраняет влияние в научной традиции государства Израиль, где функцию национального нарратива выполняет «еврейская генетика» (А. Моурант, Б.-Ш. Бонне-Тамир). Напротив, в исследованиях идентичности на территории Европы и США, а также России принимается, основанная на принципах когнитивизма, методология примордиализма и конструктивизма, объединенных ве-

¹Савиных М. Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине 19 - начале 20 вв: монография. Омск: Омскбланкиздат, 2004. С. 111.

рой в ментальную природу идентичности, конструируемой посредством объективных и субъективных факторов (Э. Ренан, К. Каутский, Ф. Боас, М. Фишберг, Г. Л. Шапиро, Р. Патай, А. Коркос). Однако в этих странах также ощутимо влияние априорных, религиозно- мифологических идей, создающих региональные особенности понимания еврейской идентичности. Основополагающей идеей европейских ученых является влияние Холокоста на современную еврейскую идентичность. В Америке господствует убеждение, что большое значение для ее формирования имеют мифы о новой родине в лице Америки и мифы об изначальной родине в лице Израиля (Р. Азриа, Дж. Сарны, Дж. Вучер).

3. В истории российской науки, где евреев принято считать народом, вес имеет цивилизационная трактовка еврейской идентичности (А. Милитарев, Е. Носенко, В. Собкин, М. А. Членов). Постсоветский период ознаменован появлением западных концептуальных моделей, таких как примордиализм, конструктивизм и инструментализм, позволяющих анализировать идентичность евреев с учетом влияния «внешних» и «внутренних» факторов, однако их интерпретация в условиях российской научной действительности создает возможности обоснования синтеза когнитивистской методологии и цивилизационной модели идентичности.

Заключение к главе I

1. Причиной появления противоречащих друг другу оценок, связанных с определением того, чем является еврейство, является разнообразие этнобиологических характеристик этой группы, даваемых примордиалистскими (биологическими и историко-эволюционистскими) и когнитивистскими (конструктивизм) концепциями идентичности. Методологию, способную наиболее адекватно анализировать становление еврейской идентичности, определяя ее как ментальный результат выбора группы, образованный под влиянием объективных и субъективных, внешних и внутригрупповых факторов, влияющих на выбор образа «Я» на сознательном и неосознаваемом уровне, разрабатывает инструментализм и цивилизационная концепция еврейской идентичности, синтез которых определяет положения интерсубъективного подхода, согласно которому религиозные ценности иудаизма определяют содержание еврейской идентичности.

2. Евреи — это группы людей, идентичность которых сформирована разнообразными мифами, возникшими в результате отражения в сознании евреев условий их бытования и содержащих представления о ценностях, понимаемых как еврейские. В основе становления еврейской идентичности находится диалог между внешним и внутригрупповым мифами. Внешнее мифотворчество нацелено на достижение адаптации группы к условиям жизни и ассимиляции ее с доминирующими группами. Внутригрупповое мифотворчество способствует сохранению группы, основываясь на религиозном мифе о «богоизбранном народе». Еврейская идентичность сохраняет связь с объективным влиянием природного и социального окружения, а также с понимаемым в контексте ценностей религиозного мифа групповым прошлым, традициями, именем. Этим она отличается от идентичности евреев, как продукта индивидуального сознания, в большей степени подверженного влиянию социального окружения, и ориентированного на комплекс секуляризованных ценностей.

3. Становление еврейской идентичности является предметом дискуссии, на содержание которой влияют априорные убеждения о ее факторах. Религиозные концепции утверждали у евреев наличие иудейской идентичности, в качестве души, связанной с Богом. Биологические концепции доказывали, что еврейская идентичность сохраняется благодаря генам, что повлияло на развитие расового сионистского и антисемитского мифотворчества, основанного на религиозном мифе о «богоизбранном народе». Сионистский миф сохраняет влияние в научной традиции государства Израиль, напротив, на территории Европы и США принимается методология, основанная на принципах когнитивизма. Однако в этих странах также ощутимо влияние религиозно- мифологических идей, создающих региональные особенности понимания еврейской идентичности. В российской науке принимается цивилизационная концепция еврейской идентичности, однако, появление западных когнитивистских концепций создает возможности обоснования синтеза инструменталистской и цивилизационной трактовки идентичности.

ГЛАВА II. Исторические и региональные формы влияния религиозного мифотворчества на еврейскую идентичность

2.1. Влияние религиозного мифотворчества на еврейскую идентичность на территории Израиля, Европы и Америки

Еврейская идентичность формировалась одновременно со становлением самосознания европейских народов и представляла собой один из результатов этого процесса. В то же время, она традиционно противопоставляет евреев иным народам, а они считают евреев своим антиподом¹. Поэтому, исследования, посвященные еврейской идентичности, актуальны, что подтверждает концепция П. Валлерстайна², в соответствии с мнением которого закономерным представляется существование множества региональных групп, имеющих существенные отличия в своей идентичности, которые, как пишет Г. Грец, тем не менее, объединены верой в то, что они представляют единый народ, сплоченный общностью предков: Авраама, Исаака, Иакова³.

Однако этот миф не является единственным, так как процесс формирования еврейской идентичности состоял из разных этапов, характеризующихся распространением других идей и мифов. В разные времена эта вера подвергалась влиянию иудаизма, греческого мышления, христианства, ислама, средневековой философии, харизматических движений, и вследствие этого, в соответствии с положениями теории Х. Тэшфела, она принимала религиозный, этнический или гражданский вид⁴. Ранний период становления самосознания евреев была связан с принятием ими иудейской идентичности, основанной на религиозных мифах и является при-

¹ Викторовская В. А. Иркутская сионистская организация 1917–1919 гг.: задачи и идеи // Известия Иркутского государственного университета, 2013. № 2 (11), ч. 2. С. 115-124.

² Валлерстайн И. После либерализма: монография. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 10.

³ Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего / под ред. О. Инбера, В. Шерешевского: монография. Одесса: Изд. кн. маг. Шермана, 1904–1909. Т. 1. 376 с.

⁴ Taifel H. Social identity and intergroup relations: monograph. Cambridge: Paris, 2002. Pp. 144-167.

мером, подтверждающим мнение С. Н. Булгакова о том, что религиозность формировала и поддерживала этничность иудеев, так как она началась с появления общин, связанных с именами библейских патриархов¹. В этот период племена иври, на процесс интеграции которых влияли вера в наличие родоплеменных уз, общий религиозный культ, военные успехи и неудачи, социокультурная однородность и общий язык, формировали самосознание «своих», объединенных против «чужих», что выразилось в распространении мифа о сынах Израиля, который стал общей для этих племен иудейской идентичностью. Ведущее влияние, на консолидацию древних иудеев, как указывал Г. Гейне², оказали тексты Библии, в которых были представлены этические идеалы, основанные на вере во всемогущего Бога, что стало фактором кристаллизации иудейской идентичности. Однако, как показывают исследования П. Рикёра³, иудейская идентичность основывалась не просто на текстах Библии, а на особом их восприятии. Рецепция Торы стала источником рассмотренных М. Элиаде мифов, в которых кодифицировались постулаты о происхождении, культе, государственности, языке иудеев. Основой иудейской идентичности, стало осознание своей исключительности, которая связана с влиянием мифа об избрании евреев Богом⁴.

Библейский этногенетический миф утверждает, что между Богом и иудеями было достигнуто описанное у А. Штейнзальца соглашение об их послушании и поклонении в обмен на честь стать «избранными людьми»⁵. В этот период иудейская идентичность совпадала с идентичностью евреев, и представляла согласно библейскому мифу, «царство священников и народ святой», мироощущение которого характеризуется С. Кьеркегором⁶. Мифология избранничества с этого времени сопровождает историю евреев, подробно описанную А. Тюменевым. Согласно его

¹Булгаков С. Н. Размышления о национальности // «Сочинения»: монография. М.: Наука. 1993. Т. 2. С. 451.

²Heine H. Der Rabbi von Bacharach: monograph. Berlin: Cuphorion Verlag, 1921. 90 с.

³Рикёр П. Я-сам как другой: монография. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

⁴Элиаде М. Аспекты мифа: монография. М.: Инвест-ППП, 1996. С. 9.

⁵Штейнзальц А. Введение в Талмуд: монография. М.: Израильский институт талмудических публикаций, 1996 г. 382 с.

⁶Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 103 с.

идеям, указанная модель взаимоотношений с Богом в процессе рецепции ее народным сознанием, могла порождать не только миф о богоизбраннической миссии и консолидации иудеев, но и миф, в котором указывалось на возможность наказания Божьего в случае неповиновения¹. Это подтверждает концепцию М. Бубера, утверждавшего что иудейская идентичность имела сложный и противоречивый характер². Например, как пишет М. Лилиенблюм, в текстах Библии евреи упоминаются как народ, не выполнивший своих обязательств и лишенный права жить на Земле Обетованной. При этом Библия давала евреям надежду на возможность повторного обретения Земли Обетованной, что становилось возможным благодаря мифу об Исходе³. В соответствии с положениями концепции Ш. Айзенштадтом миф об Исходе был библейской моделью, которая использовалась для объяснения причин страданий и пути избавления от них. Одними из первых к ней обратились пророки вавилонского периода, предсказывая освобождение иудеев, понимаемое как Исход. Результатом их мифотворчества стало сохранение еврейского народа в условиях плена и последующее возобновление его этнической жизни⁴.

Впоследствии, когда страна была захвачена римлянами, а иудеи были рассеяны, миф об Исходе и возобновлении Завета был актуализирован. Однако, согласно исследованию, Д. Фишман и Б. Высоцки, он отличался от более ранней формы, согласно которой история народа зависела только от внешних обстоятельств. У нового Завета обязательства начертаны в самой воле людей, которые своими усилиями возвращают утраченное и обретают новое⁵. Действие этого мифа на сознание иудеев соответствует той модели диалога культур, которая описана в про-

¹Тюменев А. И. Евреи в древности и в средние века. Пг.: Гос.издательство, 1922. С. 188.

²Buber M. Der Jude und sein Judentum. Ergänzungsband zur dreibändigen Werkausgabe: monograph. Köln, Melzer 1963. 837 S.

³ Лилиенблюм М. Л. О возрождении еврейского народа на Св. земле его древних отцов: монография М.: "Русская" типо-лит., 1886. 64 с.

⁴ Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations And Multiple Modernities: monograph. Daedalus; Winter, 2000. 129 p.

⁵ Фишман Д., Высоцки Б. От Авраама до современности: монография. М.: РГГУ, 2000. 400 с.

изведениях М. Бахтина. Он оказывал на иудеев диаспоры интегративное воздействие, заставляя чувствовать себя частью великого народа¹. В результате, как пишет М. Эпштейн, они стали этнической группой, которая начав существование в древнем мире, единственная вступила в средневековый, сохранив свою идентичность². Вместе с этим групповая обособленность, ставшая следствием сохранения себя как отдельного народа, оказалась источником средневековых мифов, определивших направленность трансформации иудейской идентичности. Мифы указывали на иудеев, как «чужих», что в соответствии с концепцией М. Бубера можно объяснить опасениями о том, что они ведут войну против неиудеев³.

На территории Европы еврейская идентичность под влиянием внешнего мифотворчества пережила ряд трансформаций, связанных с возникновением диаспорного сознания, к которому добавлялись историческая память об их изгнании из «земли обетованной» и желание вернуться на родину. В диаспоре иудейская идентичность стала очень разнообразной, так как под влиянием внешних социальных условий в ней, подтверждая идеи З. И. Левина⁴, появлялись новые группы, такие как «сефарды» и «ашкенази», отличающиеся антропологией, типом культуры, ритуалами и языком. Кроме этого, на трансформации средневековой иудейской идентичности влияли условия городской корпоративной культуры, которая, по мнению М. Вебера⁵, имела различия в разных европейских государствах. Основной выживания иудеев в диаспорах стали для них мифы о происхождении и уникальности иудейского народа, иудейской общине и ее связи с другими общинами, а также миф о Святой Земле, что подтверждает концепцию мифа Э. Кассирера⁶. При этом представления иудеев о себе, почерпнутые из Торы, оказались потеснены мифами, на появление которых оказал влияние Талмуд, рассказывавший, согласно идеям А.

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: монография. М. Искусство, 1986. 445 с.

² Epstein M.M. Jewish Visuality: Myths of Aniconism and Realities of Creativity // *Conversations - The Journal of the Institute for Jewish Ideas and Ideals*, 2011. 9. Pp. 43 - 51.

³ Бубер М. Диалог // Два образа веры: монография. М. : АСТ, 1999. С. 122-161.

⁴ Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ): монография. М.: ИВ РАН - Крафт+, 2001. С. 107-130.

⁵ Вебер М. Избранные произведения: монография. М: Прогресс, 1990. 808 с.

⁶ Cassirer E. *The Myth of the State: monograph*. New Haven-L.: Yale Univ. Press, 1966. P. 296.

Штейнзальца об утерянной Родине, стремлении иудеев освободиться от власти римлян и противопоставлял иудеев неиудеям¹.

Влияние талмудического мифа на иудейскую идентичность было прослежено в трудах А. А. Неумана, который считал Талмуд одним из инструментов приспособления иудейства к условиям средневековой культуры. Внутригрупповой иудейский миф, сформированный под влиянием галахических норм, требовавших «отдельности» общинной жизни, выстраивал жизнь иудеев в соответствии с законами корпоративного устройства, религиозного законодательства, обычаев-минхагим². Подобные процессы формирования «единого народа» были описаны Э. Геллнером, который считал, что единство мировоззренческих представлений влияет объединение языковых, поведенческих и культурных норм³. Ведущим мифологическим сюжетом, определявшим трансформацию иудейской идентичности, было восприятие себя как народа в изгнании. Это понималось как исполнение наказания, которому Бог подверг иудеев, мировоззрение которых олицетворяло ощущение себя жертвой. В связи с этим, у них формировалось чувство необходимости отдачи Богу долга, а также ожидание мессии, который должен принести освобождение. Однако виктимная идентичность иудеев в Европе, как указывает Й. Зисельс, была обусловлена не только внутригрупповыми мифами, но и христианским антисемитским мифотворчеством⁴. Наличие этих двух мифов обеспечивало диалог между «своими» и «чужими», который согласно концепции В. Библера, обеспечивал актуализацию этноконфессионального самоопределения иудеев⁵.

¹Штейнзальц А. Введение в Талмуд: монография. М.: Израильский институт талмудических публикаций, 1996 г. 382 с.

² Neuman A. A. The Jews in Spain: Their Political and Cultural Life During the Middle Ages: monograph. NY: Octagon Books, 1969. Vols. I amp. II. 317 p.

³Геллнер Э. Нации и национализм: монография. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

⁴ Зисельс Й. Парадоксы и проблемы еврейской идентичности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vaadua.org/news/iosif-zisels-paradoksy-i-problemy-evreyskoy-identichnosti-leksiya> (дата обращения: 10.05.2018).

⁵ Библер В. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989, № 6. С. 31-42.

Безусловно, нельзя отрицать, что этот антисемитизм, во многом был определен экономическим фактором, на значимость и влияние которого указывали З. Бауман¹ и Р. Брубейкер². Дело в том, что иудеи занимались ростовщичеством, представлявшим большую значимость для правителей. При этом власти держали иудеев в качестве громоотвода, на который можно было направить гнев народных масс в случае социальной напряженности, на что обращалось в концепции К. Маркса³. Антииудейские мифы, такие как обвинения в «отравлении колодцев», в распространении «Черной Смерти», в «осквернении тела Христова», в «жертвенном кровопролитии», согласно П. Джонсону, провоцировали ненависть к ним⁴. Массовые гонения на иудеев стали причиной, описанного М.Л. Лилиенблумом, их исхода из христианских стран, который также облекся в форму религиозного мифа, призывающего иудеев вернуться на древнюю прародину⁵.

Однако, когда ремесло иудеев снова становилось необходимым, их заставляли вернуться в европейские города. Вслед за этим возникал ряд интеракций, проанализированных в концепции С. Гленна и Н. Соколоффа, согласно которой иудейская идентичность формировалась в зависимости от внешних условий и внутригрупповых ответов на них, взаимодействие которых определяло то, каким должен быть «настоящий иудей»⁶. Иудеи возвращались, оседали, но за этим, как сообщает Ш. Эттингер, снова следовали антииудейские бунты, следствием которых стало распространение мессианизма. Актуализировалось стремление возвратиться на Родину, в «Сион»⁷. Одновременно среди европейцев рос уровень неприязни к иудеям, о котором пишет А. Патай, а правительства приступили к поиску путей избавления

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество: монография. М., 2002.

² Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. P. 14-35.

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Из ранних произведений: монография. М.: Политиздат, 1956. С. 590.

⁴ Johnson P. *A History of the Jews: monograph*. NY: Perennial Library, 1988. Pp. 291-292.

⁵ Лилиенблум М. Л. О возрождении еврейского народа на Св. земле его древних отцов: монография. М.: "Русская" типо-лит., 1886. 64 с.

⁶ Glenn S. A., Sokoloff N. B. *Boundaries of Jewish identity: monograph..* Seattle : University of Washington Press, 2010. 249 С.

⁷ Эттингер Ш. История еврейского народа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://abook-club.ru/index.php/t54161.html> (дата обращения: 22.04.2018).

от них, заключавшихся в разработке фантастических проектов создания иудейских колоний¹.

Однако с наступлением эпохи Просвещения ситуация изменилась, так как секуляризация и ослабление влияния раввината способствовали снижению уровня влияния иудаизма на жизнь иудеев, среди которых все больше распространялась этническая еврейская идентичность, способствовавшая вовлечению иудейских общин в процессы модернизации. Следствием этого стала ликвидация корпоративного иудейского общества и описанной А. Вейнградом, модели идентичности, выстроенной по талмудическому образцу², что подтверждает теоретические положения З. Баумана³ и М. Кастельса⁴. В XIX в., как пишет Ц. Ваксман, развитие национальных государств дало возможность евреям, переставшим позиционировать себя как иудеи, получить гражданские права и повлияло на развитие еврейской эмансипации. Секуляризация привела к формированию свободной от ортодоксии религиозной идентичности, дающей возможность свободного поиска духовности в рамках реформистского и консервативного направлений в иудаизме⁵. В этот же период, благодаря закономерностям, проанализированным в работах Э. Дюркгейма⁶, появляется еврейская идентичность светской направленности, в содержание которой входили социальные символы, такие как еврейская община. Традиционная иудейская идентичность, в соответствии с идеями В. Хесле, носящая религиозный характер, вступила в стадию кризиса, проявлением которого была ассимиляция, сопровождающаяся появлением евреев, отказавшихся от иудаизма⁷. Однако, несмотря на

¹ Patai R., Patai W. J. The Myth of the Jewish race: monograph. NY, Scribner, 1975. 350 с.

² Weingrod A. Studies in Israeli Ethnicity after the Ingathering: monograph. N.Y., L.: Greenwood Press, 1985. P. 179-199.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество: монография. М.: Логос, 2002. С. 186.

⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: монография. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

⁵ Waxman C. The Emancipation, The Enlightenment, And The Demography Of American Jewry // Judaism. 1989. Vol. 38. P.488-501.

⁶ Дюркгейм. О разделении общественного труда. Метод социологии: монография. М.: Наука, 1991. 576 с.

⁷ Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. М., 1994. № 10. С. 112-123.

это, в Европе усилились антисемитские настроения, приобретшие секуляризованную форму. Вместе с этим, в соответствии с теорией секуляризации Р. Н. Белла¹, религиозный иудейский миф не ушел в прошлое, а принял латентную форму и сохранялся в качестве ценностного основания этнического и расового мифа.

Одной из причин распространения антисемитизма в XIX в. стала потребность вновь появившихся государств в исследованном П. Рикером, объединяющем нарративе². Идеологам понадобилось отделить «своих» от «чужих», в качестве которых согласно В. Библеру, выбирались те, кто мог вызвать отторжение или страх³. Евреи для большинства «национальных идей» оказались удобными «чужими», что в контексте трудов К. Мак Дональда объяснялось исторической традицией религиозного антисемитского мифотворчества, которое утверждало, что у еврейского народа имеется «семитская душа», противопоставленная «арийской душе»⁴.

На фоне этого диалога, стало неизбежным усиление еврейского мифотворчества, в котором ведущую позицию занимал миф о еврейском государстве, описанный Д. Дюком, согласно информации которого, его распространяло сионистское движение, представлявшее радикальную форму еврейского национализма⁵. Сионистский миф призывал евреев объединиться перед лицом враждебных наций Европы, у которых им была перенята национально-освободительная риторика, содержащая упоминания о «своих» и «чужих», которые как пишут С. Роман и Р. Личтер, были противопоставлены по принципу «крови и почвы». Сионистские мифотворцы использовали элементы иудеохристианской мифоистории о «вечных изгнанниках иудеях»⁶. Согласно требованиям сионизма, эволюцию которого исследовал П. По-

¹ Bellah R. Civil Religion in America // *Daedalus*. 1967. Vol. 96. № 1. P. 1-21.

² Рикёр, П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

³ Библер В. Культура. Диалог культур (опыт определения) // *Вопросы философии*, 1989, № 6. С. 31-42.

⁴ Мак Дональд К. Культура критики. Эволюционный анализ еврейского участия в интеллектуальных и политических движениях двадцатого столетия: монография. Лондон: Прэджер, 1995. 417 с.

⁵ Дюк Д. Еврейский вопрос глазами американца [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=235&p=1> (дата обращения: 11.05.2018).

⁶ Rothman S., Lichter R. *The Roots of Radicalism: Jews, Christians, and the New Left*: monograph. NY: Oxford University Press, 1982. 120 p.

лонский, евреи должны были участвовать в подготовке к воцарению машиаха, которая состояла в возрождении еврейской общины¹. Сионистский миф повлиял на мироощущение евреев, которые включились в движение за национальное возрождение, приобретшее форму возвращения в Палестину², что доказывает положения концепции Ж. Де Воса и Л. Романуччи-Росса, утверждавших эффективность использования религиозных идей в политических целях³.

С другой стороны, активизировались противники сионизма, такие как Ж. Гобино, которые доказывали, что алия ведет к появлению государства, нацеленного на захват мирового господства⁴. Контрапунктом сионизма было нацистское мифотворчество, которое утверждало тезис о расовой неполноценности евреев. Основываясь на этом мифе А. Гитлер, проводил политику геноцида, описанную в работе Р. Хилберга⁵. Однако трагедия Холокоста привела не только к массовой гибели евреев, но и активизировала национальное сознание тех, кто остался в живых, что подтвердило концепцию Э. Эриксона, доказывавшего, что существует связь между социальными явлениями и мировоззренческими идеалами группы⁶. Миф о Холокосте, как указывает А. Е. Локшин, сплотил евреев, которые смогли дать начало новому государству, основанному на принципах сионистской мифологии⁷. Важнейшей из причин возникновения государства Израиль было ощущение вины, которую, по мнению Э. Хаузена, испытывали руководители европейских государств и США под влиянием мифа о Холокосте⁸. Это подчеркивает роль религиозных мифов в формировании современной политической истории, осмысление которой

¹Полонский П. Эволюция идеологии сионизма (19-20 вв.) // Мигдаль Times , 2006. №76 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.migdal.org.ua/times/76/6722/> (дата обращения: 12.05.2018).

² Герцль Т. Еврейское государство: монография. СПб., Типография М. Стасюлевича, 1896 г. 112 с.

³ de Vos G., Romanucci-Ross L. Ethnic Identity: monograph. Chicago: Quadrangle Books, 1982. P. 16.

⁴ Gobineau J.-A. Essai sur l'inegalite des races humaines. Paris: Didot, 1853. 608 p.

⁵ Hilberg R. Holocaust. Encarta Encyclopedia. Barnes Review. : monograph. New York: Shoken Books, 1996. P. 142.

⁶Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: монография. М.: Прогресс, 1996. 246 с.

⁷ Гитлеровский геноцид и еврейская идентичность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/2364/index-243403.html> (дата обращения: 12.05.2018).

⁸Хаузен Э. Только еврейская идентичность - никакой другой [Электронный ресурс]. Режим доступа:

было проведено К. Юнгом¹ и М. Элиаде², так как формирование еврейской идентичности в Израиле напрямую связано с религиозным мифотворчеством. Источником этого мифотворчества, как пишет Р. Патай, является неоднозначность, содержащаяся в Декларации независимости, провозгласившей Израиль демократическим государством, который должен проводить политику, направленную на обеспечение общественного и политического равноправия граждан. В то же время в Декларации указывалось, что Израиль должен был стать еврейским государством, где создаются условия для еврейского национального возрождения³.

Религиозный миф, как можно понять из произведений Э. Хаузена, заключался в объяснении того, как ветхозаветное царство может быть возобновлено в условиях современности, где в демократические государства, как правило, отделены от церкви. Принятие этой идеи отразилось на процессе самоопределения значительной части граждан Израиля, разделившихся на «евреев, как таковых» и «израильских евреев», граница между которыми обозначена выяснением их отношения к иудаизму и светской идентичности⁴. Интенции, которые отправляют сознание евреев в Израиле к иудейским ценностям, ощутимы во всех областях жизнедеятельности, что находит соответствие в теоретических построениях, посвященных социальной роли религии в секуляризованном обществе М. Вебера⁵, Э. Дюркгейма⁶, К. Маркса⁷, Т. Парсонса⁸, П. Сорокина⁹ и др. При этом на связь с иудаизмом

<http://www.israelreport.ru/context/2115/-tolko-evreiskaya-identichnost-nikakoi-drugoi-> (дата обращения: 12.05.2018).

¹ Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов: монография. М.: Совершенство, 1997. 384 с.

² Элиаде М. Аспекты мифа: монография. М.: Инвест-ППП, 1996. 240 с.

³ Patai R., Patai W. J. The Myth of the jewish race: monograph. NY, Scribner, 1975. 350 с.

⁴ Хаузен Э. Только еврейская идентичность - никакой другой [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.israelreport.ru/context/2115/-tolko-evreiskaya-identichnost-nikakoi-drugoi-> (дата обращения: 12.05.2018).

⁵ Вебер М. Избранные произведения: монография. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

⁶ Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение: монография. М.: Канон, 1995. С. 154.

⁷ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Из ранних произведений: монография. М.: Политиздат, 1956. С. 590.

⁸ Parsons T. The Social System: monograph. Glencoe: FreePress, 1951. P. 41-42.

⁹ Сорокин П. А. Система социологии: монография. Пг.: Колос, 1920. Т. 1. С. 261-287.

претендуют не только церемониальные, но политические, экономические и культурные символы. Например, А. Коркос обратил внимание на то, что в израильском гимне, говорится о «еврейской душе» и стремлении обрести свободу «в стране Сиона и Иерусалима»¹. Эту информацию подтверждает Р. Патай, говоря, что в цветах израильского флага отражено влияние такого религиозного символа, как еврейское молитвенное покрывало, и шестиконечная звезда. В гербе Израиля содержится изображение семисвечника, стоявшего в Иерусалимском храме. Израильский календарь ориентирован на иудейское понимание времени. Мифологическая рецепция иудейской доктрины определяет развитие израильского образования, где расписание учебного года определено в соответствии с иудейским календарем, а тема еврейских праздников и обычаев изучается, начиная с детских садов и школ².

Как полагает А. Якобсон, современное религиозное мифотворчество в Израиле является следствием того, что значительное количество его граждан – это светские люди, стремящиеся жить в демократическом государстве³. Более того, существующее законодательство о правах, свободах и обязанностях еврейских граждан, оправдывает эти надежды. Однако еврейский миф о демократическом государстве разбивается, сталкиваясь с фактами, указывающими на то, что политическое и гражданское равноправие недоступно для тех граждан Израиля, кто не является евреями. В частности, за пределами демократии находится большое количество евреев, которые не признаются полноценными представителям расы⁴. Это предполагает необходимость появления мифов, которые бы оправдывали это положение дел с помощью обращения к идеям, апеллирующим к ценностям религии, на что обратил внимание А. Н. Крылов⁵.

¹ Corcos A. F. *The Myth of the Jewish Race: A Biologist's Point of View*: monograph. Cranbury, Lehigh University Press, 2005. 176 p.

² Patai R., Patai W. J. *The Myth of the Jewish Race*: monograph. NY, Scribner, 1975. 350 c.

³ Yakobson A, Rubinstein A. *Israel and the Family of Nations: The Jewish Nation-State and Human Right*: monograph. London, NY: Routledge, 2008. 246 p.

⁴ Liebman Ch.S., Don Yehiya F. *Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and and Political Culture in Jewish State*: monograph. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 42, 87.

⁵ Крылов А. Н. *Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида*: монография. М.: Издательство НИИ, 2014. 272 с.

Отношения между различными социальными группами, как утверждает Д. Гордис, в Израиле регулируются с одной стороны мифом о «возвращении в Израиль», с другой - мифом об «отцах-основателях», создавших это общество после Второй Мировой войны. «Отцы-основатели», это статусная страта общества, которая проводит политику, якобы нацеленную на «собрание евреев» в «единый плавильный котел»¹. Реализуя ее, они объявили об эпохе «возвращения», в период которой от всех евреев диаспоры требовалось приехать в Израиль, где создалась «единая национальная культура». Однако, когда евреи диаспоры, приезжали в Израиль, они узнавали, что «единая национальная культура», это общность, которая ориентирована на комплекс специфических религиозных ценностей и норм, связанных с почитанием «отцов-основателей», являющихся, в контексте теории Э. Дюркгейма², базой для национальной интеграции.

По информации Д. Гордиса, для идеологов Израиля, исповедовавших сионистский миф о «своих» и «чужих», было очень важно показать особое качество еврейской религиозной жизни «отцов-основателей», которое делало их носителями уникальной идентичности, основанной на негалутных ценностях. «Негалутность» – это качество, присущее только людям, рожденным в Эрец-Израиле, которые в отличие от евреев диаспоры, являются свободными людьми, свободно исповедующими свою религию и ведущими еврейский образ жизни. «Негалутные» евреи сформировали высокостатусную группу, отличающуюся культурной и языковой спецификой, которые подчеркивают превосходство над другими группами³. Таким образом, сионистские идеологии, находившиеся под влиянием ницшеанской мифологии, и использовавшие обращение к ценностям религиозной свободы, как рычаг управления, создали систему регуляции поведения неофитов, стремящихся к статусу «негалутного еврея», то есть носителя высших религиозных, моральных и творческих качеств, что доказывает току зрения П. Бурдьё о том, что идентичность

¹Гордис Д. Израиль. История государства: монография. М., Мосты культуры, 2018 г. 488 с.

²Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение: монография. М.: Канон, 1995. С. 154.

³Гордис Д. Израиль. История государства: монография. М., Мосты культуры, 2018 г. 488 с.

– это динамическая структура социальных различий, которая детерминируется практическими нуждами сообщества¹.

Теперь «галутные» евреи, уверенные что были «угнетены» в диаспоре, оказались поставлены в зависимое положение от израильской элиты, представляющей, согласно текстам Р. Патая, как «новая еврейская нация»². Этот миф был разоблачен как проявление сионизма Генеральной Ассамблеей ООН, принявшей резолюцию, квалифицирующую его как форму расизма и дискриминации³. Однако для Израиля это решение стало лишь поводом для более точного определения того, кто имеет право относить себя к подлинному еврейству. Для этого был разработан «Закон о возвращении», в содержании которого заключался этногенетический миф, согласно которому, еврей — это человек, обладающий еврейским происхождением, переданным ему генетически. Миф, обеспечивающий согласно Г. Лебону⁴ единство группы, политического уклада и менталитета, указывал, что религиозная вера передается евреям в соответствии с биологическим наследством и подчинена генетике. При этом, согласно информации С. Смуха, несмотря на то, что власти заявили, о том, что неевреи могут, приняв иудаизм, стать частью еврейского общества, это удалось сделать лишь немногим⁵. Дело в том, что единственным признаком, который может повлиять на решение о возможности признания человека евреем в Израиле – это овладение ивритом, который считается атрибутом носителей аутентичной еврейской идентичности, однако, как пишет А. Вейнград, эта задача выполнима только для рожденных в семьях носителей этого языка⁶.

Таким образом, сионистское мифотворчество, синтезирующее расизм с обращением к латентным религиозным ценностям, функционал которых раскрыт Р.

¹Бурдые П. Социология политики: монография. М.: Socio-Logos, 1993. С. 99-158.

²Patai R., Patai W. J. The Myth of the jewish race: monograph. NY, Scribner, 1975. 350 с.

³История внешней политики. 1945-1976: монография. М., Наука, 1977. С. 548.

⁴Лебон Г. Психология психология народов и масс. СПб.1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/309/psihologia.pdf> (дата обращения: 21.02. 2018).

⁵Smooha S. Israel: Pluralism and Conflict: monograph. London, Routledge and Kegan Paul, 1978. Pp. 49-69.

⁶Weingrod A. Studies in Israeli Ethnicity after the Ingathering: monograph. N.Y., L.: Greenwood Press 1985. P. 179-199.

Белла¹, продолжает процветать в современном Израиле, где положение человека в обществе, как пишет У. Горни, определяется его этнобиологическими параметрами. Согласно ему, еврейская жизнь в Израиле представляет позитивную альтернативу жизни евреев в диаспоре, так как еврейское общество представляет наиболее высокий уровень общественной организации по сравнению с любым сообществом евреев из диаспоры². Можно заключить, что, сионистское мифотворчество в Израиле продолжает применяться в качестве выразителя национальных интересов и идеологии, что подтверждают изыскания Дж. Боди³. Однако реальность такова, что создать расово чистое общество оказывается задачей более трудной, чем это представлялось вначале. Сегодня, согласно данным Дж. Хофмана и Х. Фишермана, израильское общество разделено на идентификационные страты, большая часть которых сформировалась на базе тех, кто считался «галутными» евреями и тех, кто не считался евреями⁴.

Еще одной причиной разногласий в трактовках еврейской идентичности является отсутствие преемственности в развитии еврейского этноса на территории государства Израиль, где слишком велик разрыв с традициями еврейской истории⁵. Это влияет на то, что многие аспекты этой идентичности, претендующие на связь с традицией, конструируются здесь и сейчас, на что обращается в концепциях конструктивистов, таких как Б. Андерсон⁶ и Ф. Барт⁷. Вместе этим, согласно мнению С. Айзенштадта, это не отвергает возможности реального обращения к отдаленному во времени наследию. Безусловно, что современное еврейское общество в ка-

¹ Bellah R. Civil Religion in America // *Daedalus*. 1967. Vol. 96. № 1. P. 1-21.

² Gorny Y. *The State of Israel in Jewish Public Thought: The Quest for Collective Identity*: monograph. NY: New York University Press, 1994. 279 p.

³ Badi J. *Fundamental Laws Of The State Of Israel*: monograph. NY: Hill And Wang, 1960. P. 156.

⁴ Hoffman J. E., Fisherman H. Language shift and language maintenance in Israel // J.A. Fishman (ed). *Advances in the Sociology of Language*. Mouton, The Hague, 1972. Vol. 2. Pp. 342-364.

⁵ Гейзель З. *Еврейская традиция: монография*. М.: Маханаим. 2002. 268 с.

⁶ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма: монография*. М.: Канон-Пресс, 2001. 333 с.

⁷ Barth F. *Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries»*: monograph. Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. P. 11-32.

кой-то части восходит к традиции, вместе с этим оно отвергает ее, так как современные евреи унаследовали, как восточные, так и западные элементы, которые сегодня нивелированы и неотличимы по причине их симбиоза¹. При этом, большинство идентификационных групп в случаях попыток определения своей сущности со стороны государственной власти, воспринимают это болезненно, так как результатом этого, по их мнению, будет уничтожение еврейского духа. Многие группы, стремящиеся к самосохранению, как доказывает теория Х. Тэшфела, считают миф о «еврейской нации» бичом Израиля². Дело в том, что, как пишут А. Якобсон и А. Рубинштейн, акцент на закрытость еврейской общности, сопровождающийся акциями, направленными на отчуждение и дискриминацию части израильского населения, не считающего себя евреями, создает очаги напряженности и трудноразрешимые конфликты³.

Существенно усложняет вопрос о еврейской идентичности в Израиле то, что вне Израиля существует множество еврейских групп, которые, как доказывает Е. Бен-Рафаэль, имеют такую же историю происхождения, но не считают репатриацию в Израиль возможной и не желают идентифицировать себя с этим государством. Более того, проживающие в Израиле евреи, относятся к еврейским аспектам своей идентичности все более индифферентно, что становится очевидным на фоне усиливающегося интереса к иудаизму со стороны нееврейской части израильского общества⁴. На основе вышесказанного можно прийти к выводу о том, что еврейская идентичность в Израиле является продуктом сложного процесса развития самосознания, раскрытого в трудах интеракционистов Дж. Мида⁵, Ч. Кули⁶, Х.

¹ Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations And Multiple Modernities: monograph. Daedalus; Winter, 2000. 129 p.

²Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behaviour // Psychology of Intergroup Relations. Chi.:Nelson-Hall, 1986. P. 7.

³Yakobson A, Rubinstein A. Israel and the Family of Nations: The Jewish Nation-State and Human Right: monograph. London, NY: Routledge, 2008. 246 p.

⁴Ben-Rafael E. Language, Identity, and Social Division. The Case of Israel: monograph. Oxford: Clarendon: Oxford University Press, 1994. 289 p.

⁵ Мид Дж. Г. Избранное: монография. М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. М., 2009. 290 с.

⁶ Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок: монография. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.

Ремшмидта¹. Согласно их концепции, на ход этого процесса оказывают влияние как устойчивые, субстанциональные факторы, влияющие на сохранение устойчивых параметров еврейского мировосприятия, так и изменяющиеся условия современного мира, сопровождающиеся применением целенаправленно сконструированного сионистского мифотворчества, описанного в работе У. Горни².

Поэтому отношение современного сионизма к израильскому населению и его идентичности амбивалентно. С одной стороны, в соответствии закономерностями, раскрываемыми в трудах С. Гленна и Н. Соколоффа³, имеется ясное представление о его самостоятельной от прошлого современной истории и жизни. С другой стороны, как пишут Н. Хеймец, Ш. Копелиович, А. Эпштейн, идентичность граждан Израиля является полем для усиливающейся активности сионистского и иудаистского мифотворчества, которые зависят от политической конъюнктуры⁴. К примеру, Р. Патай и В. Патай пишут, что в последнее десятилетие Израиль меняет политику в отношении эмигрантов, демонстрируя отсутствие заинтересованности в их притоке. Современный государственный миф Израиля делает акцент на ранее критикуемом понятии «диаспора», которую теперь призывают прикладывать усилия для обеспечения лояльности Израилю во всех регионах планеты. Согласно новому мифу, обращаясь к евреям диаспоры, можно найти пути к очагам власти и средствам информации тех стран, где они проживают⁵. Да и сами галутные евреи, перестали мечтать о смене статуса, так как предпочитают жизнь в своих понятных и удобных для них диаспорах, что подтверждает теорию П. Бурдые, в которой говорится о конструируемости идентичности⁶.

¹ Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности: монография. М.: Мир, 1994. С. 214.

² Gorny Y. The State of Israel in Jewish Public Thought: The Quest for Collective Identity: monograph. NY: New York University Press, 1994. 279 p.

³ Glenn S. A., Sokoloff N. B. Boundaries of Jewish identity: monograph.. Seattle : University of Washington Press, 2010. 249 С.

⁴Хеймец Н., Копелиович Ш., Эпштейн А. Демифологизация «возрождения иврита» // Общество и политика современного Израиля. Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002. С . 48-67.

⁵ Patai R., Patai W. J. The Myth of the jewish race: monograph. NY, Scribner, 1975. 350 с.

⁶Бурдые П. Социология политики: монография. М.: Socio-Logos, 1993. С. 99-158.

В условиях современного мира евреи, помимо Израиля, расселены в различных регионах, где представляют этнические меньшинства. Все эти группы подвержены ассимиляции и влиянию постиндустриальной культуры, и поэтому ради своего выживания, согласно Дж. Миду¹, Ч. Кули², Х. Ремшмидту³, нуждаются в мифах, таких как миф о Холокосте, создающих проеврейский контекст интерпретации происходящих вокруг них событий. Ситуация вокруг их идентичности усложняется активизирующимися процессами поиска альтернативных ортодоксальному раввинизму идентичностей, который, как полагает А. Вейнград, привел к крайнему разнообразию точек зрения на то, каким должен быть еврей⁴.

Важнейшей составляющей этого процесса является тенденция к ассимиляции, раскрытая в трудах П. Бергером и Т. Лукманом⁵, и проявляющаяся в жизни основной массы еврейства вне Израиля. Многогранная светская культура западного общества оказалась более действенным фактором мифологизации, чем нарративы о Холокосте, практика синагогального образования или общинные традиции. На фоне «легкой» жизни постиндустриального общества происходит не только ослабление антисемитизма, но и связи евреев с общинной жизнью. Следствием является сокращение населения, понимающего себя как евреи. Лояльность по отношению к сионизму, согласно сообщению Я. Шелега, сохраняется только среди евреев пожилого возраста, что ослабляет влияние Израиля на еврейскую диаспору, где существуют свои особенности развития еврейской идентичности⁶.

¹ Мид Дж. Г. Избранное: монография. М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. М., 2009. 290 с.

² Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок: монография. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.

³ Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности: монография. М.: Мир, 1994. С. 214.

⁴Weingrod A. Studies in Israeli Ethnicity after the Ingathering: monograph. N.Y., L.: Greenwood Press 1985. P. 179-199.

⁵Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания: монография. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

⁶Шелег Я. Государство, религия и еврейская идентичность [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://madan.org.il/ru/news/gosudarstvo-religiya-i-evreyskaya-identichnost> (дата обращения: 30.06.2016).

Особенностью западноевропейской еврейской идентичности является обращение к ценностям государства, семьи и религии, что полностью соответствует модели идентичности, которая разработана в трудах С. Хантингтона. Значимым идентифицирующим признаком там является конфессиональность, заключающаяся в необходимости самоопределиться с религиозным выбором¹. На этом фоне конфессиональность, как и этничность рассматривается как личное дело, которое, по мнению Ч. Либмана, не оказывает влияния на социальное положение ее носителя. Сочетаясь с таким понятием, как гражданская нация, современная модель еврейской идентичности в странах Западной Европы стала основанием для функционирования религиозно-общинной идентификационной структуры, которая присуща западным еврейским диаспорам, объединенным вокруг мифа о Холокосте².

Однако наибольшего развития эта структура достигла в США, где еврейская идентичность на фоне глобализационного влияния нач. XXI вв. обретает новую жизнь, так как на нее появилась мода и даже спрос в американском обществе, состоящим из иммигрантов. Говоря о глубине перемен, происшедших в области еврейской жизни и построения идентичности в условиях современности Х. Фейнгольд отмечает, что современные социальные траектории евреев вышли за рамки влияния еврейской общины. Современные сообщества евреев имеют мало общего с еврейской общиной прежних времен, так как представляют альтернативные, открытые и свободно выбираемые группы, привлекательные для небольшого числа евреев³. Для большинства из них община не представляет собой каркас их социализации, так как эту функцию выполняют мифы, синтезирующие, по мнению А. Н. Крылова религиозные, политические и культурные идеи.

¹Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: монография. М: АСТ, 2003. 603 с.

²Liebman Ch. S. The Ambivalent American Jew. Politics, Religion and Family in American Jewish Life. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1973. P. 21-23.

³ Feingold H. The American Components of Jewish Identity II Jewish Identity in America / Ed. by Gordis D.M., Ben-Horin Y. The Susan and David Wikstein Institute of Jewish Policy Studies: monograph. Los Angeles, University of Judaism, 1991. P. 69-80.

В США евреи сформировали иудеоамериканскую идентичность, которая, согласно мнению Р. Азриа, включает, как элементы идишской культуры, так и ориентируется на изменения, проходящие в рамках американского общества¹. Здесь в отличие от целостного традиционного подхода к еврейской идентичности, евреи стали воспринимать еврейство как один из аспектов идентичности. Для самоопределения они применяют такие критерии, как профессиональный статус, политическую или идеологическую причастность, культурные и эстетические ощущения, гражданство и т.д. Одним из «столпов» еврейской самости в Америке является религиозное еврейское мифотворчество. В контексте философских идей Е. Кассирера, рецепция еврейского мифа в США используется для возвеличивания этой страны в качестве «Нового Израиля»². Миф о «Новом Израиле» это нарративы об американской истории евреев в контексте прославления дарующей свободу Америки. В них евреи показывают, что свобода была обретена ими в борьбе за сохранение идентичности, отказу от ассимиляции, готовности защищать свои убеждения, это указывает на мифы как инструмент формирования «Я-концепции», разрабатываемой Х. Тэшфелом³. Ведущей темой еврейского мифа об Америке, как показывает публикация Э. Ротштайна, является утверждение о том, что она является воплощением плана Бога о «Земле Обетованной», благодаря которому евреи добились успехов. Множество символов свидетельствует о реализации этого плана, например, в употреблении встречаются ханукальные подсвечники, где свечи держит статуя Свободы. Скульптура Моисея расположена у скал американского национального парка, что свидетельствует о том, что эта земля является олицетворением обета Бога⁴.

¹ Azria R. Rozen (Minna) Jewish Identity and Society in the Seventeenth Century. Reflections on the Life and Work of Raphael Mordekhai Malki (1993) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.persee.fr/doc/assr_0335-5985_1993_num_84_1_1504_t1_0328_0000_5 (дата обращения: 13.04.2018).

² Cassirer E. The Myth of the State: monograph. New Haven-L.: Yale Univ. Press, 1966. P. 296.

³ Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behaviour // Psychology of Intergroup Relations. Chi.: Nelson-Hall, 1986. P. 7.

⁴ Ротштайн Э. Американские евреи - евреи или американцы? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://grimnir74.livejournal.com/6475037.html> (дата обращения: 25.04.2018).

Однако миф об Америке как «земле обетованной» не является единственной особенностью американской еврейской идентичности. Для американских евреев важно то, что отличает их от израильских евреев. Это гордость за то, что они являются подлинными американцами. Особенным вниманием у них пользуются мифы, посвященные еврейскому вкладу в развитие американской экономической, политической и культурной жизни. Как пишет С. Мутерперель, еврейский нарратив посвящается достижениям Б. Дилана, А. Эйнштейна, Б. Абцуга, и др. что ярко характеризует направленность этих текстов, в которых не существует упоминаний о развитии еврейской культуры, образования, изучения иудейских текстов или особого понимания себя как еврейского народа без мифа об Америке¹. Еще одним специфически мифом, рожденным евреями на американской земле, согласно Дж. Вучеру, стал миф об успехах современного Израиля, степень влияния которого все время росла, вследствие чего росло количество сионистски настроенных американцев². Здесь важно учесть причину этого, так как по мнению С. Мутерперель, что в годы войны Холокост воспринимался американским еврейством индифферентно, поэтому после нее они чувствовали комплекс вины перед евреями из Европы³. Однако после войны, когда стало возникать религиозно и мифологически окрашенное понимание Холокоста как Катастрофы, резко выросла солидарность с евреями в Европе, что было особенно ощутимо в 1967 г., когда американский отклик на события в Израиле был настолько ощутим, что к этому диалогу, который проходил в контексте понимания В. Библера⁴, присоединились общины из Лондона и Парижа. Э. Хаузен пишет, что, к этому времени Катастрофа стала мифом, который стал в

¹ Мутерперель С. Проблемы еврейской идентичности в современной американской науке // Материалы Девятой ежегодной междисциплинарной конференции по иудаике. М.: Сэфер, 2002. Ч. 2. С. 135-154.

² Woocher J. S. Sacred Survival. Religion of American Jews: monograph. Indianapolis: Indiana University Press, 1986. P. 67-68.

³ Мутерперель С. Проблемы еврейской идентичности в современной американской науке // Материалы Девятой ежегодной междисциплинарной конференции по иудаике. М.: Сэфер, 2002. Ч. 2. С. 135-154.

⁴ Библиер В. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989, № 6. С. 31-42.

значительной мере влиять на идентичность американской еврейской общины. В сознании американских евреев Катастрофа приобрела статус внеисторического, космического события, в повествовании о котором доминирует идея уникальности¹. Тема Катастрофы стала секулярным аналогом религиозного мифа об Исходе. Причиной этого, по мнению Д. Арноу, является то, что современному еврею, живущему в диаспоре легче отождествить себя с теми, кто шел в газовые камеры, чем с персонажами классического мифа².

Это замечание подтверждает Дж. Вучер³, который пишет, что иудаизмом в Америке считается не аутентичная древней Торе религия, а секуляризованная форма иудаизма, адаптировавшегося к американским условиям. Х. Фейнгольд⁴ отмечает, что в Америке иудаизм выбрал упрощенный вариант правил, которые понятны проживающим здесь евреям, ориентированным на мифы, рожденные ностальгическими чувствами и воспоминаниями о еврейской традиции. Это влияет на либерализацию и плюралистичность взглядов на мир со стороны американских евреев, среди которых развиваются самые разнообразные идентичности. При этом значение идишской культуры неизменно «тает», а влияние мифов, рожденных на американской почве растет.

Выводы:

1. В период древнееврейской истории среди евреев доминировала иудейская идентичность, основанная на библейском мифе о богоизбранном народе, и таким образом, значительную часть их возможно считать иудеями. Когда в иудейской идентичности стали проявляться этноконфессиональные черты, это привело к разделению мира на «свои» и «чужие» народы. Этот миф рождал религиозный ответ

¹ Хаузен Э. Только еврейская идентичность - никакой другой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.israelreport.ru/context/2115/-tolko-evreiskaya-identichnost-nikakoi-drugoi-> (дата обращения: 13.04.2018).

² Arnou D. Toward a Psychology of Jewish Identity. A Multidimensional Approach // Journal of Jewish Communal Service. 1994. P. 30, 35

³ Woocher J. S. Sacred Survival: The Civil Religion of American Jews: monograph. Indianapolis: Indiana University Press, 1986. P. 20.

⁴ Feingold H. The American Components of Jewish Identity II Jewish Identity in America / Ed. by Gordis D. M., Ben-Horin Y. The Susan and David Wikstein Institute of Jewish Policy Studies. Los Angeles, University of Judaism, 1991. P. 69-80.

окружающих народов, уверенных, что иудеи, ведомые мифами Торы и Талмуда, ведут войну против «гоев».

2. С наступлением Просвещения секуляризация привела к ослаблению религиозных структур, вследствие чего иудейская идентичность уступила место еврейской идентичности, а сама заняла место латентных религиозных мифов, продолжающих оказывать влияние на еврейское сообщество. Однако в дальнейшем оно раскололось на тех, кто принимал еврейскую идентичность и был частью еврейской этнической общины и тех, кто принимал идентичность евреев, носящую светский характер. При этом религиозный миф, олицетворяющий еврейскую идентичность, не исчез, а принял латентную форму, выполняя функцию ценностного обоснования этнических, расовых, политических, рыночных и других социальных мифов, распространенных среди них. Так взаимодействие между евреями и неевреями стали определять основанные на идее этнобиологического родства мифы о «своих» и «чужих», что акцентировало внимание евреев на сионистском мифе о возрождении еврейского государства, имеющем происхождение в библейских идеях о Святой Земле и Исходе.

3. С другой стороны, активизировались противники сионизма, мифотворчество которых утверждало основанный на латентном религиозном мифе о вине евреев перед Богом тезис о расовой неполноценности евреев, что привело к массовой гибели евреев. Однако гонения на евреев имели и другие последствия, так как благодаря мифу о Холокосте, апеллирующему к религиозной идее божественного наказания и прощения, они смогли создать государство на исторической Родине. С этого времени формирование еврейской идентичности в Израиле зависит от политического мифотворчества, которое доказывает библейскую идею о том, что жизнь евреев на Земле обетованной отличается от их жизни в диаспоре, понимаемой, как рассеяние. В отличие от Израиля, особенностью еврейской идентичности в Европе является обращение к идеям о государстве и семье, основанным на религиозных ценностях, а этничность рассматривается как личное дело каждого. В США евреи сформировали иудеоамериканскую идентичность, которая включает элементы идишской культуры, но ориентируется на стремительные изменения, проходящие

в американском обществе, понимаемом как олицетворение библейского мифа о Земле Обетованной.

2.2. Влияние религиозного мифотворчества на еврейскую идентичность в России

Одной из групп российского общества являются евреи, процессы возрождения религиозного и этнического самосознания среди которых, отличаются противоречивостью. Как пишет Е. А. Копылкова, для российских евреев характерна идентичность, предполагающая принадлежность, как к российскому, так и к еврейскому народам с его этническими и религиозными ценностями¹. Еврейская идентичность в России отличается региональными особенностями, о которых писал Т. Хоровитц, одной из которых является меньшая степень влияния на нее иудаизма в той форме, в какой он существовал на территории Палестины и в европейской диаспоре. Другая зависела от тех факторов, которые складывались в зависимости от условий жизни еврейской общины в России, отношения к ней государства и других социальных групп, главным образом, от российского мифотворчества, посвященного евреям².

Первые контакты русских с евреями, которых понимали тогда, как иудеев, относятся к периоду зарождения Древнерусского государства, у границ которого был расположен Хазарский каганат, где проживали иудеи и иудаизированные тюрки. В этот период восприятие иудеев на Руси формировалось в процессе славянско-иудейского диалога, описываемого в истории как миф о «первом конфликте», переданного А. Севастьяновым³. В контексте теории М. Бахтина о диалоге культур в этом мифе четко определяется оппозиция «Свой» - «Чужой»⁴, так

¹Копылкова Е.А. Изучение особенностей еврейской этнической идентичности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3264 (дата обращения: 04.08.2018).

²Horowitz T. Children of Perestroika in Israel: monograph. Lanham; NY; Oxford: University Press of America, 1999. Pp. 31-34.

³Севастьянов А. Еврейская мафия – угроза человечеству [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravda-pravo.ru/forum/index.php?topic=795.0> (дата обращения: 14.03.2018).

⁴Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: монография. М. Искусство, 1986. 445 с.

как согласно содержанию, пересказанного А. Прохожевым, иудеи пытались навязать князю Владимиру свою духовную власть¹. Кроме этого, историческое мифотворчество этого автора утверждает, что поселившиеся в Киевской Руси иудеи были «чужими», в соответствии с пониманием этого термина В. Библером², так как занимались ростовщицеством и эксплуатацией русских, что привело к восстанию против них. С этого времени в русском языке появился термин «жид», обозначающий купца и скрягу, с которыми на Руси, описываемой в трудах Б. Рыбакова, стали ассоциировать иудеев. Вслед за этим иудеи были изгнаны с русской земли³. Однако еврейские авторы, говоря об этом периоде, доказывают религиозную версию конфликта, который отражен в работе Д. Клиера, причиной которого, по их мнению, были православные проповедники, не мирившиеся с религиозным инакомыслием⁴.

На наш взгляд обе версии исторического мифа указывают на то, что антииудейская мифология до XVIII в. оказывала влияние на отношение русских к иудеям, в которых видели внешнюю духовную и экономическую угрозу. Однако исторический парадокс заключался в том, что, согласно С. М. Соловьеву, русские правители часто пользовались услугами образованных и богатых иудеев, в отношении которых в обществе распространялись антииудейские мифы⁵. Содержание их было, как правило, смешанным, но любые социальные действия иудеев выводились из их религиозного вероучения. Например, согласно мифу, обвинявшему их в распространении ереси «жидовствующих», иудеи-богоубийцы пытались уничтожить народ-богоносец. В данном случае, согласно теории Э. Дюркгейма, иудеи служили

¹ Прохожев А. А. Теневой народ (К истории евреев в России): монография. М., Полиграф-сервис, 2002. 309 с.

² Библер В. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989, № 6. С. 31-42.

³ Рыбаков Б. А. Мир истории: монография. М., Молодая гвардия, 1984. С. 154.

⁴ Клиер Д. Россия собирает своих евреев: монография. М., Мосты культуры, 2000. С. 46-49.

⁵ Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России: монография. М.: Правда, 1989, С. 117-118.

религиозным символом «чужих», который стимулировал русский народ к интеграции вокруг православной идеи¹. Находясь под его влиянием, цари Иван Грозный, Алексей Михайлович, Петр I, Елизавета Петровна препятствовали въезду иудеев, за исключением выкрестов, о которых пишет Д. Фельдман, в Россию². Таким образом, несмотря на то, что иудеев в русском государстве, практически не было на протяжении шестисот лет, мифы о них будоражили сознание русских, потому, что представители государства использовали миф об угрозе «чужих» ради мобилизации «своих», обращаясь к наиболее ценностным, религиозным основаниям разбирает М. Бубер³. Поэтому, когда в 1775 г. Россия присоединила земли Польши, где проживало множество евреев, в которых видели угрозу, связанную с их иудейской идентичностью, посвященное им мифотворчество, как показывают О. Белова и В. Петрухин, стало расцветать⁴.

Однако, как можно понять из описаний М. Членова, среди них была распространена не иудейская, а еврейская идентичность, связанная с формированием обособленного еврейского мира польских ашкеназов, образовавших замкнутые группы, взаимодействие которых с внешним миром определял жесткий партикуляризм и синагогальная жизнь⁵. Кроме этого, как доказывают О. Белова и В. Петрухин, евреи выделялись среди народов Российской империи особым внутригрупповым мифотворчеством, специфика которого проявлялась в использовании идиша для внутригруппового общения, а также в сохранении легенд и воспоминаний, в

¹ Дюркгейм. О разделении общественного труда. Метод социологии: монография. М.: Наука, 1991. 576 с.

²Фельдман Д. З. О роли выкрестов в следствии и суде над патриархом Никоном (по материалам РГАДА) // Памяти Лукичева. М., 2006. С. 466-482.

³Buber M. Der Jude und sein Judentum. Ergänzungsband zur dreibändigen Werkausgabe: monograph. Köln, Melzer 1963. 837 S.

⁴ Белова О. В. , Петрухин В. Я. «Еврейский миф» в славянской культуре: монография. М. Мосты культуры, 2008. 568 с.

⁵Членов М. Особенности еврейской самоидентификации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://index.org.ru/journal/11/chlenov.html> (дата обращения: 12.05.2018).

которых создавалась собственная история, основанная на специфических религиозных ценностях и образах¹. Сохранение религии было ключевым моментом, который согласно Э. Геллнеру способствовал сохранению ими своей идентичности². При этом в соответствии с теми положениями, которые были разработаны Х. Тэшфелом и Дж. Тёрнером, на складывание еврейской идентичности оказывало влияние не только внутригрупповое самосознание, но и оценки окружающих социальных групп³. В условиях усиления давления со стороны общественного окружения, жизнь евреев не могла строиться без учета содержания внешнего социального мифа, проанализированного в трудах П. Бурдьё⁴ и Ж. Бодрийяра⁵, который апеллировал к религиозной идее, указывая на иудейскую веру евреев. Всех их, а среди них, согласно информации С. Лозинского, были выходцы из Польши, крымские, кавказские, бухарские евреи, а также группы населения, которые, не будучи этническими евреями, приняли иудейскую веру, этот миф определял как нечто единое и связанное между собой вне зависимости от места проживания группы⁶.

Внешние мифы о евреях были объединены верой в то, что евреи при любых обстоятельствах сохраняют и передают на уровне генетики связь с изначальной родиной и религией, направляющей их на завоевание мира. Например, согласно И. Черному, целенаправленно распространялся миф о евреях, поселившихся в России ради её покорения мирным путём, с которым были связаны стереотипы, в которых евреи рисовались, как люди, лишённые стремления быть лояльными к государству

¹ Белова О. В., Петрухин В. Я. «Еврейский миф» в славянской культуре: монография. М. Мосты культуры, 2008. 568 с.

² Геллнер Э. Нации и национализм: монография. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

³ Tajfel H., Turner J. C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict: monograph. Montrey, Calif., 1979. P. 33-47.

⁴ Бурдьё П. Социология политики: монография. М.: Socio-Logos, 1993. С.99-158.

⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна. Минск: Красико-Принт, 1996. 360 с.

⁶ Лозинский С. Г. Антисемитизм в России в XIX веке // Социальные корни антисемитизма в Средние века и Новое время. М.: Атеист, 1929. 209 с.

и к неевреям¹. Ч. Рууд и С. Степанов сообщают, что в обществе обсуждалась проблема «религиозного фанатизма евреев», представление о котором опиралось на миф о влиянии, которое оказало на них учение Талмуда, якобы формирующее представителей гетто, которые верили в превосходство над «гоями» и хотели уничтожить их. Религиозный антисемитизм вел к тому, что евреев стали воспринимать как вражеских лазутчиков, под видом рассеяния формирующих общины, руководимые кагалами и благодаря ростовщичеству и спаиванию, подчиняющих население². Страх перед евреями и отвращение к ним, вызванные религиозными мифами антисемитизма, сыграли большую роль в практике проживания евреев в рамках земель «черты оседлости», которая, по словам Й. Петровски-Штерна, была механизмом ущемления их прав³.

В результате еврейская идентичность согласно концепции П. Бергера и Т. Лукмана⁴, определялась российскими внешними условиями, которые субъективно усваивались евреями, расселенными в условиях «черты оседлости», что означало скученность и нищету, выбраться из которой мечтал каждый еврей⁵. Однако не меньшее значение имел, как доказывают концепции Ш. Шварца⁶, З. Баумана⁷, имел внутригрупповой миф, распространяя который, евреи указывали на антисемитизм и религиозную нетерпимость российских властей. Отклик на этот миф, проходивший в соответствии с теорией диалога культур В. Библера⁸, в западноевропейском

¹ Черный И. Горские евреи Терской области. Краткие исторические сведения 1869 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/799052-kavkazskie-evrei-gorcy/toread> (дата обращения: 12.05.2018).

² Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., Мысль, 1993. С. 280, 281.

³ Петровский-Штерн Й. Судьба средней линии // «Неприкосновенный запас». 2001. № 4 (18). С. 36.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания: монография. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

⁵ Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. М., 1994. № 10. С. 112-123.

⁶ Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство: монография. СПб.: Речь, 2004. 72 с.

⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество: монография. М.: Логос, 2002. С. 186.

⁸ Библиер В. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989, № 6. С. 31-42.

и российском обществе к нач. XIX в. оказался настолько велик, что многие общественные и государственные деятели, как пишет Д. Клиер, осознали, что евреям необходимо представить условия, благодаря которым они бы стали равноправными гражданами. Однако реализации этой идеи мешал распространенный среди руководства страны миф, повествующий, что виной изоляции евреев является иудаизм, как источник их чужденности и ненавистнической идеологии¹.

Поэтому правители России решились на ряд мероприятий, направленных на ликвидацию религиозной и, зависимой от нее, культурной самобытности еврейского сообщества. Ликвидировать еврейскую идентичность, пытались реформами, направленными на «сближение» и «слияние» русских и евреев, Александра I, а затем посредством агрессивного вмешательства, разрушающего традиционную общину при Николае I. Эти меры, в контексте теоретических положений О. А. Богатова² и М. П. Мчедлова³, подчеркивающих целостный характер феномена идентичности, зависимой от внешних и внутригрупповых факторов, несмотря на иной финал, не кажутся бессмысленными, так как они привели к тому, что культурная изоляция евреев ослабевала. Начиная со втор. пол. XIX в. они учили язык, осваивали профессии и получали государственные должности. Однако, когда вслед за этим последовал кризис еврейской общины, основанной на религиозно-патриархальных ценностях, среди евреев, появилось много людей, которые из опасения потерять свое «Я», противопоставляли себя изменениям. Они, как сообщают О. Будницкий, М. Долбилов, А. Миллер, отгораживались от русской среды и доказывали, что рост налогов, рекрутские наборы и преследования иудеев способствовали обнищанию еврейского населения⁴. Таким образом, подтверждалась теория Р. Н. Белла о том,

¹ Klier J. D. *Russians, Jews, and the Pogroms of 1881-1882*. Cambridge, Cambridge University Press 2011. P. 3.

² Богатов О. А. Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии // Социологические исследования, 2011. № 8. С. 114-122.

³ Мчедлов М. П. *Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания: монография*. М.: Культурная революция, 2009. 394 с.

⁴ Будницкий О. В., Долбилов М. Д., Миллер А. И. *Евреи в Российской империи (1772—1917) // Западные окраины Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.

что с наступлением секуляризации роль религии не уменьшается, так как она принимает иную форму¹.

Также новую форму принимал религиозный антисемитизм, который, согласно А. Штеренсису, влиял на выступления представителей нееврейских общественных групп и государственных деятелей, попытавшихся запретить евреям доступ к гражданской жизни, видя в их деятельности стремление к власти². Знаковым событием для начала еврейских погромов стало убийство Александра II, так как было объявлено, что это является делом еврейских рук. При этом, как сообщает С. Степанов, напуганный погромами Александр III во время переговоров с еврейским сообществом, повторил распространенный миф о том, что евреи сами послужили причиной своих несчастий, так как стремились к экономическому господству и эксплуатации русских³.

Распространенной формой вражды к евреям стало черносотенство, описанное Н. Ноздриным и обвинявшее евреев в создании капитализма, социализма и религиозного сионизма⁴. Черносотенный миф утверждал, что «иудеи Христа продали и распяли». Другим религиозным мифом черносотенцев были повествования о войне еврейского и русского народов, которые на протяжении веков испытывали друг к другу непримиримую вражду по причине разного отношения ко Христу. Распространению религиозного антисемитизма способствовала публикация С. А. Нилусом «Протоколов собраний сионских мудрецов», где, как пишет Н. Марков, этот автор изложил программу по захвату власти над миром евреями, которые провоцировали смуты и войны, нацеленные на уничтожение наций изнутри. Откликаясь на содержание этого мифа, черносотенный «Союз русского народа» активизировал погромы и приступил к разработке программы выселения евреев⁵.

¹ Bellah R. Civil Religion in America // *Daedalus*. 1967. Vol. 96. № 1. P. 1-21.

² Штеренсис М. Евреи: история нации: монография. Герцлия: Исрадон, 2008. 560 с.

³ Степанов С. «Черносотенцы» революционеры наизнанку // *Полис*. 1993. № 1. С. 156.

⁴ Ноздрин Г. А. Взаимоотношения русского и еврейского населения Сибири во второй половине XIX - начале XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/019.html> (дата обращения: 12.04.2018).

⁵ Марков Н. Е. Войны темных сил: монография. М., Москвитянин. 1993. С.13.

Ведущую роль в распространении черносотенной истерии сыграло упомянутое И. Печениным политическое мифотворчество, для которого было важно мобилизовать российское общество указанием на наличие врага в лице евреев, которые якобы во имя служения сионизму, захватили огромные финансовые средства и стали контролировать зарубежных и российских капиталистов и банкиров, побуждая их уничтожить русский народ¹. Средства массовой информации распространяли миф о том, что евреи приносят в жертву своему Богу русских детей. Согласно Д. Цыкалову, это было почвой для принятия массовым сознанием идеи о том, что России необходима война, которая уничтожит не только врагов внешних, но и освободит Россию от евреев - врагов внутренних². В этих условиях, согласно К. Лэшю, российские евреи встали перед дилеммой, заключающейся в том, что часть из них стремилась к адаптации, а другая к сохранению себя³. При этом, чем сильнее был всплеск антисемитизма, тем сильнее евреи стремились к сохранению идентичности, что, как обратил внимание Ч. Членов, вылилось в распространение учений, доказывающих, что евреи – это отдельная нация, которая должна создать свое государство⁴. Наибольшее влияние среди них приобрел, описанный М. Сеймуром сионизм, так как он опирался на религиозную мифологию «земли обетованной»⁵.

Однако, многие евреи продолжали чувствовать себя гражданами и царской России, чему отчасти способствовал ужас перед революцией, пережитый ими в 1905 г. Поэтому, как только началась Первая мировая война, как пишет А. Селянинов, многие оправились на фронт⁶. Подавляющая часть их была настроена патриотично, но их обвиняли в сочувствии Германии, а с началом трудностей военного

¹Печенин И.В. Еврейская партийная пресса в Российской империи: особенности понятия еврейской идентичности. Гуманитарный вестник, 2015. Вып. 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hmbul.ru/catalog/hum/histarch/323.html> (дата обращения: 10.05.2018).

²Цыкалов Д. Е. Проблема «Россия и Запад» в отечественной публицистике периода Первой мировой войны: Июль 1914- февраль 1917: автореф. дисс....канд. ист. наук: 07.00.02. Волгоград, 2003. 216 с.

³Лэш К. Восстание элит и предательство демократии: монография. М.: Логос, Прогресс. 2002. 224 с.

⁴Членов М. Еврейская идентичность и сионизм // Корни, 2004. № 24. С. 34-43.

⁵ Seymour M. L., Raab E. Jews and the New American Scene: monograph. Cambridge, Massachusetts, and London: Harvard University Press 1995. 239 p.

⁶Селянинов А. Евреи в России: монография. М., Витязь, 1998. С. 106.

времени российское общество оказалось подвержено влиянию мифа, в котором евреи обвинялись во всех неудачах российской армии. Согласно информации, П. Поляна, над ними издевались, избивали, убивали без следствия, а военно-полевые суды приговаривали их к казни. В итоге было проведено массовое выселение евреев из зоны военных действий в другие регионы России¹. В ответ на это среди евреев активизировались люди, ориентированные на сотрудничество с большевиками, которые поддерживали лозунг В. И. Ленина о превращении империалистической войны в гражданскую. Одной из причин возникшего союза между евреями и большевиками, стал ленинский проект, который обещал нациям право на самоопределение. Несмотря на мифологизм этого лозунга, который заключался в положении о том, что «идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата»², евреи, движимые латентным мифом о богоизбранности, и понимая себя как особый народ, присоединились к революции. Согласно А. Шнееру, катализатором формирования «пролетарского еврейства», с помощью которого было преодолено возможное несогласие между идеями евреев и большевиками, был антисемитизм, господствовавший в царской России³.

Однако с гибелью Российской империи антисемитские кампании в русском обществе не закончились, а только усилились. Дело в том, что победившая советская власть стала делить евреев на «своих», то есть «красных» «советских евреев», и «чужих», то есть «белых» пособников сионизма и капитализма, что в контексте идей Э. Дюркгейма было необходимо в целях интеграции вновь появившегося советского народа⁴. В соответствии с положениями концепции С. Глена и Н. Сокоloffа⁵, еврейская идентичность этого периода как бы вылепливалась заново, так

¹Полян П. М. Принудительные миграции до Гитлера и Сталина: исторический экскурс // Не по своей воле.... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, Мемориал, 2001. 328 с.

²Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т.8. С. 72-75.

³Шнеер А. И. Евреи в Красной армии в годы Гражданской войны 1918-1922 гг. // Плен. — Гешарим - Мосты культуры, 2005. Т. 2. 620 с.

⁴Дюркгейм. О разделении общественного труда. Метод социологии: монография. М.: Наука, 1991. 576 с.

⁵Glenn S. A., Sokoloff N. B. Boundaries of Jewish identity: monograph.. Seattle : University of Washington Press, 2010. 249 С.

как опыт этих людей был отличен от жизни евреев в предшествующий период. В то же время широко использовались традиционные латентные религиозные смыслы еврейской проблематики, такие как указание на непремennую связь присутствия евреев с их претензиями на захват власти во всем мире¹.

Часть евреев, вошедших в состав нового руководства страной, считали, что «настоящие евреи» должны были соответствовать требованиям революционного времени и распространять коммунизм во всем мире. Например, в мифе Л. Троцкого, они входили в состав руководства Советским государством в качестве представителей пролетариата, что обеспечивало революции «перманентный» характер². Однако с другой стороны в Советской России было распространено недоверие к евреям, отразившееся в мифах, утверждавших, что они контролировались сионистами и капиталистами. Немалую роль, как пишет Г. Соболев, в распространении антисемитских мифов сыграли политические враги советской власти, которые использовали мифотворчество для дискредитации «большевиков», которых обвиняли в подконтрольности евреям, якобы финансировавших большевистский переворот³. Такого мнения придерживался У. Черчилль, который рисовал мировой коммунизм, в образе конфедерации «мирового еврейства», схватившего за волосы русский народ⁴.

В контексте идей Э. Геллнера формирование еврейской идентичности в это время подчинялось стандартизации советского языка, регуляции советской экономики и ведению общих стандартов образования, не меньшее значение имела советская атеистическая идеология, структура которой копировала монотеистическую религию, но была направлена против православия⁵. Социальные преобразования, по мнению Ц. Гительмана, приводили к тому, что евреи отказывались от иудаизма

¹Шнеер А. И. Евреи в Красной армии в годы Гражданской войны 1918-1922 гг. // Плен. — Гешарим - Мосты культуры, 2005. Т. 2. 620 с.

²Троцкий Л. Перманентная революция. Сборник. М.: «Аст», 2005. 576 с.

³Соболев Г. Л. Русская революция и «немецкое золото»: монография. СПб, Нева, 2002. С. 10.

⁴Churchill W. Zionism versus Bolshevism: A Struggle for the Soul of the Jewish People: monograph. Winston, Illustrated Sunday Herald. 1920. P. 5.

⁵Геллнер Э. Нации и национализм: монография. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

и еврейского образа жизни. Они отправлялись в города, формируя советское еврейство, отличием которого была ориентация на русско-советские ценности¹. Эта структура представляла конструкт, созданный советской властью, стремящейся к унификации национальных элементов. Однако отличало евреев от других этносов, не объединявшихся по национальному признаку в советской России то, что их идентичность в качестве «советских евреев» существовала в реальной жизни. В соответствии с положениями теории диалога культур М. Бахтина², они становились «чужими», так как сохранение самосознания служило причиной того, что большевистская концепция построения социализма причисляла их к лагерю контрреволюционеров³. Развитие антисемитизма в СССР сопровождалось большим количеством, оправдывающих его антисемитских мифов, создающих согласно теории Р. Барта советскую реальность⁴. При этом отказываясь признать за евреями право на национальный путь развития, большевики, как пишет Г. Прейгер, отказывали им и в праве на защиту от антисемитизма⁵. С 1934 г. великодержавный шовинистический миф, проанализированный Д. Дюком, стал определять государственную политику национальных отношений. Антисемитское мифотворчество утверждало опасность присутствия евреев в интеллектуальных сферах, производстве и руководстве страны⁶.

Однако более всего еврейское население Советского Союза страдало по причине распространения мифа о «еврейском сионизме», описанной Дж. Френкелем⁷. Обращаясь к скрытому в подсознании русских религиозному антисемитизму, этот

¹Gitelman Z. The evolution of Jewish culture and Identity in the Soviet Union // Jewish Culture and Identity in the Soviet Union. N.Y., 1991. P. 21-34.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: монография. М. Искусство, 1986. 445 с.

³Национальная политика и еврейская идентичность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://jewishfreedom.jimdo.com/национальная-политика-и-еврейская-идентичность/> (дата обращения: 12.05.2018).

⁴Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries». Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. P. 11-32.

⁵Прейгер Д., Телушкин Дж., Почему еврей? О причинах антисемитизма: монография. Лос-Анжелес: Published by Almanac Press Inc, 1992. 204 с.

⁶ Сталин И. Сочинения: монография. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. XI. С.347

⁷Frenkel J. Prophecy and politics: Socialism, Nationalism and the Russian Jews, 1962–1917: monograph. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 712 p.

миф провоцировал преследования евреев в советском государстве, в результате чего репрессии унесли значительную часть еврейской этнической, конфессиональной и педагогической элиты, в результате чего многие стали скрывать свое происхождение. Однако в период, когда пик репрессий достиг небывалых высот, фактором её сохранения оказалось антисемитское мифотворчество, что объясняет концепция Х. Тэшфела, который обратил внимание на то, что формирование идентичности группы активизируется в периоды преследований¹, которые, как показал С. Лейтман, не позволяли евреям скрыть то, кем они, по мнению общества, являлись².

Все эти годы не прекращался диалог, понимаемый нами в контексте теории М. Бахтина³, между евреями и советской властью, например, в годы Великой Отечественной войны, когда правительство стало нуждаться в квалифицированных кадрах, репрессии ослабли. При этом И. В. Сталин воззвал к патриотическим чувствам всех советских граждан, от которых, как считает Л. Гудков, требовалось забыть об обидах и притеснениях и вступить в борьбу с фашизмом⁴. В ответ на этот призыв евреи, выбирая советский патриотизм, объявили о создании Еврейского антифашистского комитета, задачей которого была мобилизация евреев всего мира на борьбу с германским фашизмом. Однако, надежды евреев на снятие обвинений после войны не оправдались. Напротив, была усилена политика, нацеленная на ущемление их прав. Необходимость консолидации советского народа в послевоенный период требовала интенсификации борьбы против «чужих», как их понимает В. Библер⁵, на роль которых более всего подходили евреи, латентная неприязнь к которым питалась традиционным религиозным антисемитизмом.

¹Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chi.: Nelson-Hall, 1986. P. 7.

² Лейтман С. М. Жернова: монография. М.: ЭРА, 2001. 268 с.

³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: монография. М. Искусство, 1986. 445 с.

⁴Гудков Л.Д., Левинсон А. Г. Евреи в России. Свои и Чужие // Образ другого в культуре. М.: Наука, 1994. 336 с.

⁵ Библер В. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989, № 6. С. 31-42.

Пользуясь теоретическими построениями Ш. Шварца¹, З. Баумана², М. Кастельса³, можно сказать, что сталинское правительство конституировало воображаемое сообщество советских граждан за счет противопоставления его воображаемому сообществу его врага – еврейства. Распространяя миф о «мировом космополитизме», руководство страны, как сообщает А. Занемонец, развернуло идеологическую кампанию, по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», элементами которой явились ставшие знаковыми «дело врачей» и «дело Еврейского антифашистского комитета», которые привели к аресту и гибели многих представителей еврейской интеллигенции⁴. Успех мифа, благодаря которому сталинизм разрушил иллюзию ассимиляции и возможности обретения евреями прав граждан Советского Союза, зависел от того, что социальное мифотворчество этого времени продолжало опираться на латентный религиозный антисемитизм российского общества.

В сер. XX в. признание себя евреем, в соответствии с информацией Ф. Канделя, означало невозможность выйти за рамки определенной государством идентичности изгоя⁵. Советское общество считало этих людей изгоями, а сами они обладали русской культурой, но с еврейским самосознанием, что вело к определенным особенностям их идентичности, которые были проанализированы в трудах Т. Хоровитца⁶. Одной из этих особенностей было то, что, в соответствии с информацией Ц. Гительмана, советские евреи восприняли атеистический миф как форму отношения к религии, что сформировало у них специфическую идентичность, офи-

¹Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство: монография. СПб.: Речь, 2004. 72 с.

²Бауман З. Индивидуализированное общество: монография. М.: Логос, 2002. С. 186.

³Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: монография. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

⁴Занемонец А. Русско-еврейская молодежь в поисках религиозной идентичности // Русскоязычное еврейство в современном мире: ассимиляция, интеграция и общинная жизнь. [Электронный ресурс].
Режим доступа:

http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Iudaizm/Article/Zanem_RussEvrMol.php

(дата обращения: 10.04.2018).

⁵Кандель Ф. Евреи России. Времена и события. История евреев Российской империи: монография. М.: Литагент Гешарим, 2014. 71 с.

⁶Horowitz T. Children of Perestroika in Israel: monograph. Lanham; NY; Oxford: University Press of America, 1999. Pp. 31-34.

циально существующую вне иудаизма и базирующуюся на национальном самосознании¹. Для городской еврейской интеллигенции Советского Союза приверженность иудаизму, также, как и акцент в русском языке и занятость в «еврейских профессиях», считавшихся непрестижными, была клеймом, обозначающим, как полагает М. Членов, культурную отсталость².

Однако события показали, что влияние религиозного мифотворчества на евреев сохранялось, что объясняется в теории З. Фрейда тем, что оно было спрятано в тайники подсознания³. Как только наступил период хрущевской «оттепели», отношение еврейской интеллигенции к своим корням и к религии стало ощутимо в социальной реальности. Это объяснялось изменением в официальной риторике, трансформацией официальных ценностей и разочарованием в коммунистических идеях, а также атеизме. Существенно, что эти процессы совпали с началом развития еврейского государства, которое открыло двери всем евреям, которые «вспомнили» о своем происхождении и «настоящей родине». Для советских евреев это означало начало новой жизни, связанной с рецепцией мифа о «земле обетованной», влияние которого на сознание анализируется в контексте концепции А. Ф. Лосева⁴. При этом, как пишет В. Яременко, идею переезда в Израиль первоначально поддерживало руководство Советского Союза, находившееся под влиянием мифа о мировой революции, и уверенное в том, что Израиль, возглавляемый социалистическими партиями, войдет в состав социалистического лагеря⁵.

В этот период для большинства советских евреев иудаизм был не более чем символом культуры прошедших времен. На этом фоне, не предполагавшем передачи традиций из поколения в поколение, советская еврейская интеллигенция всту-

¹ Гительман Ц., Червяков В.В., Шапиро В.Д. Национальное самосознание российских евреев // Диаспоры, 2000. № 4. С. 53-86.

² Членов М. Особенности еврейской самоидентификации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://index.org.ru/journal/11/chlenov.html> (дата обращения: 12.05.2018).

³ Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Тбилиси, 1991. Кн. 1. 1991. С. 71-138.

⁴ Лосев А. Ф. Диалектика мифа: монография. М.: Мысль, 2001. 561 с.

⁵ Яременко В. Как Сталин создавал Израиль [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://masterok.livejournal.com/4457700.html> (дата обращения: 10.06.2018).

пила в стадию творческого поиска утерянной еврейской идентичности, что сопровождалось интенсификацией влияния религиозного мифотворчества, раскрытого философией постмодерна Ж. Делеза¹. Начинаясь новый этап роста еврейского самосознания и интереса к еврейскому государству, который оформился после Шестидневной войны, стимулировавшей рост еврейского самосознания. Возвращение к еврейству из секулярной и безнациональной советской среды многие восприняли как реконструкцию чисто этнической модели идентичности. В «возрождаемой» в это период еврейской идентичности не предполагалось почти никакой связи с иудаизмом. Однако это не означало, что сознание евреев переставало подчиняться латентному религиозному мифу, влияние которого было раскрыто в трудах Э. Кассирера². Для этого времени стал актуальным миф об Исходе на «землю обетованную», описанный Ц. Гительманом³. Этот миф повлиял на идентичность значительной части евреев Советского Союза, даже на тех, кто не считал себя иудеями. В частности, как пишет А. Мень, о себе заявили еврей-христиане, которые стремились оправдать христианский сионизм, обосновывающий их право стать полноценными гражданами государства Израиль⁴.

Однако эти поиски не привели к результату, который можно было бы считать сколько-нибудь социально-значимым, так как отношение Советского правительства к Израилю резко ухудшилось после его побед в 1967-1973 гг. В советской прессе была организована антиизраильская кампания, которая привела к очередному всплеску антисемитизма. Все попытки евреев 1970-х гг. определиться со своим традиционным и тем более религиозным наследием руководством страны расценивались, как пишет М. Агурский, только как возрождение сионизма, который приравнивался к еврейскому шовинизму, расизму и антисоветизму. Олицетворением борьбы с сионистскими настроениями среди евреев стало образование Антисионистского комитета советской общественности, который стремился доказать,

¹ Делез Ж. Различие и повторение: монография. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.

² Cassirer E. The Myth of the State: monograph. New Haven-L.: Yale Univ. Press, 1966. P. 296.

³ Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Иудаизм в национальном самосознании российских евреев // Вестник еврейского университета в Москве. 1994. 3 (7), С.121-144.

⁴ Прот. Александр Мень. Возможно ли иудеохристианство? // Континент. 1998. № 95. с.255-268.

что евреи в Советском Союзе выступают против и политики Израиля и против эмиграции в эту страну¹. Тем не менее, толчок к интенсивному возрождению еврейского самосознания вне советской идентичности был уже задан, так как евреи страны разделились на два лагеря, представляя различные виды идентичности, на которые указывал Т. Хоровитц². С одной стороны, выступали противники «сионистских агрессоров», с другой стороны – сочувствующие им. При этом, как пишет А. Занемонец, последних было большинство, и они с гордостью передавали друг другу новости о военных успехах Израиля³. Результатом явился процесс массовой эмиграции евреев на «историческую родину», который продолжался вплоть до его запрета в середине 1980-х гг.

В целом, еврейская идентичность в Советском Союзе была связана с переживанием ее носителями негативного эмоционального опыта⁴. Этот вывод подтверждает Д. Клиер, который характеризует «советское еврейство» как «монолитную массу» «страдальцев», испытавшую влияние пропаганды времен холодной войны, и ориентированную только на помощь с Запада⁵. Образ «жертвы советской тирании» в этот период широко применялся в творчестве «диссидентов», большинство которых, как полагает М. Альтшулер, были евреями, рассказывающими «о притеснении» евреев в СССР⁶.

С началом перестройки советская еврейская идентичность в СССР оказалась разрушена, а евреи вступили в стадию поиска своих констант, и, говоря словами С.

¹ Агурский М. Эпизоды воспоминаний // Иерусалимский журнал, 1999. 2. С. 189 -234.

² Horowitz T. Children of Perestroika in Israel: monograph. Lanham; NY; Oxford: University Press of America, 1999. Pp. 31-34.

³ Занемонец А. Русско-еврейская молодежь в поисках религиозной идентичности // Русскоязычное еврейство в современном мире: ассимиляция, интеграция и общинная жизнь", 14-16 июня 2004. университет Бар Илан., Израиль [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Judaizm/Article/Zanem_RussEvrMol.php (дата обращения: 10.05.2018).

⁴ Собкин В. С., Грачева А. М. К психологии еврейской идентичности // Этнос, идентичность, образование. М.: РАО, 1998. С. 105-141.

⁵ Клиер Д. Россия собирает своих евреев: монография. М.: Мосты культуры, 2000. 352 с. .

⁶ Альтшулер М. Евреи СНГ на пороге третьего тысячелетия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicntn/acta/16/alt/altshuler-4.html> (дата обращения: 10.05.2018).

Гленна и Н. Соколоффа¹ практически заново «вылепливали» свою идентичность. Согласно Х. Тэшфелу², ключевую роль здесь сыграло то, что в это время евреи из изгоев, превратились в одну из наиболее статусных групп советского общества. Они отвергли мифологический корпус советского еврейства, состоявший из политических и социокультурных мифов. Вместе с этим значительное количество евреев не приняло иудаизм, так как к этому времени многие из них к требованиям религии относились скептически, а синагогу, даже учитывая этнические связи, посещали редко. Как доказывает В. А. Каштанюк, понятие о религии существовало в виде мифологической конструкции, которая предполагала осознание себя евреем и иудеем одновременно, но далее этого осознания дело шло редко³. Тем не менее в это время началась актуализация прежде латентных мифов, связанных идеей Исхода на историческую Родину, которые приняли форму мифа об «отверженности», о «самотождественности» и о «лучшей жизни».

Миф об «отверженности» был связан с воспоминанием о негативном отношении, которое переживали евреи в период советского государства, которое как свидетельствуют Ц. Гительман, В. В. Червяков, В. Д. Шапиро, преследовало еврейскую обособленность и национализм. Финал советского периода внес в содержание мифа об «отверженности» понятия об утрате смысла жизни, разрушении комплекса ценностей советского еврея, понятие о кризисе власти, государственности и идеологии. В 1990-е гг. был сформирован полноценный миф о вине советского государства в имперской эксплуатации евреев⁴. Также на этот процесс оказывало влияние антисемитских организаций, которые не поддерживались государством, но и открыто не преследовались им. Они, как пишет С. Г. Кара-Мурза, реанимировали мифотворчество черносотенного типа и заново принялись муссировать тему «жидо-

¹ Glenn S. A., Sokoloff N. B. Boundaries of Jewish identity: monograph.. Seattle : University of Washington Press, 2010. 249 С.

² Taifel H. Social identity and intergroup relations: monograph. Cambridge: Paris, 2002. Pp. 144-167.

³ Каштанюк В. А. Социокультурная адаптация евреев еврейской автономной области в Израиле и их реэмиграция на рубеже XX-XXI вв.: автореф. дисс. канд. ист. н.: 07.00.07. Улан-Удэ, 2012. 22 с.

⁴ Гительман Ц., Червяков В.В., Шапиро В.Д. Национальное самосознание российских евреев // Диаспоры, 2000. № 4. С. 53-86.

масонского заговора»¹. Миф об «отверженности» готовил сознание евреев к принятию новой идентичности, которую нес им миф о «самотождественности», заключающийся в том, что бывшие советские евреи стали отождествлять себя с такой национальной культурой, с которой они в реальной жизни не сталкивались. Они обретали новый смысл, заключающийся в отождествлении себя с мировым еврейством, что давало надежду на начало новой жизни, которая виделась в ореоле религиозного мифа о «земле обетованной». Довершил дело наступивший период политической, экономической и социальной нестабильности, на фоне которого стал процветать миф о «лучшей жизни» евреев за границей, предстающей в образе «исторической Родины». Несмотря на то, что среди евреев оказалось много тех, кто остался в России, не изменив свои светские привычки, приобретенные еще в период Советского Союза, тем не менее, прежде латентный религиозный миф о «земле обетованной» стал реальностью для значительного количества евреев, покинувших Россию в конце XX и начале XXI вв.

Однако исследования израильской реальности, проведенные Е. Бен-Рафаэлем, показали, что жизнь в «стране Завета» для евреев из России оказалось более трудным делом, чем ожидалось, и причиной этого было разное понимание того, кем и каким должен быть еврей. Евреи, прибывающие из России в Израиль, осознают себя «другими» и испытывают чувство изолированности, так как в Израиле их называют «русскими евреями», не задумываясь над нелогичностью этого понятия². Более того, существует установка, согласно которой все русские «репатрианты» должны быть проверены на еврейство, так как в Израиле существует жесткая иерархия идентичностей, в которой выходцы из России даже в случае подтверждения своего еврейства занимают нишу галутных евреев³. После всех этих процедур, многие начинают понимать, что на территории России они были евреями, а когда

¹ Кара-Мурза С.Г. Евреи и социализм: монография. М.: Алгоритм, 2009. 239 с.

²Ben-Rafael E., Olshtain E., Gejst I. Identity and Language: The Social Insertion of Soviet Jews in Israel // Russian Jews on Three Continents. Emigration and Resettlement. London: Frank Cass, 1997. Pp. 364-388.

³Как отличить еврея от нееврея? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vgil.ru/2012/05/26/dni-evreyskoy-identichnosti-problema/> (дата обращения: 08.04.2018).

приехали в Израиль, евреями быть перестали, так как там «евреи другие», а сами вновь прибывшие ощущают себя русскими, а не евреями. Это подтверждает концепцию множественных модернов Ш. Айзенштадта¹, включая в нее как особое образование еврейскую идентичность в России, куда вновь возвращается часть евреев, проживших в Израиле.

Те, кто вернулся, а также те, кто не испытывал желания уехать в Израиль, как пишет Ф. Маркович, сегодня называют себя «российскими евреями», и они осознали, что Израиль – это чужая страна со своими законами и правилами². Действительно в России существует иное понимание того, кем является настоящий еврей. Согласно концепции Е. А. Носенко, здесь привыкли считать еврейство чем-то, основой чего является родословная, национальность и чувства, а не верования или религиозное поведение³. Однако сегодня это понимание меняется и причина этих изменений, по нашему мнению, заключена в том, что современные российские условия развития еврейской идентичности очень напоминают префигуративную культуру, описанием которой занималась М. Мид⁴. Особенность этой ситуации заключается в том, что сегодняшние еврейские родители подрастающих еврейских детей воспитывались и росли вне еврейской культуры, о которой имеют приблизительное представление. Поэтому молодое поколение евреев часто знает о евреях значительно больше, чем старшее, кроме этого, они, как показывают исследования В. С. Собкина, осваивают информационные источники, предлагающие ценности еврейской жизни и иудаизма, и таким образом, являются трансляторами еврейских норм, ценностей, моделей поведения, о которых рассказывают своим родителям⁵.

¹ Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations And Multiple Modernities: monograph. Daedalus; Winter, 2000. 129 p.

² Markowitz F. If a Platypus Is Both a Reptile and a Mammal, Can a Person Be Both a Russian and a Jew? Post-Soviet Teenagers: Contraction of Russian Jewish Identity // East European Jewish Affairs. Vol. 26. 2. Winter 1996. P. 27–40.

³ Носенко-Штейн Е. А. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: дисс. докт. ист. н.: 07.00.07. М., 2005. 546 с.

⁴ Мид М. Культура и мир детства: монография. М., Наука, 323 с.

⁵ Собкин В.С., Грачева А.М. К психологии еврейской идентичности // Этнос, идентичность, образование. М.: РАО, 1998. С. 105-141.

Таким образом, еврейская идентичность формируется в России в условиях, когда родительское понимание своей идентичности существенно отличается от того, кем считают себя их потомки. Развитие их идентичности в новом направлении, как показывает А. Ю. Милитарев, также обусловлено прерыванием традиций в еврейской жизни «еврейской общины» в период Советского Союза¹. В этих условиях функцию исторической памяти, в редуцированном виде выполняет мифотворчество, которое как доказывает О. В. Белова и В. Я. Петрухин занимающее ведущее место в механизме формирования еврейской идентичности. Но, важно отметить, что российских евреев не сплачивают в единое целое те мифы, которые являются общепринятыми для евреев Израиля и США. В России не вызывает чувства сопричастности общей еврейской судьбе миф о Катастрофе. Причинами этого было замалчивание факта Холокоста советской властью, отсутствие внимания к этой проблеме со стороны властей постсоветской России, упадок и фактическое отсутствие выстроенного на должном уровне еврейского образования, ослабление этнических и культурных связей, а также исторической памяти. Кроме этого, в России потерял влияние миф об Израиле, что произошло в результате борьбы советской власти с иудаизмом, приведшей к забвению иудаизма, а также с сионизмом, следствием чего стала утрата доверия к национальной мечте и националистической риторике².

Однако еврейская специфика проявляется в других видах мифотворчества, среди которого выделяется деятельность еврейских международных образовательных организаций, приобщающих российских евреев к еврейской национальной культуре, деятельность которых была исследована Е. А. Носенко-Штейн³. Следующее место по значимости занимает антисемитский миф, побуждающий евреев

¹ Милитарёв А.Ю. Идентичность и судьбы еврейской диаспоры в России // Диаспоры. 2002. № 4. С. 138-152.

² Белова О. В. , Петрухин В. Я. «Еврейский миф» в славянской культуре: монография. М. Мосты культуры, 2008. 568 с.

³ Носенко-Штейн Е. А. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: дисс. докт. ист. н.: 07.00.07. М., 2005. 546 с.

либо ассимилироваться, либо сплотиться в имя сохранения национальных ценностей. Используемая антисемитами мифология «своих» и «чужих» до сих пор является наиболее эффективным средством определяющим формирование еврейской идентичности¹. Кроме этого, в настоящее время начинает проявляться влияние фактора иудейской религии и ее ценностей, которые долгое время не оказывали существенного влияния на формирование идентичности российских евреев. В последние годы в России, как пишет Е. А. Островская², наблюдается возрождение религиозной еврейской культуры, а еврейская идентичность переосмысливается заново. На первый план выходят не этногенетические факторы, а основанный на религиозном поведении статус. Однако под этой религией не обязательно понимать ортодоксальный иудаизм, среди религиозных евреев могут и те, которые не исповедуют иудаизм и те, которые довольствуются только его мифологической версией, так как большая часть евреев, живущих на постсоветском пространстве не знает еврейские обычаи, что полностью расходится с принципами Галахи. Усилению влияния религиозного мифотворчества способствует глобализация, которая, давая возможность широкого личного участия в процессах самоопределения, зачастую показывает примеры настоящих взрывов коллективной этничности и религиозной идентичности. Как указывает Е. А. Островская современная иудейская религия включает реформистское, хасидское направления и миснагедскую ортодоксию. Каждое из этих них само определяет понятие настоящего еврея, однако, с точки зрения российских евреев, воспринимающих иудаизм как единое целое, эти различия не являются такими важными³. Для них важно, что в России впервые за много лет сложились условия, при которых может сформироваться позитивная еврейская идентичность. Например, согласно информации Ц. Гительмана, подавляющее большинство евреев в России определяют свою идентичность как «российские

¹ Собкин В.С., Грачева А.М. К психологии еврейской идентичности // Этнос, идентичность, образование. М.: РАО, 1998. С. 105-141.

² Островская Е. А. Религиозное «еврейство»: опыт биографического нарратива в закрытой группе // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 110-118

³ Там же.

еврей», не противопоставляя этому понятию термин «россиянин», который они принимают, понимая себя одновременно и евреями и русскими¹.

В целом, в России, также как и в странах Запада, утратили значение многие еврейские символы, что подтверждает концепцию Г. Ганса, согласно которой современные условия развития идентичности подчинены тенденции отхода от коллективной идентичности в сторону превалирования личностного отношения к своему самоопределению². Это объясняет то обстоятельство, что современным российским евреям, не представляющим единого сообщества, необходимо религиозное мифотворчество, формирующее символы, направленные на поддержание коллективной идентичности. Религиозное мифотворчество может проявляться как внутригрупповой нарратив, отражающий содержание идей, прославляющих евреев, либо внешний миф, отражающий политику преследований и дискриминации, осуществляемых по признаку религиозной принадлежности, что влияет на мобилизацию внутригрупповой идентичности.

Подведем итоги:

1. Российские евреи представляют группу, находящуюся долгое время в отрыве от еврейской общинной жизни, что стало причиной того, что традиционные мифы и символы их идентичности приобретают здесь специфические и скрытые формы существования. В этих условиях функцию исторической памяти выполняло внешнее антисемитское мифотворчество, используемое для интеграции православных. Оно основывается на религиозном мифе, противопоставляющем православных и иудеев, как религиозных врагов.

2. Значительную роль в сохранении еврейской идентичности в России играет внутригрупповое религиозное мифотворчество евреев, которые стремились к обретению позитивной идентичности, но не хотели становиться русскими и православными. Среди них распространялись идеи сионизма и социальной революции, по-

¹Gitelman Z. The Decline of the Diaspora Jewish Nation: Boundaries, Content and Jewish Identity // Jewish Social Studies. 1998. Vol. 4. P. 112-132.

² Ганс Г. Расология еврейского народа. М.: Изд-во «Сампо», 2010. 374 с.

средством которых они пытались оправдать свои социальные притязания, основанные на латентно сохраняющихся среди них идеях о богоизбранном народе. Эти идеи были скрываемы в Советской России, где недоверие к евреям имело происхождение в противопоставлении иудеев православным, но отразилось в мифах, утверждавших, что евреи считались гражданами советского государства, а контролировались сионистами и капиталистами. Взаимодействие внешних и внутригрупповых форм мифотворчества формировало еврейскую идентичность, в которой сочеталось внешнее требование быть гражданином Советского Союза и внутригрупповое стремление оставаться евреем, результатом чего было появление советских евреев.

3. Когда произошло разрушение советских ценностей, следствием стала актуализация религиозного мифа о «Земле Обетованной». Однако в Израиле многие евреи начали понимать, что только в России они ощущают себя «настоящими евреями», а когда приезжают в Израиль, «где евреи другие», начинают ощущать себя «русскими». Сегодня проходит становление идентичности «русских евреев», которые своей Родиной считают Россию. Однако в силу того, что здесь утратили значение многие еврейские символы и превалирует личностное отношение к своему самоопределению, для поддержания коллективной идентичности здесь используется религиозное мифотворчество. Оно может проявляться как внутригрупповой миф, отражающий идеи, прославляющие евреев, либо внешний миф, отражающий политику дискриминации, осуществляемой по признаку религиозной принадлежности. Усилению влияния мифотворчества способствует глобализация, которая, создает возможность личностного участия в процессах самоопределения, и зачастую показывает примеры взрывов коллективной этничности, основанной на религиозных мифах.

2.3. Влияние религиозного мифотворчества на еврейскую идентичность в Сибири

Идентичность еврейских групп, проживающих на территории Сибири, где их образ жизни заметно отличался от социального, экономического, правового положения и культурно-психологического типа евреев «черты оседлости», является одной из наименее исследованных на территории России. При этом анализ процессов ее формирования с точки зрения концептуальных подходов, уделяющих внимание влиянию объективных геополитических и культурных условий, в духе постмодернизма Б. Андерсона¹ и Ф. Барта² представляется недостаточным, так как раскрывает только механизмы адаптации, ведущие к ассимиляционным процессам евреев в среде сибирских народов. Также недостаточной будет и концепция, обращающая внимание только на традиционную этническую составляющую идентичности евреев, в духе К. Гирца³, С. В. Лурье⁴ и Э. Шилза⁵, так как в Сибири этнический фактор не играл значимой роли по причине отсутствия этнического антисемитизма среди сибирских народов⁶.

При этом чаще всего, особенности идентичности евреев в Сибири объясняются объективными геополитическими факторами, которые сделали Сибирь отдаленным и малонаселенным регионом, богатым ресурсами и земельными угодьями, без учета субъективного фактора, заключающегося в сохранении самовосприятия

¹Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма: монография. М.: Канон-Пресс, 2001. 333 с.

²Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries»: monograph. Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. P. 11-32.

³Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays: monograph. NY, Campus, 1973. P. 268-309.

⁴Лурье С. В. Историческая этнология: монография. М., Аспект Пресс, 1997. 448 с

⁵Шиллз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972, с.341-359

⁶Носенко-Штейн Е. А. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: дисс. докт. ист. н.: 07.00.07. М., 2005. 546 с.

общины как «Я», примером чего является публикация Ю. Н. Фоменко¹. В качестве ведущего фактора, формирующего идентичность евреев в Сибири, рассматривают суровые условия, диктующие необходимость совместного выживания народов В. С. Войтинский и А. Я. Горнштейн², В. Ю. Рабинович³, Л. В. Кальмина⁴, по мнению которых, они сформировали полиэтничную и поликонфессиональную среду, проживая в которой евреи воспринимались как «свои» и не стремились противопоставить себя окружающему социуму. Однако это мнение, говорит не о формировании особого типа идентичности, а о высокой степени интеграции евреев в сообщество народов Сибири, что должно было привести их к растворению. Ведь, ориентируясь на положения выдвинутые К. Лэшем, можно сказать, что евреям при описанных обстоятельствах не нужно было сохранять себя как «Я»⁵.

Однако, несмотря на то, что евреи в Сибири переняли множество местных традиций и обычаев, что свидетельствует об определенном влиянии на них окружающего общества, ассимиляции, как доказывает Ф. Кандель, не произошло. Евреи сформировали особую этническую группу сибирского населения, которая осознавала себя как единое целое и вела полноценную национальную жизнь⁶. Поэтому, необходимо ответить на вопрос, почему сибирские евреи на фоне ассимилирующего влияния геополитических и культурных условий сибирского региона, а также попыток запрета со стороны административного антисемитского мифа, сохранили

¹ Фоменко Ю.Н. Социально-профессиональная структура еврейской общины Иркутска по материалам Иркутского полицейского управления (кон. XIX - начало XX вв.). // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск, 1994. С. 106.

² Войтинский В. С., Горнштейн А. Я. Евреи в Иркутске: монография. Иркутск: Тип. П. И. Макушина и В. М. Посохина, 1915. 414 с. С.70.

³ Кальмина Л. В. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX века 1917 год): монография. Красноярск: изд-во «Кларетианум», 2002. 164 с.

⁴ Бруцкус Б. Д. Статистика еврейского населения. Распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г.: монография. СПб., 1909. С.35

⁵ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии: монография. М.: Логос, Прогресс. 2002. 224 с.

⁶ Кандель Ф. Евреи России. Времена и события. История евреев Российской империи: монография. М.: Литагент Гешарим, 2014. 71 с.

еврейскую идентичность. Очевидно, что учитывать влияние только внешних объективных факторов, проанализированных в концепции Э. Хобсбаума¹, недостаточно, так как они должны были дополняться субъективными факторами, способствующими воспроизводству еврейской идентичности, как это было описано в концепции Э. Геллнера, согласно которой идентичность формируется не только внешними обстоятельствами, но и внутригрупповым религиозным мифом, способствующим преодолению внешнего ассимиляционного влияния и обеспечивающим ощущение единства и общности².

На практике первое, с чем сталкивались евреи в Сибири, было внешнее антисемитское мифотворчество, исходящее со стороны сибирского чиновничества, которое, как пишет В. О. Леванда, руководствовалось положениями «еврейского» законодательства, закрывавшего им въезд в Сибирь³. Они призывали освободить Сибирь от «отягощающих ее евреев» и защитить сельское население от «еврейских эксплуататоров» в рамках политики создания «сибирской черты оседлости», исследуемой В. Моравским⁴. Влияние этого мифа привело к описанному И. Нейманом, административному произволу сибирских губернаторов, пытавшихся пресечь как добровольный приезд евреев, так и приезд тех, которых отправляли в ссылку и на каторгу⁵. Однако их попытки, как указывает Л. В. Кальмина, не приносили результатов, о чем свидетельствовал рост количества евреев в Сибири⁶. Несмотря на суровые условия ссылки и запрет на проживание после отбытия каторги, евреи оставались на поселение, а к ним присоединялись их родственники из «черты оседлости», бывшие кантонисты, отставные солдаты, врачи, адвокаты, учителя, которых,

¹Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition: monograph. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 320 p.

²Геллнер Э. Нации и национализм: монография. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

³Леванда В. О. Полный хронологический сборник законов: монография. СПб.: Типография К. В. Трубникова, 1874. С.410.

⁴Моравский В. К положению евреев в Сибири // Еврейский мир. 1910. № 25. С.16.

⁵Нейман И. Как прикрепили сибирских евреев к местам их приписки (1885-1893) // Еврейская старина. 1915. Вып. III-IV. С.381-385.

⁶Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири (Середина XIX века - февраль 1917 года) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 ... Улан-Удэ, 2003. С. 221-222.

как пишет В. Дятлов, становилось все больше¹. По нашему мнению, развитие еврейской идентичности в Сибири, заметное, благодаря их успехам в торговле и предпринимательстве, проанализированных В. С. Соловьевым², зависело не столько от объективных условий, сколько от реакции евреев на объективные трудности, на значимость чего обращал внимание К. Лэш, доказавший, что идентичность формируется личностью, стремящейся к сохранению своего «Я»³. Эта точка зрения подтверждает, что необычайная устойчивость и предпринимательская активность евреев были обязаны субъективному фактору, связанному с развитием группового самосознания в Сибири, исследованного в трудах Ю. Гончарова⁴. При этом согласно положениям А. Кардинера, в основе субъективного фактора, влияющего на идентичность, была генетическая память, которая продуцировала внутригрупповой миф, ориентирующий их на сохранение национального стержня в условиях ассимиляции⁵.

Среди евреев в это время были распространены миф о Сибири и миф о сибирском иудаизме, которые, согласно положениям концепций М. Ф. Бендла⁶, Э. Гофмана⁷, А. Шюца⁸, составили содержание их «жизненного мира» и определили особенности еврейской идентичности. Первым был миф о Сибири, содержание которого можно реконструировать на основании публикации М. М. Шмулевича, по-

¹Дятлов В. И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск, 1996 С. 10.

²Соловьев В. Еврейство и христианский вопрос // Тайна Израиля. СПб., 1993. С. 78.

³Лэш К. Восстание элит и предательство демократии: монография. М.: Логос, Прогресс. 2002. 224 с.

⁴Гончаров Ю. М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул: АЗБУКА, 2013.

⁵Kardiner A., Linton R. The Individual and His Society: monograph. N. Y.: Columbia University Press, 1939. P. 431.

⁶Бендл М. Ф. Кризис «идентичности» в эпоху высокого модерна // Социальные и гуманитарные науки, 2003. № 2. С.58.

⁷Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: монография. М: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.

⁸Шюц А. Аспекты социального мира // Смысловая структура повседневности мира : очерки по феноменологической социологии. М.: Инст-т фонда «Общественное мнение», 2003. С.114.

священной Сибири как вольному и благодатному краю вне пределов «черты оседлости», где евреи, могли с комфортом обжиться и поднять социальный статус¹. Секретом успеха этого мифа был скрываемый за ним, латентный религиозный миф о «земле обетованной», где жизнь евреев приобретала высокое качество, так как отличительной особенностью жизни в Сибири считалась свобода, которой были лишены евреи в «черте оседлости». Невзирая на то, что окружающая действительность вносила коррективы в эти идеи, евреи в Сибири, воодушевленные мифом о «земле обетованной» находили для себя пути реализации и социальную нишу. Эта тенденция была отмечена А. Тэшфелом, согласно которому преследования могут стимулировать развитие идентичности группы, способной противопоставить внутригрупповую альтернативу внешнему влиянию². Например, когда обнаружилось, что согласно нормам сибирского законодательства, евреям запрещалось служить на государственной службе и заниматься земледельческим трудом, они направили свои усилия на торговлю. Еврейская торговля и предпринимательство, проанализированные Т. Тихоновым, дали евреям не только чувство освобождения от стесненности, но и ощущение достоинства и силы, поэтому основу их идентичности составило понятие «торговое меньшинство»³.

Причиной успеха евреев как «торгового меньшинства» было распространение среди них упоминаемого Н. Четвериковой, религиозного мифа «об иудейской вере в Сибири»⁴, согласно содержанию которого евреи, проживая в этом регионе, и теряя свои прежние социальные, культурные, антропологические черты, продолжали строго придерживаться религиозной веры и традиций предков, что делало их евреями даже большими, чем те, которые жили в «черте оседлости». Это подтвер-

¹Шмулевич М. М. Экономическое положение города Верхнеудинска в первой половине XIX века // Вопросы краеведения Бурятии. Вып. 8. Улан-Удэ, 1975. С. 147.

²Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behaviour // Psychology of Intergroup Relations. Chi.: Nelson-Hall, 1986. P. 7.

³Тихонов Т. И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 279-296.

⁴ Четверикова Н. Россия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alefmagazine.com/pub2682.html> (дата обращения: 11.04.2018).

ждает мнение Э. Геллнера, доказывающего, что достаточным основанием для формирования этноса является обладание им религиозными ценностями¹. Сообщества евреев в Сибири боролись за возможность соблюдения обрядов, которые они считали иудейскими, и которые согласно Э. Дюркгейму формировали у них чувство единства².

Однако отдаленность от конфессиональных авторитетов и центров Европейской части России, стали причиной того, что в Сибири сформировались региональные аспекты понимания иудаизма, о реальности которых писал Т. Хоровитц³, и которые привели к тому, что традиции еврейской жизни в Сибири развивались, исходя из местных практик и понимания священных текстов. Евреи в Сибири ощущали себя именно евреями и хотели вести еврейский образ жизни, не ожидая, когда кто-то со стороны научит их правильно исповедовать иудаизм, возможность чего была доказана С. Либманом⁴. Эти факты убеждают, что в Сибири шло формирование особого «еврейского народа», в соответствии с закономерностями, отмеченными Э. Геллнером, представлявшим идентичность в качестве системы воспитания с помощью определенного языка, национального рынка труда, обязательного образования и религии⁵. Примером является то, как евреи в Сибири связывали воспитание подрастающего поколения с развитием еврейского просвещения и образования. Дело в том, что на рубеже XIX-XX вв., согласно сообщению Л. В. Кальминой, каждое поселение, где проживали евреи, делало попытку открытия еврейского учебного заведения, от которого требовалось придание национального характера образовательному процессу⁶. Однако еврейское просвещение в Сибири, в силу известных обстоятельств, понималось стихийно, так как для его привлекались люди

¹Геллнер Э. Нации и национализм: монография. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

²Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение: монография. М.: Канон, 1995. С. 154.

³Horowitz T. Children of Perestroika in Israel: monograph. Lanham; NY; Oxford: University Press of America, 1999. Pp. 31-34.

⁴Liebman C., Don-Yehiya E. Civil Religion in Israel: monograph. Berkeley: University of California Press, 1983. 308 p.

⁵Геллнер Э. Нации и национализм: монография. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

⁶Кальмина Л. В. Еврейское купечество Восточной Сибири (60-е годы XIX века - 1917 г.): монография. Улан-Удэ, Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. 70 с.

не знакомые с равнинистической традицией. Поэтому, как указывает Б. Бруцкус, со временем росла пропасть между тем, что считалось иудаизмом у евреев «черты оседлости» и евреев, проживающих в Сибири¹. В соответствии с концепцией Т. Хоровитца², евреи были объединены вокруг ценностей иудаизма, однако понимание самой религии, как отметила В. Викторовская, у них отличалось спецификой, которая заключалась в том, что в повседневной жизни большинство евреев-сибиряков не отличались набожностью и были равнодушны к религиозным традициям³. Тем не менее, существовал религиозный символ, который признавался всеми сибирскими евреями, это была синагога. При этом иудаизм ассоциировался с синагогальным зданием, а не с религиозным культом. Евреи считали долгом в каждом месте своего расселения построить синагогу. Синагога стала инструментом интеграции еврейских групп в Сибири. Выполняя ту же функцию, что и системы обрядов, описанных Э. Дюркгеймом⁴, она играла ключевую роль в сплочении еврейского населения, которое ассоциировало с синагогой национальное самосознание, видя в ней, как пишет Л. В. Кальмина, символ борьбы за право считаться евреями⁵. При этом евреев интересовало, главным образом, установление здания синагоги, в то же время, по свидетельству А. Гройсмана, молельные помещения практически

¹Бруцкус Б. Д. Статистика еврейского населения. Распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г.: монография СПб. Типография "Север", 1909. С.35

²Horowitz T. Children of Perestroika in Israel: monograph. Lanham; NY; Oxford: University Press of America, 1999. Pp. 31-34.

³Викторовская В. А. Иркутская сионистская организация 1917–1919 гг.: задачи и идеи // Известия Иркутского государственного университета, 2013. № 2 (11), ч. 2. С. 115–124.

⁴Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение: монография. М.: Канон, 1995. С. 154.

⁵Кальмина Л. В. Сионизм в Сибири в 1914–1920 годах: эволюция идеи // Мировой кризис 1914–1920 гг. и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 203-214.

все время пустовали¹. По сути, речь шла о конституировании воображаемого сообщества, что, в контексте теории Ш. Шварца², З. Баумана³, М. Кастельса⁴, было обусловлено целерациональной детерминацией, используемой для достижения интеграции. Таким образом, можно заключить, что евреи-сибиряки, в целях интеграции и выживания пользовались мифологической версией иудаизма, параметры которой были выработаны в Сибири. Иудаизм они представляли не религиозной системой, с жестко установленными нормами и кодексом поведения, а этнической ценностью, вокруг которой должна интегрироваться община, понимающая себя, в соответствии с теорией М. Майкла, центром сохранения национальных традиций⁵. Интегрирующее воздействие мифа о «сибирском иудаизме» на евреев в Сибири было настолько велико, что они, не подверглись ассимиляции, скорее были по-сибирски окультурены. Внешне они выглядели как сибиряки, так же одевались, говорили на русском языке, однако духовно стремились сохранить национальный дух, что подчеркивает верность концепции еврейского национального характера Д. Хоровитца. Главное, чем они выделялись, это отношение к собственному еврейству, так как они гордились своим национальным происхождением и получали удовольствие от своего еврейства и о своей сибирскости, что отличало их от евреев «черты оседлости»⁶.

Таким образом, благодаря влиянию внутригруппового религиозного мифотворчества евреи в Сибири смогли, образовать общину, развивающуюся, несмотря на суровые сибирские условия, неблагоприятное внешнее влияние и предвзятость сибирского «еврейского» законодательства, которое препятствовало их стремлению развивать хозяйственную, общественную, национальную жизнь. Отличительной особенностью еврейской идентичности в Сибири было не противопоставление

¹Гройсман А. Евреи в Якутии: монография. Якутск, ЯНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. 112 с.

²Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство: монография. СПб.: Речь, 2004. 72 с.

³Бауман З. Индивидуализированное общество: монография. М.: Логос, 2002. С. 186.

⁴Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: монография. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

⁵Майкл М. Конструирование идентичностей: социальные, внечеловеческие и трансформирующие факторы // Социальные и гуманитарные науки, 1999. Серия 11. № 4. Социология. С. 91.

⁶Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict: monograph. NY: Columbia University Press, 2005. 135 p.

себя окружающим народам, а отделение себя от евреев, проживающих в рамках «черты оседлости», которые понимались как народ, угнетенный, зависимый от обстоятельств и лишенный еврейской самости. Исследователи отмечали, что в Сибири евреи отличались зажиточностью, меньшей набожностью, близостью по бытовой культуре местным русским, при этом развитым чувством собственного достоинства, подчеркивающего их еврейскую идентичность. Так еще в мемуарах иркутских декабристов, как пишет Ю. Островский, отмечалось, наличие сепаратистских настроений среди евреев, говоривших им о том, что являются «сибирскими евреями, отличными от других евреев», считающих, что «мы – другие»¹. Для формирующегося здесь этнического самосознания было важно то, что евреи в Сибири, перестали нуждаться в чьей-либо помощи и сочувствии, а сами могли помогать другим. Это ощущение стало источником меценатства еврейских купцов, которые в условиях официального антисемитизма, стремились поддерживать иноверцев, что, в соответствии с теоретическими построениями Г. Зиммеля, обеспечивало им доброжелательную общественную атмосферу².

В итоге, за короткое время в Сибири под влиянием мифа о «Сибири как земле обетованной» и мифа о «сибирском иудаизме» появился особый самобытный народ «сибирские евреи», который существенно повлиял на экономическое, общественное и культурное развитие сибирского края. Влиянием мифа о «сибирских евреях», как сообщает В. Дятлов, оказались затронуты, прежде всего, еврейские общины, выступившие в качестве регулятора возрастающей экономической деятельности. Для них миф о «сибирских евреях», то есть еврейских предпринимателях, внедривших капиталистические отношения в сибирскую торговлю, транспортное дело, подряды, был ключевым стимулом к торговому и хозяйственному развитию³. Воз-

¹ Островский Ю. Сибирские евреи: Очерк правового, экономического и культурного положения: монография. СПб.: тип. И. Лурье и К°, 1911. 62 с.

² Зиммель Г. Экскурс о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». М., 2008. С. 7-13.

³ Дятлов В. И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Еврейский сборник. Иркутск, 1996. № 2. С. 10.

действие мифов на общественное сознание описывалось в теоретических построениях А. Ф. Лосева¹, Р. Барта², а также В. Э. Багдасарьян и М. И. Гельвановского, которые в качестве оснований формирования идентичности рассматривают этническое понимание религии³. Со временем влияние мифа «о сибирских евреях» перешло на окружающие народы, которые как оказалось, не только могут влиять на евреев, но и сами подвергаются влиянию с их стороны. Среди них миф о «сибирских евреях» приобрел форму мифа о «торговых первопроходцах», описанных Г. Х. Рабиновичем, согласно которому евреи были авантюристами, искателями приключений, преступниками, но всегда успешными коммерсантами. Сибиряки стали считать евреев «своими», но отличали их как особую группу, выделяющуюся среди «своих» авантюристов деловой сметкой, мобильностью, индивидуализмом и корпоративизмом⁴. Это восприятие евреев свидетельствовало не об ассимиляции, а об аккультурации, так как евреи, влившиеся в коллектив сибиряков, сохраняли обособленность, как группа, объединенная верой в иудейские ценности. О специфике их идентичности говорит то, что слово «жидовствующие», сохранившись у сибиряков, потеряло, согласно мнению В.Ю. Рабиновича, негативную коннотацию, имевшую место на западе России, и стало соотноситься с официальным пониманием термина «иудействующие»⁵.

Кроме этого среди русских сибиряков появились те, кто, присоединялись к группам так называемых «жидовствующих» или «субботников», также, как и евреи присылаемых из центральных губерний России. «Субботники», не будучи этническими евреями, частично воспринимали иудейское вероучение, что влияло на их дальнейшую судьбу, ставшую частью еврейской истории. Под влиянием еврейского мифа у субботников-героев формировалось как религиозное сознание, так и

¹ Лосев А. Ф. Диалектика мифа: монография. М.: Мысль, 2001. 561 с.

² Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: монография. М.: Прогресс, 1994. 616 с.

³ Багдасарьян В. Э., Гельвановский М. И. Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы: монография. СПб.: Алетейя, 2015. 592 с.

⁴ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв.: монография. Томск: Изд-во ТГУ, 1975. 328 с.

⁵ Рабинович В. Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе: монография. Красноярск, Кларетианум, 2002. С. 117.

особый вариант квази-этнического самосознания¹. Их идентичность, как пишет В. Чернин, включала воспоминания о русском происхождении, однако эти русские исходили из убеждения о том, что они так скрупулезно и правильно выполняют обряды и предписания иудаизма, что имеют право называться иудеями. Их вера оказалась настолько сильной, что впоследствии вместе с первой волной алии, они приняли участие в репатриации в Эрец-Израиль на правах евреев². Таким образом, в соответствии с положениями Ф. Барта, то, что они причисляли себя к евреям, оказалось достаточным основанием для обретения еврейской идентичности³.

Также влияние еврейского мифа распространилось на сибирскую администрацию, ранее пытавшуюся препятствовать прибытию евреев в сибирские города. Со временем, чиновники стали, инструментально использовать евреев, видя в их деятельности дополнительный источник для казны, что подтверждает концептуальные положения Ж. Де Воса и Л. Романуччи-Росса, доказывающие, что использование образа группы осуществляется в качестве символической стратегии дифференциации себя от других⁴. К концу XIX в. евреи жили на территории Сибири практически везде, и не обращали внимания на место своей официальной прописки, а администрация вспоминала о нем тогда, когда ей было необходимо, то есть так называемая «сибирская черта оседлости» была превращена в миф, проанализированный Г. Гансом⁵. Таким образом, еврейская идентичность получила сформированный вид, в результате чего уже как целостное образование, евреи вступили в диалог с окружающим обществом, по принципу «Свой» - «Чужой», рассмотренный в концепции М. Бубера⁶. В этих отношениях евреи играли роль «чужих», так как были наиболее удобным «раздражающим фактором», на который, как доказывал Б.

¹Русские и нерусские - грань –евреи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://antifashyst.narod.ru/javr.html> (дата обращения: 09.05.2018).

²Чернин В. Евреи-субботники как субэтническая группа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://subotnikjews.wordpress.com/2013/01/03/evrei-subbotniki-kak-subetnicheskaja-gruppa/> (дата обращения: 13.04.2018).

³ Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Universitets. London: Forlaget: Bergen -Oslo; George Allen & Unwin, 1969. P. 9-38.

⁴ de Vos G., Romanucci-Ross L. *Ethnic Identity: monograph*. Chicago: Quadrangle Books, 1982. P. 16.

⁵Gans H. *Symbolic Ethnicity: the Future of Ethnic Groups and Cultures in America* // *Ethnic and Racial Studies*. 1979. V. 2 (1). P. 1-20.

⁶ Бубер М. Диалог // *Два образа веры*. М.: АСТ, 1999. С. 122-161.

Бруцкус, в случае социального кризиса можно было переключить гнев общественности, которая наиболее живо реагировала на религиозных антагонистов¹.

Наиболее ярко диалогические отношения, описанные в рамках концепции В. Бубера, М. Бахтина, В. Библера², между евреями и окружающим сибирским обществом стали проявляться в период нач. XX в. В Сибири к этому времени был распространен так называемый локальный еврейский национализм, упоминаемый Ю. Островским, согласно которому, к причинам появления которого можно отнести наличие отдельных фактов экономического антисемитизма и конкурентной борьбы между еврейскими и русскими предпринимателями³. Эта среда стала источником появившихся в этот период заявлений о необходимости выселить «еврейский элемент», о которых писала В. Викторовская⁴. В нач. XX в., как пишет М. Шиловский, в отношении евреев распространились антисемитские высказывания, спровоцированные революционными событиями, в которых приняли участие отдельные евреи, но чиновники, имевшие антисемитские предубеждения, обвинили в тайном руководстве революционерами весь еврейский народ⁵.

Этого хватило, чтобы сибирские общины, с равнодушием относившиеся к идеям революции, стали воспринимать себя как национально угнетенное сообщество и ощущать правовую уязвимость, что в соответствии с концепцией В. Зомбарта, существенно влияло на их идентичность⁶. На рубеже веков среди евреев распространился националистический миф, описываемый В. Викторовской⁷. Другой

¹Бруцкус Б. Д. Профессиональный состав еврейского населения России: монография. СПб., типография «Север», 1908. Вып. II. С. 74 .

² Бубер М. Диалог // Два образа веры: монография. М. : АСТ, 1999. С. 122-161; Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: монография. М. Искусство, 1986. 445 с. Библер В. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989, № 6. С. 31-42.

³Островский Ю. Сибирские евреи: Очерк правового, экономического и культурного положения. СПб., тип. И. Лурье и К°, 1911. С. 43.

⁴ Викторовская В. А. Иркутская сионистская организация 1917–1919 гг.: задачи и идеи // Известия Иркутского государственного университета, 2013. № 2 (11), ч. 2. С. 115-124.

⁵Шиловский М. В. Черносотенно-монархическое движение в Сибири начала XX в. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1999. С.20-25.

⁶Зомбарт В. Буржуа: монография. М., Наука, 1994. С. 334.

⁷ Викторовская В. А. Иркутская сионистская организация 1917–1919 гг.: задачи и идеи // Известия Иркутского государственного университета, 2013. № 2 (11), ч. 2. С. 115–124

причиной активизации распространения сионизма среди евреев, согласно В. Ю. Рабиновичу, стало прифронтовое мифотворчество периода Первой Мировой Войны, которое объявило еврейское население тайными противниками России¹. Этот миф, имевший латентное обвинение евреев, как врагов православия, озвучил великий князь Николай Николаевич в своем приказе, где упоминалось о «союзе между евреями и врагами России». Вслед за этим, как пишет Л. В. Кальмина, началась тотальная депортация евреев на территорию Сибири с детьми и семьями². Ответом со стороны евреев была активизация внутриеврейской жизни, которая ориентировалась не на официальные синагогальные ценности, а на национальную идеологию, имевшую в основе латентное внутригрупповое религиозное мифотворчество, в частности значительное распространение получили сионистские мифы, апеллирующие к скрытым идеям «богоизбранного народа» и «земли обетованной», которые эффективно воздействовали на сознание евреев, что подтверждает положения теории секуляризации, разрабатываемые Р. Н. Белла³.

Однако рецепция сионизма в Сибири существенно отличалась от того, как принимали эту идеологию на западе России. Самым главным здесь было то, что сибирские евреи, в качестве потенциальных носителей сионистской идеологии отличались от евреев в «черте оседлости», видевших в сионизме инструмент спасения из галута. Сибирские евреи были одной из влиятельных региональных групп, для которых роль «Земли обетованной» уже выполняла Сибирь. Поэтому, как пишет О. В. Будницкий, евреи от Томска до Нерчинска думали не о мифологической Родине. Они видели в работе сионистских кружков возможность лучше узнать идиш, либо, пользуясь романтической мифологией, стремились выгодно вложить капиталы⁴. Вследствие этого С. М. Дубнов назвал эту мифологию прагматическим

¹Рабинович В. Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе: монография. Красноярск, Кларетианум, 2002. С. 117.

²Кальмина Л. В. Евреи в Западном Забайкалье: поиск экономических ниш (вторая половина XIX — начало XX вв.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/hebrew/evrei_zabaikalia/ (дата обращения: 12.05.2018).

³Bellah R. Civil Religion in America // *Deadalus*. 1967. Vol. 96. № 1. P. 1-21.

⁴См. об этом: Будницкий О. В. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция // *Евреи и русская революция, Материалы и исследования*. М. Иерусалим, 1999. С. 7,10.

сионизмом¹. Как обратил внимание Н. Ноздрин, вникнуть в суть идей политического сионизма сибирские евреи не пытались, так как, по словам нерчинского уездного начальника, им и в Сибири жилось так хорошо, что «ни в какие Палестины» добровольно они никогда не поехали бы². Только в годы Первой мировой войны в Сибири появились воспринимавшие сионизм на профессиональном уровне, проповедники. Они распространяли, говоря словами С. М. Дубнова, идеи религиозного лжемессианства, направлявшие сибирских евреев пути ассимиляции в среде мирового еврейства. Сразу вслед за ними пришли и погромы, доводящие до логического конца сионизацию сибирских евреев³.

С этого времени и вплоть до установления Советской власти в Сибири сионистский миф оказывал доминирующее влияние на евреев, ведших, осуществляемый в понимании В. Библера⁴, диалог с окружающим обществом с позиций мифа, утверждавшего право на богоизбранность и государственность. В частности, в феврале 1917 г. они выступили с лозунгом «демократической, самоуправляющейся, единой еврейской общины»⁵. Сионистское мифотворчество, описанное В. Рабиновичем, расцвело в период гражданской войны, чему способствовал всплеск самосознания евреев, а также рост антисемитизма, ставшего идеологическим основанием Белого движения, считавшего, что большевиками руководят евреи⁶. В част-

¹ Дубнов С.М. Письма о старом и новом еврействе. СПб., Тип. Т-ва «Общественная польза», 1907. 370 с.

² Ноздрин Г. А. Взаимоотношения русского и еврейского населения Сибири во второй половине XIX - начале XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/019.html> (дата обращения: 12.05.2018).

³ Дубнов С.М. Письма о старом и новом еврействе. СПб., Тип. Т-ва «Общественная польза», 1907. 370 с.

⁴ Библиер В. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989, № 6. С. 31-42.

⁵ Мучник Ю.М. Религиозная жизнь сибирских евреев в XIX столетии (по материалам Томской губернии) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 58-76.

⁶ Рабинович В.Ю. О «чужести» сибирских евреев (последняя треть XIX – начало XX в.) // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Матер. II регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Иркутск, 2001. С. 22-24.

ности, в Дальневосточной Республике в рамках культурно-национальной автономии, описанной М. Н. Савиных, сионисты добились права на самоуправление, которое использовали для подготовки эмиграции в Израиль¹.

Победа советской власти в Сибири изменила ход понимаемого в контексте концепции В. Библера, «диалога культур»,² вокруг «еврейского вопроса», так как большевики выступили с программой, которая с одной стороны утверждала решительную борьбу против любых проявлений антисемитизма, с другой, предусматривала такую же решительную борьбу с так называемой «еврейской обособленностью». Этот лозунг по мнению Н. Наумовой оправдывал ликвидацию еврейского самоуправления, что предполагало одновременное уничтожение сионистского движения в Сибири³. После этого сионизм, как пишет Л. Курас, потерял социальную базу и стал ориентироваться только на религиозный миф об исходе, что привело к массовой эмиграции евреев из Сибири⁴.

Ответом на это со стороны Советской власти, чьи действия в этот период определялись политикой «военного коммунизма», была описанная Ю. Гончаровым, кампания, направленная на дискриминацию евреев⁵. Борьба с еврейским образом жизни осуществлялась за счет распространения мифа о «еврейской пролетарской культуре», который требовал искоренения сионизма, синагог, «реакционно-буржуазного» иврита, еврейских политических движений и призывал к идеалам коммунизма, атеизму, изучению «пролетарского» идиша. В результате ведущее место в жизни евреев перешло к еврейским коммунистическим секциям, которые создавались при местных комитетах партии большевиков. В дальнейшем еврейские секции, как указывает В. Романова, также были ликвидированы и их место

¹Савиных М. Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – нач. XX вв: монография. Омск, Омскбланкиздат, 2004. 162 с.

² Библер В. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989, № 6. С. 31-42.

³ Наумова Н. И. 3–1 Всесибирский сионистский съезд (ноябрь 1918 г.) // Евреи в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 29.

⁴Курас Л. В. Еврейская эмиграция евреев из Сибири в Харбин в первой половине XX века // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX–XX веках. Красноярск : Кларетианум, 2004. С. 156-163.

⁵Гончаров Ю. М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX - начало XX в.): монография. Барнаул, Аз Бука., 2005. 108 с.

заняли подразделения коммунистической партии, где евреям предписывалось занять структурное место¹.

Под влиянием противоречивых советских мифов еврейская идентичность переживала ряд трансформаций. Например, в период НЭПа, евреи, поверившие в миф о «новой экономической политике», участвовали в восстановлении экономики, и начинали воспринимать себя как нэпманов, трудящихся ради восстановления советской экономики. Однако, как пишет А. Гройсман, когда задачи восстановления экономики были выполнены, пришло время распространения мифа об «индустриализации и коллективизации», вслед за чем ушли в прошлое еврей-нэпманы². Вместе с этим, добавляет В. В. Романова, сами сибирские евреи не исчезли, а пытались адаптироваться к изменившимся реалиям социализма, что проходило под влиянием мифов о коллективизации, в которой они стали принимать активное участие. Одной из форм этого участия была организация работы еврейских колхозов³. Подобные же колхозы, как правило, под названием «Красный еврей», организовывали и сибирские субботники, которые, как уверен В. Чернин, также как и евреи пытались одновременно продемонстрировать лояльность советской власти и сохранять еврейскую идентичность⁴. В рамках этих еврейских советских хозяйств евреям удавалось некоторое время вести национальный образ жизни и организовывать работу духовных, культурных, учебных заведений⁵. Однако, как доказывает И. В. Нам, когда советский административный аппарат стал полностью зависим от распростра-

¹Романова В. В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX - 20-е гг. XX в.). // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, Кларетинаум, 2001. Вып. 7. 295 с.

²Гройсман А. Евреи в Якутии: монография. Якутск, Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. 112 с.

³ Романова В. В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX - 20-е гг. XX в.). // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, Кларетинаум, 2001. Вып. 7. 295 с.

⁴Д-р Чернин В. Еврей-субботники как субэтническая группа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://subotnikjews.wordpress.com/2013/01/03/evrei-subbotniki-kak-subetnicheskaia-gruppa/> (дата обращения: 08.05.2018).

⁵Русские и нерусские - грань - явреи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://antifashyst.narod.ru/javr.html> (дата обращения: 04 .05.2018).

нившего мифа о засилье евреев в государстве, положение изменилось. Власти закрыли сибирские синагоги, еврейские школы, молельные дома, несмотря на что, евреи и субботники втайне продолжали соблюдать свои обычаи¹.

Это заставило власть изменить подходы к проведению диалога по «еврейскому вопросу» и она объявила о реализации проекта, нацеленного на интеграцию евреев в советское общество. Он носил мифологический характер и назывался «Еврейская Дальневосточная республика», на территории которой предполагалась создание национальной автономии, выполняющей роль «земли обетованной». По плану светской администрации, отраженному в монографии М. П. Белова, поселение евреев на Дальнем Востоке должно было обеспечить им видимость национального самоуправления и возможность реализации себя в качестве земледельцев². Однако, несмотря на проведение идеологической обработки и осуществление целенаправленного вывода евреев в Приамурье, желающих поселиться там было мало, а переехавшие туда евреи постоянно просили о помощи, а многие из них возвращались в прежние места.

Таким образом, миф о «земле обетованной» в стране Советов не сработал. Причиной этого исследователи, такие как В. П. Клюева, называют суровый климат, неподготовленность к приему поселенцев, перебои в обеспечении³. Однако сравнение этих условий с жизнью еврейских поселенцев в Сибири XIX в., показывает, что тогда жить в регионе было не менее тяжело, но отношение евреев к территории своего поселения и к себе было другим. На наш взгляд советские евреи были разочарованы проектами, нацеленными на их адаптацию к условиям советского общества, потому, что они заключались в ликвидации этноконфессиональной автономии и запрете религиозного мировоззрения⁴. Очевидно, что, когда религиозный

¹Нам И. В., Наумова Н. И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск, 2003. 240 с.

²В семье единой, дружной. Еврейская автономная область: монография / ред. М. П. Белов. Хабаровск : Кн. изд-во, 1968. 132 с.

³Клюева В. П. Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII — начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...». Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004. С. 5-27.

⁴ Русские и нерусские - грань – явреи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://antifashyst.narod.ru/javr.html> (дата обращения: 04.05.2018).

миф переставал выполнять функцию внутригрупповой интеграции, на значение которой было указано Э. Дюркгеймом¹, евреи теряли интерес к происходящим событиям.

На краткое время отношения между евреями и советским обществом изменились в период Великой Отечественной войны, когда евреи поддерживали правительство, участвуя во фронтовых операциях против Германии, а правительство занималось эвакуацией их из прифронтовых районов в Сибирь, где евреи занимались работами, нацеленными на развитие тыла Советского Союза. Эти годы показали, что евреев не пугают климатические и материальные трудности и испытания. Дело в идее, или мифе, который, имея очень устойчивые характеристики, указываемые в примордиалистских концепциях Ф. Боаса², Ю. В. Бромлея³, К. Гирца⁴, оказывает определяющее влияние на их самосознание. Так евреи сражались с фашизмом, который, как пишет Ж. Медведев, понимался ими как извечный «враг», для победы над которым они шли на любые испытания. В это же время сталинское правительство шло на уступки евреям, разрешив им вновь открывать синагоги и молитвенные дома⁵. Однако, как только общий «враг» был побежден, политика сталинского режима, как обращает внимание Г. В. Костырченко, опять стала руководствоваться антисемитским мифотворчеством⁶.

На рубеже 1940-х – 1950-х гг. антисемитский миф в соответствии с учением А. Ф. Лосева⁷, стал фундаментом компаний, направленных на борьбу с «низкопоклонством перед Западом». Благодаря его влиянию советский народ спланировал

¹ Дюркгейм. О разделении общественного труда. Метод социологии: монография. М.: Наука, 1991. 576 с.

² Боас Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т.1.С. 499-508.

³ Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М.: Наука, 1987. 333 с.

⁴ Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays: monograph. NY, Campus, 1973. P. 268-309.

⁵ Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема: Новый анализ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 253.

⁶ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., «Международные отношения», 2003. 784 с.

⁷ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., Мысль, 2001 558 с.

ряды, объединяясь для борьбы с космополитизмом, а массы репрессированных евреев отправлялись в Сибирь, а также на Дальний Восток, где их численность выросла во множество раз. Репрессии закончились благодаря реформам Н. С. Хрущева, когда была частично легализована деятельность еврейских общин, и появились предпосылки для возрождения позитивной еврейской идентичности. Это способствовало включению сибирской еврейской интеллигенции в борьбу за национальные права. В сибирских городах создавались кружки, где изучали иврит и историю Израиля¹. В 1970-е гг. многие участники этого движения эмигрировали в Израиль, что говорит о влиянии на них латентного религиозного мифа об Исходе, раскрытого в учении Р. Н. Белла².

В постперестроечный период поток ведомых мифом о «земле обетованной» еврейских переселенцев из Сибири в Израиль, вырос. Однако многие, искренне верующие иудеи и субботники оказались разочарованы образом жизни современных израильтян, которые были подвержены влиянию глобализирующейся культуры и посещали рок-концерты, ночные клубы, ходили в одежде американского покроя, употребляли в пищу американскую еду. Это не вязалось с образом Эрец-Израиля, как «земли, обетованной Богом», и поэтому многие вскоре уехали из Израиля в США, Канаду, Германию, либо вернулись в сибирскую глубинку, где, как им теперь казалось, сохранилась подлинная вера предков³. Таким образом, несмотря на то, что значительное количество евреев навсегда покинуло Сибирь, подвергшись влиянию мифа об Израиле, миф о сибирских евреях оказался вновь актуализован к началу XXI в., когда евреи Сибири и Дальнего Востока не только сохранились как диаспора, но и сумели развить свою идентичность в качестве сибирских евреев,

¹«Мы не расейские – мы сибиряки!» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alefmagazine.com/pub2682.html> (дата обращения: 08.05.2018).

² Bellah R. Civil Religion in America // *Daedalus*. 1967. Vol. 96. № 1. P. 1-21.

³Русские и нерусские - грань – явреи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://antifashyst.narod.ru/javr.html> (дата обращения: 04.05.2018).

самостоятельных по отношению к евреям западных регионов России и по отношению к израильским евреям, образ которых не кажется им соответствующим религиозному идеалу¹.

Необходимо отметить, что современный этап формирования еврейской идентичности на территории сибирского региона не обошелся без антисемитического мифотворчества, которое исходило главным образом, из конфессионального источника². Например, инструментом распространения антисемитских мифологем стала газета «Русское Забайкалье», которая в течение 2006–2008 гг. выпускала антисемитские статьи, содержащие оскорбительные высказывания и негативные установки по отношению к такой религии как иудаизм³. Газета публиковала призывы, оправдывающие насильственные действия по отношению к лицам еврейской национальности и призывы за их выселение с русской территории. Использование данной стратегии религиозной мифологизации сознания православных привело к судебному разбирательству, результатом которого оказалось закрытие указанной газеты. Однако вместе с ее закрытием антисемитское мифотворчество не прекратилось, также, как не прекращается процесс формирования и трансформации идентичности сибирских евреев⁴.

На сегодняшний день сибирские евреи, это граждане, которые одновременно включены в политику, экономику, науку, образование, общественную и культурную жизнь. Вместе с этим, они участвуют в жизни еврейской диаспоры, которая характеризуется интенсивным организационным оформлением жизни еврейских общин, символом которой вновь становится синагога⁵. Восстановление и открытие

¹Заметки еврейской истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/>(дата обращения: 12.05.2018).

²Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: дисс. ... докт. филос. н: 09.00.14. Чита, 2011. 372 с.

³ Редактор газеты "Русское Забайкалье" обвиняется в "разжигании" экстремизма [Электронный ресурс]. Чита, 2009. Режим доступа: <http://rys-arhipelag.ucoz.ru/news/2009-01-20-8> – Загл. с экрана. (дата обращения: 03.02.2010).

⁴Русского Забайкалья больше нет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=58024&mode=thread&order=0&thold=0>. (дата обращения: 03.02.2010).

⁵ Кравцов Г. Г. Мир «еврейская община города Читы»: монография. Чита, Экспресс-Издательство, 2011. 160 с.

работы синагог говорит об актуализации религиозного влияния, отмеченного как необходимый фактор выживания этноса Э. Геллнером¹, на сибирских евреев и является делом чести еврейских общин Биробиджана, Владивостока, Иркутска, Томска, Тюмени, а также Читы, где здание синагоги только частично возвращено верующим². Особое внимание, как и сто лет назад, евреи уделяют образованию, открывая еврейские школы, и развитию еврейской культуры, проводя фестивали еврейской культуры³. Значительную роль в деле развития еврейской идентичности играют еврейские общественные и международные организации, среди которых в Сибири выделяется Еврейские агентства «Джойнт» и «Сохнут», оказывающие, как пишет Г. Кравцов, помощь возрождающимся еврейским общинам⁴.

В целом, идентичность современных сибирских евреев, сконструирована по нарративному мифологическому принципу, разработанному в концепции П. Рикера⁵, согласно которому они представляют сообщество потомков еврейских выходцев из «черты оседлости», от которых они отличаются своим сибирским характером, сформированным в течение диалога, взаимодействия и симбиоза с другими народами и конфессиями Сибири. В условиях современного социально-экономического кризиса в России идентичность евреев актуализируется, в связи с субъективным ощущением ими утраты своей культуры, языка, по причине ассимиляции в окружении иных народов. При этом сообщество евреев само выступает в качестве группы поддержки, к которой всегда можно обратиться за помощью в сложной жизненной ситуации. То есть, еврейская идентичность в Сибири интересна и выполняет компенсаторную функцию, так как она становится интегрирующим

¹ Геллнер Э. Нации и национализм: монография. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

² Заметки еврейской истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/> (дата обращения: 12.05.2018).

³ Шадрин Р. Замечательный сосед. Евреи. Интервью с Б. Л. Ереминым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.chita.ru/articles/58341/> (дата обращения: 12.05.2018)

⁴ Кравцов Г. Г. Мир «еврейская община города Читы»: монография. Чита, Экспресс-Издательство, 2011. 160 с.

⁵ Рикер П. Я-сам как другой: монография. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

началом, объединяя «Своих» перед лицом «Чужих», и поэтому в «нарративах самости», представляется как нечто более стабильное, чем соседствующие социальные группы.

Выводы:

1. Евреи-сибиряки, в целях выживания и интеграции пользовались мифологической версией иудаизма, параметры которой были выработаны в Сибири. Иудаизм они представляли не религиозной системой, с установленными нормами и кодексом поведения, а этнической ценностью, вокруг которой должна интегрироваться община. Еврейская идентичность в Сибири, сконструирована согласно мифу о «сибирских евреях», в котором сочетается идея о том, что евреи, проживающие в регионе, отличаются от евреев «черты оседлости», сибирским характером, сформированным в течение диалога с другими сибирскими народами и идея о том, что евреи в Сибири сохраняют религиозную веру предков.

2. Отличительной особенностью «сибирских евреев» было отделение себя от евреев, проживающих в рамках «черты оседлости», которые понимались как народ, зависимый от обстоятельств и лишенный еврейской самости. Сибирские евреи выглядели как русские, но заботились о сохранении еврейского духа, который понимался либо в религиозной, либо в националистической мифологической трактовке.

3. После победы большевиков еврейская идентичность, подвергаясь влиянию советских мифов, переживала ряд трансформаций, но вместе с этим сибирские евреи не исчезали, а пытались адаптироваться к реалиям социализма. Сохранению сообщества способствовал религиозный миф о «земле обетованной», который был актуализирован, во второй половине XX в. Однако в постсоветский период, когда многих эмигрантов, уехавших в Израиль, разочаровал образ жизни современных израильтян, который развеял миф о «земле, обетованной Богом», они, ведомые мифом об «обратном исходе в Сибирь», вернулись в сибирскую глубинку, где сохранилась подлинная вера предков. Сегодня в Сибири не только сохранилось как еврейская диаспора, но и развивают свою идентичность, в качестве самостоятельного этноконфессионального образования «сибирских евреев», самостоятельных по отношению к израильским евреям и к евреям западных регионов России.

Заключение к главе II

1. Первоначально евреев объединяла иудейская идентичность, в которой доминировал религиозный миф о богоизбранном народе, который разделял их мир на «своих» и «чужих» и провоцировал религиозный антисемитизм среди окружающих народов. С наступлением Просвещения религиозная иудейская идентичность была заменена на этническую еврейскую идентичность. Вместе с этим секуляризация привела к тому, что еврейская идентичность была отделена от идентичности евреев, которая приобрела светский характер. При этом религиозный миф, олицетворяющий еврейскую идентичность, принял латентную форму, освящая ценностями богоизбранного народа еврейский этнический и политический миф. В современной еврейской диаспоре также процветает мифотворчество, основанное на латентных религиозных мифах, влияющих на еврейскую идентичность. Однако если в Европе евреи обращаются к ценностям государства, семьи и религии, то иудеоамериканская идентичность в США подвергается влиянию мифов, рожденных на американской почве.

2. Латентный религиозный миф о «богоизбранном народе» оказал решающее влияние на становление еврейской идентичности в России, где он выполнял функцию сохранения исторической памяти у раздробленных еврейских общин. Религиозные ценности, о которых говорил латентный внутригрупповой еврейский миф, противопоставлялись ценностям распространяемым внешними мифами антисемитской направленности. Результатом влияния этого мифа было сохранение еврейской идентичности в дореволюционной России и в СССР, где на нее оказывал влияние миф об отказавшихся от иудаизма, советских евреях. Однако кризис Советского Союза показал несостоятельность атеистического мифа и привел к актуализации прежде латентного религиозного мифа о том, что представителей богоизбранного народа ждет Израиль, как «земля обетованная». Влияние мифа о Земле обетованной также оказалось ограниченным, так как многие евреи из России в Израиле перестают считать себя евреями и начинают ощущают себя русскими. Таким

образом, еврейская идентичность в современной России формируется под влиянием мифа о русских евреях, латентную часть которого представляют ценности религиозного мифа о богоизбранном народе.

3. Латентный религиозный миф о «богоизбранном народе» принял в Сибири форму мифа о «сибирских евреях», который говорил о проживающих здесь евреях, как народе, у которого синтезированы черты, характерные для сибирских народов и для богоизбранного народа, сохраняющего религиозные традиции иудаизма. Согласно этому мифу «сибирские евреи» отличались от евреев «черты оседлости» сибирским характером, сформированным под влиянием иудейской религии и суровых условий сибирского региона. Именно благодаря влиянию латентного религиозного мифа еврейская идентичность сохранялась в дальнейшем, несмотря на преследования со стороны советской власти и влияние мифов социализма. При этом религиозный миф о «сибирских евреях», оказался очень устойчив и продолжал влиять на евреев, уехавших в постсоветский период в Израиль, где разочарованные западным образом жизни израильских евреев, сибирские евреи сформировали миф об «обратном исходе» и вернулись в Сибирь, где сохранилась «вера предков». Сегодня еврейское население Сибири развивает еврейскую идентичность, в качестве самостоятельного этноконфессионального образования «сибирских евреев». В основе их ценностей находится идея о еврейском возрождении в Сибири, которая базируется на религиозном мифе о «богоизбранном народе», имеющем латентную форму.

Заключение

1. Причиной появления противоречащих друг другу оценок, связанных с определением того, чем является еврейство, является разнообразие этнобиологических характеристик этой группы, даваемых примордиалистскими (биологическими и историко-эволюционистскими) и когнитивистскими (конструктивизм) концепциями идентичности. Методологию, способную наиболее адекватно анализировать становление еврейской идентичности, определяя ее как ментальный результат выбора группы, образованный под влиянием объективных и субъективных, внешних и внутригрупповых факторов, влияющих на выбор образа «Я» на сознательном и неосознаваемом уровне, разрабатывает инструментализм и цивилизационная концепция еврейской идентичности, синтез которых определяет положения интерсубъективного подхода, согласно которому религиозные ценности иудаизма определяют содержание еврейской идентичности.

2. Евреи – это группы людей, идентичность которых сформирована разнообразными мифами, возникшими в результате отражения в сознании евреев условий их бытования и содержащих представления о ценностях, понимаемых как еврейские. В основе становления еврейской идентичности находится диалог между внешним и внутригрупповым мифами. Внешнее мифотворчество нацелено на достижение адаптации группы к условиям жизни и ассимиляции ее с доминирующими группами. Внутригрупповое мифотворчество способствует сохранению группы, основываясь на религиозном мифе о «богоизбранном народе». Еврейская идентичность сохраняет связь с объективным влиянием природного и социального окружения, а также с понимаемым в контексте ценностей религиозного мифа групповым прошлым, традициями, именем. Этим она отличается от идентичности евреев, как продукта индивидуального сознания, в большей степени подверженного влиянию социального окружения, и ориентированного на комплекс секуляризованных ценностей.

3. Становление еврейской идентичности является предметом дискуссии, на содержание которой влияют априорные убеждения о ее факторах. Религиозные

концепции утверждали у евреев наличие иудейской идентичности, в качестве души, связанной с Богом. Биологические концепции доказывали, что еврейская идентичность сохраняется благодаря генам, что повлияло на развитие расового сионистского и антисемитского мифотворчества, основанного на религиозном мифе о «богоизбранном народе». Сионистский миф сохраняет влияние в научной традиции государства Израиль, напротив, на территории Европы и США принимается методология, основанная на принципах когнитивизма. Однако в этих странах также ощутимо влияние религиозно- мифологических идей, создающих региональные особенности понимания еврейской идентичности. В российской науке принимается цивилизационная концепция еврейской идентичности, однако, появление западных когнитивистских концепций создает возможности обоснования синтеза инструменталистской и цивилизационной трактовки идентичности.

4. Первоначально евреев объединяла иудейская идентичность, в которой доминировал религиозный миф о богоизбранном народе, который разделял их мир на «своих» и «чужих» и провоцировал религиозный антисемитизм среди окружающих народов. С наступлением Просвещения религиозная иудейская идентичность была заменена на этническую еврейскую идентичность. Вместе с этим секуляризация привела к тому, что еврейская идентичность была отделена от идентичности евреев, которая приобрела светский характер. При этом религиозный миф, олицетворяющий еврейскую идентичность, принял латентную форму, освящая ценностями богоизбранного народа еврейский этнический и политический миф. В современной еврейской диаспоре также процветает мифотворчество, основанное на латентных религиозных мифах, влияющих на еврейскую идентичность. Однако если в Европе евреи обращаются к ценностям государства, семьи и религии, то иудеоамериканская идентичность в США подвергается влиянию мифов, рожденных на американской почве.

5. Латентный религиозный миф о «богоизбранном народе» оказал решающее влияние на становление еврейской идентичности в России, где он выполнял функцию сохранения исторической памяти у раздробленных еврейских общин. Религиозные ценности, о которых говорил латентный внутригрупповой еврейский миф,

противопоставлялись ценностям распространяемым внешними мифами антисемитской направленности. Результатом влияния этого мифа было сохранение еврейской идентичности в дореволюционной России и в СССР, где на нее оказывал влияние миф об отказавшихся от иудаизма, советских евреях. Однако кризис Советского Союза показал несостоятельность атеистического мифа и привел к актуализации прежде латентного религиозного мифа о том, что представителей богоизбранного народа ждет Израиль, как «земля обетованная». Влияние мифа о Земле обетованной также оказалось ограниченным, так как многие евреи из России в Израиле перестают считать себя евреями и начинают ощущают себя русскими. Таким образом, еврейская идентичность в современной России формируется под влиянием мифа о русских евреях, латентную часть которого представляют ценности религиозного мифа о богоизбранном народе.

6. Латентный религиозный миф о «богоизбранном народе» принял в Сибири форму мифа о «сибирских евреях», который говорил о проживающих здесь евреях, как народе, у которого синтезированы черты, характерные для сибирских народов и для богоизбранного народа, сохраняющего религиозные традиции иудаизма. Согласно этому мифу «сибирские евреи» отличались от евреев «черты оседлости» сибирским характером, сформированным под влиянием иудейской религии и суровых условий сибирского региона. Именно благодаря влиянию латентного религиозного мифа еврейская идентичность сохранялась в дальнейшем, несмотря на преследования со стороны советской власти и влияние мифов социализма. При этом религиозный миф о «сибирских евреях», оказался очень устойчив и продолжал влиять на евреев, уехавших в постсоветский период в Израиль, где разочарованные западным образом жизни израильских евреев, сибирские евреи сформировали миф об «обратном исходе» и вернулись в Сибирь, где сохранилась «вера предков». Сегодня еврейское население Сибири развивает еврейскую идентичность, в качестве самостоятельного этноконфессионального образования «сибирских евреев». В основе их ценностей находится идея о еврейском возрождении в Сибири, которая базируется на религиозном мифе о «богоизбранном народе», имеющем латентную форму.

Библиографический список

1. Агурский М. Евреи-христиане в русской православной Церкви/ М. Агурский // Вестник РХД. Париж. – 1974. – № 114. – С. 52-72.
2. Алаев Л. Б., Ерасов Б. С. Формация или цивилизация /Л.Б. Алаев, Б.С. Ерасов // Народы Азии и Африки. – 1990. – № 3. – С. 46-56.
3. Александрова Е. А. Религиозная идентичность в российских культурно-антропологических исследованиях / Е.А. Александрова // Culture and Civilization. – 2015. – № 6. – С. 10-22.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма: монография. / Б.Андерсон. – М.: Канон-Пресс, 2001. – 333 с.
5. Анохин А. М. Социальная адаптация и проблема идентичности в глобализующемся мире / А.М. Анохин. // Terra Humana. – 2007. – № 4. – С. 58-68.
6. Анучин Е. Н. Исследование о процентах сосланных в Сибирь в период 1827-1846 годов: материалы для уголовной статистики России. / Е.Н. Анучин. – СПб, 1873. – 249 с.
7. Арутюнян Ю. Об этнических компонентах российской идентичности / Ю. Арутюнян. // Социологические исследования. – 2009. – №6. – С. 38-44.
8. Арутюнов С.А. Этничность - объективная реальность (отклик на статью С. В. Чешко) / С.А. Арутюнов // ЭО. – 1995. – № 5. – С. 7-10.
9. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности: монография. / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 365 с.
10. Асылгужин Р. Р. Этничность и этническая идентичность: монография. / Р.Р. Асылгужин, Ф.С. Файзулин. – Уфа: «Гилем», 2005. – 140 с.
11. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора / В.А. Ачкасов. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – №1(5). – С. 131-143.

12. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянский обрядов: монография. / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
13. Багдасарян В.Э. Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы: монография. / В.Э. Багдасарян, М.И. Гельвановский. – СПб.: Алетейя, 2015. – 592 с.
14. Бакунин М. А. Интернационал, Маркс и евреи: монография. / М.А. Бакунин. – М.: Издательский дом «Вече», «АЗ^Ъ» (Знатнов), 2008. – 320 с.
15. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: монография. / Р. Барт. – М: Прогресс, 1994. – 616 с.
16. Бауман З. Индивидуализированное общество: монография. / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
17. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: монография. / М.М. Бахтин. – М. Искусство, 1986. – 445 с.
18. Белинский В. Г. Избранные письма. / В.Г. Белинский. – М: АН СССР, 1955. – 339 с.
19. Белковский Г. А. Русское законодательство о евреях в Сибири. / Г.А. Белковский. – СПб.: «Центр.» типо-лит. М.Я. Минкова, 1905. – 160 с.
20. Белова О. Евреи, Ленин и Христос (по материалам полесских этнолингвистических экспедиций)/ О. Белова. // Вестник еврейского университета. – 2000. – № 3 (21). – С. 185-190.
21. Белова О. В. , Петрухин В. Я. «Еврейский миф» в славянской культуре: монография. / О.В. Белова, В.Я. Петрухин. – М.: Мосты культуры, 2008. – 568 с.
22. Бендл М. Ф. Кризис «идентичности» в эпоху высокого модерна / М.Ф. Бендл // Социальные и гуманитарные науки. – 2003. – № 2. – С. 58.
23. Бен-Рафаэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе / Бен-Рафаэль Э. // Общество и политика современного Израиля. М.: «Мосты культуры», 2002. – С. 15-47.

24. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания: монография. / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
25. Библер В. Культура. Диалог культур (опыт определения) / В. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31-42.
26. Бляхер Л. Е. Политические мифы Дальнего Востока / Л.Е. Бляхер // Полис (Политические исследования). – 2004. – № 5. – С. 28-39.
27. Боас Ф. Разум первобытного человека: монография. / Ф. Боас. – М., Красанд, 2011. – 154 с.
28. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. // Философия эпохи постмодерна. Минск: Красико-Принт, 1996. – 360 с.
29. Бойко В. П. Томское купечество конца XVIII-XIX в.: монография. / В.П. Бойко. – Томск: Водолей, 1996. – 320 с.
30. Бондаренко О. В., Леонова М. С. Религиозная идентичность: экспликация понятия / О.В. Бондаренко, М.С. Леонова // Гуманитарные и социальные науки. Сер. Социология. – 2010. – № 6. – С. 285-291.
31. Борохов Б. Классовые моменты национального вопроса: монография. / Б. Борохов. – Одесса: Кадима, 1906. – С. 32.
32. Бромберг Я. А. Евреи и Евразия. / Я.А. Бромберг. – М.: Аграф, 2002. – 320 с.
33. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность: монография./ ЮВ. Бромлей. – М.: Наука, 1987. – 333 с.
34. Бруцкус Б. Д. Профессиональный состав еврейского населения России: по материалам Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. / Б.Д. Бруцкус. – СПб.: Типография "Север", 1908. – 264 с.
35. Бубер М. Диалог / М. Бубер // Два образа веры: монография. М.: АСТ, 1999. – С. 122-161.
36. Булгаков С. Н. Размышления о национальности / С.Н. Булгаков // «Сочинения». – М.: Наука, 1993. – Т. 2. – С. 435-457.

37. Бурдьё П. Социология политики: монография./ П. Бурдьё. – М.: Socio-Logos, 1993. – С.99-158.
38. Буровский А. М. Что такое антисемитизм?/ А.М. Боровский. //Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX-XX веках. – Выпуск 5. Красноярск, 2004. – 208 с.
39. Бурьшкин П. А. Москва купеческая: монография. / П.А. Бурьшкин. – М.: Высшая школа, 1991. – 352с.
40. Валлерстайн И. После либерализма: монография./ И. Валлерстайн. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
41. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. / А. Вебер. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 565 с.
42. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные труды: монография. М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.
43. Викторовская В. А. Иркутская сионистская организация 1917–1919 гг.: задачи и идеи. / В.А. Викторовская. // Известия Иркутского государственного университета, 2013. – № 2 (11), ч. 2. – С. 115-124.
44. Войтинский В. С., Горнштейн А. Я. Евреи в Иркутске: монография. / В.С. Войтинский, А.Я. Горнштейн. – Иркутск: Тип. П. И. Макушина и В. М. Посохина, 1915. – 414 с.
45. Востоков Л. Антинародная деятельность сионистов в России. / Л. Востоков. // Вопросы истории. – 1973. – № 3. – С. 23-25.
46. Вьевьорка М. Соблазн антисемитизма. Ненависть к евреям в современной Франции: монография. / М. Вьевьорка. – М.: ИВРАН, 2006. – 159 с.
47. Галашова Н. Б. Еврейская община в г. Томске в конце XIX начале XX веков как транслятор духовных ценностей. Н.Б. Галашова. //История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока. – Томск. – 2000. – С. 50-52.
48. Галесник М. В куце событий. / М. Галесник // Гео. 2012. – № 9. – С. 84-

49. Ганелин Р. Ш., Кельнер В. Е. Проблемы историографии евреев в России: 2-ая половина XIX – 1-ая половина XX вв. / Р.Ш. Ганелин, В.Е. Кельнер. // Евреи в России. Историографические очерки. М., Иерусалим, 1994. – С. 183-246.
50. Ганс Г. Расология еврейского народа: монография. / Г. Ганс. – М.: «Сампо», 2010. – 374 с.
51. Гейзель З. Еврейская традиция: монография. / З. Гейзель. – М.: Маханаим, 2002. – 268 с.
52. Геллнер Э. Нации и национализм: монография. / Э. Геллнер. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
53. Герцль Т. Еврейское государство: монография. / Т. Герцль. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1896. – 112 с.
54. Гессен Ю. Евреи в России: Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. / Ю. Гессен. – СПб.: Типо-Литограф. А. Г. Розена, 1906. – 328 с.
55. Гесс М. Рим и Иерусалим: монография. / М. Гесс. – Иерусалим: Библиотека-Алия, 1991. – 423 с.
56. Гимадеева Д. Р., Ефлова Д. Ю, Конструирование религиозной идентичности в поликультурном обществе: социальные детерминанты / Д.Р. Гимадеева, Д.Ю. Ефлова. // Ученые записки Казанского университета. – 2013. –Т. 155. Кн 6. – С. 15-22.
57. Глаголев В. С. Религия караимов. / В.С. Глаголев. – М., МГИМО, 1994. – 141 с.
58. Гольденвейзер А. А. Правовое положение евреев в России / А.А. Гольденвейзер. // Книга о русском еврействе. М., Иерусалим, 2002. – С. 115-157.
59. Гончаров Ю. М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.): монография. / Ю.М. Гончаров. – Барнаул, АЗБУКА, 2013. – 174 с.
60. Гордис Д. Израиль. История государства: монография. / Д. Гордис. – М.: Мосты культуры, 2018. – 488 с.
61. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: монография. / И. Гофман. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 752 с.

62. Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего: монография. / Г. Грец. – Одесса: Изд. кн. маг. Шермана, 1904–1909. – 376 с.
63. Гройсман А. Евреи в Якутии: монография. / А. Гройсман. – Якутск, ЯНЦ СО РАН, 1995. – Ч. 1. – 112 с.
64. Гудков Л.Д., Левинсон А. Г. Евреи в России. Свои и Чужие / Л.Д. Гудков, А.Г. Левинсон // Образ другого в культуре. М.: Наука, 1994. – 336 с.
65. Гумилев Л. Н. О термине этнос / Л.Н. Гумилев. // Доклады отд. и комиссий Геогр. о-ва СССР. – Л., 1967. – Вып. 3: Этнография. – С. 3-17.
66. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства: монография. / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
67. Гутман Э. Религия в израильской политике: объединяющий и разделяющий фактор / Э.Гутман. // Политическая система Израиля. – Тель-Авив, 1976. – С. 188-401.
68. Давидсон Р. Пламя Яхве: монография. / Р. Давидсон. – М.: Эксмо, 2015. – 1008 с.
69. Даймонт М. Евреи, Бог и история: монография. / М. Даймонт. – М.: Мосты культуры, Гешарим, 2009. – 568 с.
70. Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: монография. / А. Дандес. – М.: Восточная литература, 2003. – 279 с.
71. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: монография. / Н.Я. Данилевский. – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 816 с.
72. Делез Ж. Различие и повторение: монография. / Ж. Делез. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
73. Денисюк Н. П. Формирование этнической идентичности в современных условиях / Н.П. Денисюк. // Вестник БДУ. – 2013. – Сер. 3 № 3. – С. 86-89.
74. Дейч Л. Невинноповешенные / Л. Дейч // Еврейская летопись. – Л. М., 1926. – С. 134-136.
75. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта: монография. / У. Джеймс. – М.: Наука, 1993. – 432 с.

76. Джонсон П. История евреев: монография. / П. Джонсон. – М.: Вече, 2000. – 672 с.
77. Добренъков, В. И. Методологические вопросы исследования религии: монография / В. И. Добренъков, А. А. Радугин. М.: Высш. шк., 1989. – 189 с.
78. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. / Ф.М. Достоевский. // Тайна Израиля. («Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX первой половины XX вв.). – СПб.: «София», 1993. – С. 7-29.
79. Дубнов С. М. Всеобщая история евреев: монография. / С.М. Дубнов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 576 с.
80. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии: монография. / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991. – 576 с.
81. Дятлов В. И. Евреи: диаспора и «торговый народ» / В.И. Дятлов. // Еврейский сборник. – Иркутск, 1996. – № 2. – С. 6-14.
82. Евреи // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1893. – Т. XI. – С. 426-466.
83. Еленевская М., Фиалкова Л. Встречи с Фемидой. Рассказы русскоязычных иммигрантов о судебном опыте в Израиле / М. Еленевская, Л. Фиалкова. // Русское лицо Израиля. Черты социального портрета. – М.: Мосты культуры, 2007. – С. 251-281.
84. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность: монография. / Б.С. Ерасов. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
85. Жаботинский В. Самсон. Назорей: монография. / В. Жаботинский. – М.: Текст, 2000. – 349 с.
86. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: дисс. ... докт. филос. н: 09.00.14. – Чита, 2011. – 372 с.
87. Зайцев П.Л. Идентичность в обществе переживаний / П.Л. Зайцев. // Персональный мониторинг: актуальность, критерии, технологии реализации: коллективная монография. – Омск, 2018. – С. 54-94.

88. Заринов И. Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) / И.Ю. Заринов. // Этнографическое обозрение, 2000. – № 2. – С. 3-18.
89. Зильберг Н. Русско-еврейская интеллигенция в Израиле: поиск новых моделей интеграции / Н. Зильберг. // Миграционные процессы и их влияние на израильское общество: сб. ст. – М.: ИИИи БВ, 2000. – С. 198-227.
90. Зиммель Г. Экскурс о чужаке / Г. Зиммель. // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». – М., 2008. – С. 7-13.
91. Зомбарт В. Буржуа: монография. / В. Зомбарт. – М., Наука, 1994. – 448 с.
92. Иванов Вяч. К идеологии еврейского вопроса / В. Иванов. // Собрание сочинений под редакцией Д. В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель, «Foyer Oriental chretien», 1979. – Т. III. – С. 308-310.
93. Ивановский А. А. Об антропологическом составе населения России. Труды антропологического отдела / А.А. Ивановский. // Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском Университете. – М., 1904. – Т. XXII. – С. 212-288.
94. Иерушалми Й. Еврейская история и еврейская память: диаспора./ Й. Иершалми. – М.; Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры, 2004. – С. 88-114.
95. Калтахчян С. Т. Исторические формы общности людей: монография. / С.Т. Калтахчян. – М.: Политиздат, 1966. – 56 с.
96. Кальмина Л. В. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX века 1917 год): монография. / Л.В. Кальмина. – Красноярск: Кларетинум, 2002. – 164 с.
97. Кандель Ф. Евреи России. Времена и события. История евреев Российской империи: монография. / Ф. Кандель. – М.: Литагент Гешарим, 2014. – 71 с.
98. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: монография. / А. Каппелер. – М.: Традиция - Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.

99. Кара-Мурза С. Г. Евреи и социализм: монография. / С.Г. Кара-Мурза. – М.: «Алгоритм», 2009. – 239 с.
100. Карсавин Л. П. Россия и евреи / Л.П. Карсавин. // Тайна Израиля. («Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX первой половины XX вв.). – СПб.: «София», 1993. – С. 407-431.
101. Каутский К. Еврейство и раса. Статьи по вопросам национальности: монография. / К. Каутский. – М., URSS , 2012. – 272 с.
102. Кастельс М. М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: монография. / М.М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
103. Каштанюк В. А. Социокультурная адаптация евреев еврейской автономной области в Израиле и их реэмиграция на рубеже XX-XXI вв.: автореф. дисс. канд. ист. н.: 07.00.07. / В.А. Каштанюк. – Улан-Удэ, 2012. – 22 с.
104. Кевин М. Д. Культура критики. Системный анализ еврейского участия в интеллектуальных и политических движениях двадцатого столетия: монография. / М.Д. Кевин. – Лондон: Прэгер, 1998. – 417 с.
105. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. / А.Ф. Керенский. – М.: Республика, 1993. – 384 с.
106. Клиер Д. Россия собирает своих евреев: монография. / Клиер Д. – М.: Мосты культуры, 2000. – 352 с.
107. Ключева В. П. Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII — начало XX в.) / В.П. Ключева. //«Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...». Из истории еврейской общины в Тюмени. – Тюмень, 2004. – С. 5-27.
108. Копыл А., Тригуб А. Деятельность сионистских политических партий на юге Украины в 1920-е годы / А. Копыл, А. Тригуб // Проблемы еврейской истории. Материалы научной конференций центра «Сефер». М, 2007. – С. 277-283.
109. Копылкова Е. А. Анекдот, как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов): дисс. канд. псих. н.: 19.00.05. / Е.А. Копылкова. – М., 2006. – 202 с.

110. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность / В.В. Кочеткова. // Вестник Московского университета. – 2012. – № 2. Сер. 18. – С. 154-157.
111. Кравцов Г. Г. Мир «еврейская община города Читы». / Г.Г. Кравцов. – Чита, Экспресс-Издательство, 2011. – 160 с.
112. Крылов А. Н. Эволюция идентичностей: кризис индустриального общества и новое самосознание индивида: монография./ А.Н. Крылов. – М.: Издательство НИБ, 2014. – 272 с.
113. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок: монография. / Ч. Кули. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.
114. Курас Л. В. Еврейская эмиграция евреев из Сибири в Харбин в первой половине XX века / Л.В. Курас. // Некоторые проблемы истории евреев Сибири в XIX–XX веках. – Красноярск : Кларетианум, 2004. – 157 с.
115. Кьеркегор С. Страх и трепет: монография. / С. Кьеркегор. – М.: Республика, 1993. – 103 с.
116. Лебедева Н. М. Ценности и отношение к инновациям: межкультурные различия / Н.М. Лебедева. // Психологический журнал. – 2009. – № 6. – С. 81-92.
117. Леванда Л. К вопросу о евреях в Западном крае / Л. Леванда. // Виленский вестник, 1866 №№ 20, 26 и 27). – Вильна: Тип. А. Сыркина, 1866. – С. 11-23.
118. Леви-Строс К. Предметная область антропологии / Путь масок: монография. / К. Леви-Строс. – М.: Республика, 2000. – С. 357-383.
119. Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ): монография. / З.И. Левин. – М.: ИВ РАН - Крафт+, 2001. – 176 с.
120. Лейтман С. М. Жернова: монография. / С.М. Лейтман. – М.: ЭРА, 2001. – 268 с.
121. Ленин В. И. К еврейским рабочим. Предисловие к брошюре «Извещение о III съезде РСДРП» / В.И. Ленин. // Полн. Собр. Соч. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 10. – С. 266 -269.
122. Лесков Н. Непитущая вера: фрагмент очерка «Еврей в России»/ Н. Леской // Родина. – 2002. – № 4-5. – С. 87-90.

123. Лилиенблум М. Л. О возрождении еврейского народа на Св. земле его древних отцов: монография. / М.Л. Лилиенблум. – М.: "Русская" типо-лит., 1886. – 64 с.
124. Лисица С. Индекс интеграции иммигрантов / С. Лисица // Русское лицо Израиля. Черты социального портрета. – М.: Мосты культуры, 2007. – С. 141-165.
125. Лозинский С. Г. Антисемитизм в России в XIX веке / С.Г. Лозинский. // Социальные корни антисемитизма в Средние века и Новое время. – М.: Атеист, 1929. – 209 с.
126. Локк Дж. Сочинения. Опыт о человеческом разумении: монография. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1985. – Т.1. – 623 с.
127. Локшин А. Е. Современная зарубежная историография российского еврейства XVIII - нач. XX вв. Взгляд из России / А.Е. Локшин. // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск -Улан-Удэ, 2002. – № 10. – С. 3-9.
128. Лосев А. Ф. Диалектика мифа: монография. / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 2001. – 561 с.
129. Лотман Ю. М. Семиосфера: монография. / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство СПб, 2001. – 704 с.
130. Лурье С. В. Историческая этнология: монография. / С. В. Лурье. – М., Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
131. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии: монография./ К. Лэш. – М.: Логос, Прогресс. – 2002. – 224 с.
132. Майкл М. Конструирование идентичностей: социальные, внечеловеческие и трансформирующие факторы/ М. Майкл // Социальные и гуманитарные науки, 1999. – С. 88-102.
133. Мак Дональд К. Культура критики. Эволюционный анализ еврейского участия в интеллектуальных и политических движениях двадцатого столетия: монография. / К. Мак Дональд. – Лондон: Прэджер, 1995. – 417 с.
134. Макаренко Е. Ю. Религия как фактор групповой самоидентификации в Израиле: монография. / Е.Ю. Макаренко. – М., ПОЛИТЭКС. 2008. – Том 4. № 3. – С. 259-269.

135. Малиновский Б. Магия. Наука. Религия: монография. / Б. Малиновский. – М.: Рефл-бук, 1998. – 288 с.
136. Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. – Москва, 2005. – 305 с.
137. Марголин С. О. К еврейскому вопросу: монография./ С.О. Марголин. – СПб.: Книжки Восхода, 1905. – № 4. – С. 86-105.
138. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Из ранних произведений: монография./ К. Маркс. – М.: Политиздат, 1956. – С. 519-594.
139. Маркс К. О религии и борьбе с нею: монография / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1975. – Т. I. – 396 с.
140. Мелвилл Г. Израиль Поттер: монография. / Г. Мелвилл. – М.: Художественная литература, 1966. – 304 с.
141. Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли: монография./ Д.И. Менделеев. – М., Эксмо, 2008. – 712 с.
142. Мережковский Д. С. Еврейский вопрос как русский // Тайна Израиля («Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX первой половины XX вв.). / Д.С. Мережковский. – СПб.: София, 1993. – С. 301-303.
143. Мид М. Культура и мир детства: монография./ М. Мид. – М., Наука, 1988. – 323 с.
144. Мид Дж. Г. Избранное: монография. / М. Мид. – М.: РАН. ИНИОН, 2009. – 290 с.
145. Милитарёв А.Ю. Идентичность и судьбы еврейской диаспоры в России / А.Ю. Милитарев. // Диаспоры / Diasporas. – М., 2002. – № 4. – С. 138-152.
146. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства./ Б.Н. Миронов. – СПб., 2003. – В 2 т. – 548 + 583 с.
147. Мнацаканян М. О. Культуры. Этносы. Нации: Размышления об истоках и природе национальной общности: монография. / М. О. Мнацаканян. – М.: МГИМО, Университет, 2005. – 352 с.

148. Морозова Е. В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа / Е.В. Морозова. // Человек. Сообщество. Управление, 2012. – № 1. – С. 60-66.
149. Мочалова В. Еврейская идея в цивилизации: тест и контекст / В. Мочалова. // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2-3. – М.: Дом еврейской книги, 2003. – С.566-570.
150. Мутерперель С. Проблемы еврейской идентичности в современной американской науке/ С. Мутерперель. // Материалы Девятой ежегодной междисциплинарной конференции по иудаике. – М.: Сэфер, 2002. – Ч. 2. – С. 135-154.
151. Мчедлов М. П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межкультурных контактах/ М.П. Мчедлов // Социологические исследования. – 2006. – № 10. – С.33-40.
152. Мучник Ю. М. Из истории еврейской диаспоры в Томске // Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – XX вв.)/ Ю.М. Мучник. – Красноярск, 2001. – С. 12-52.
153. Мыш М. И. Руководство к русским законам о евреях. / М.И. Мыш. – СПб.: Тип. А. Бенке, 1914. – 652 с.
154. Мюллер М. Введение в науку о религии / М. Мюллер. // Классики мирового религиоведения. – М., 1996. – С. 36-37.
155. Нам И. В., Наумова Н. И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.): монография. / И.В. Нам, Н.И. Наумова. – Красноярск, 2003. – 240 с.
156. Нейман И. Как прикрепили сибирских евреев к местам их приписки (1885-1893) / И. Нейман. // Еврейская старина. – 1915. – Вып. III-IV. – С. 381-385.
157. Нижник М. Между двумя мирами: дилеммы идентичности «русских» подростков в Израиле / М. Нижник // Диаспоры. – М., 2004. – № 2. – С. 6-30.
158. Нитобург Э. Л. Евреи в Америке на исходе XX в: монография. / Э.Л. Нитобург. – М., Чоро, 1996. – 128 с.

159. Нойбергер Б. Власть и политика в Государстве Израиль. Исторические корни и конституционное устройство: монография. / Б. Нойбергер. – Тель-Авив: Изд-во Открытого университета, 1997. – 221 с.
160. Нордау М. Вырождение: монография. / М. Нордау. – М.: Республика, 1995. – 400 с.
161. Носенко-Штейн Е. А. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: дисс. докт. ист. н.: 07.00.07. / Е.А. Носенко-Штейн. – М., 2005. – 546 с.
162. Орехова Н. А. Еврейский погром в Красноярске в 1916 г./ Н.А. Орехова. // Еврейские общины в Сибири и Дальнего Востока. – Вып. 6. – Красноярск, 2001. – С. 51-60.
163. Оршанский И. Г. Евреи в России. Очерки экономического быта русских евреев: монография./ И.Г. Оршанский. – СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1877. – 444 с.
164. Островская Е. А. Религиозное «еврейство»: опыт биографического нарратива в закрытой группе / Е.А. Островская // Социологические исследования. 2016. – № 2. – С. 110-118
165. Островский Ю. Сибирские евреи: Очерк правового, экономического и культурного положения. / Ю. Островский. – СПб., тип. И. Лурье и К°, 1911. – 62 с.
166. Перепелкин Л. С., Стэльмах В. Г. Человек верующий: религия и идентичность /Л.С. Перепелкин, В.Г. Стэльмах // Вопросы социальной теории, 2010. – Т. IV. – С. 373 -395.
167. Пилкингтон С. М. Иудаизм: монография./ С.М. Пилкингтон. – М.: ФАИР-Пресс, Информпресс, 1999. – 400 с.
168. Поляков Л. История антисемитизма: монография. / Л. Поляков. – М., Gesharim, 1997. – 1086 с.
169. Поршневу Б. Ф. История и психология. Сб. статей. М.: Наука, 1971. – С. 12-14.
170. Прейгер Д., Телушкин Дж. Почему евреи? О причинах антисемитизма: монография. / Д. Прейгер, Дж. Телушкин. – Лос-Анжелес: Published by Almanac Press Inc, 1992. – 204 с.

171. Прибыловский В. В. Партии, движения, союзы России с религиозными приоритетами. Документы и тексты. / В. В. Прибыловский, С. И. Иваненко, В. М. Савельев. М: ООО Панорама, 1993. – 136 с.
172. Пронина С. Г. Типология религиозной идентичности: аналитика религиозности современного российского общества: автореф. дисс. докт. филос. н.: 09.00.14. / С.Г. Пронина. – СПб., 2015. – 39 с.
173. Прот. Александр Мень. Возможно ли иудеохристианство? / А. Мень // Континент. – 1998. – № 95. – С. 255-268.
174. Прохожев А. А. Теневой народ (К истории евреев в России): монография. / А.А. Прохожев. – М., Полиграф-сервис, 2002. – 309 с.
175. Пьянко И. С., Щербина Е. Н. К проблеме становления этнической идентичности растущей личности / И.С. Пьянко, Е.Н. Щербина // Гуманитарные и социальные науки, 2016. – № 6. – С. 261-265.
176. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв: монография. / Г.Х. Рабинович. – Томск: Изд-во ТГУ, 1975. – 328 с.
177. Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: наброски к портрету. / В. Рабинович. // Диаспоры. Независимый научный журнал. – М., 1999. – №1. – С.77- 103.
178. Ренан Э. Жизнь Иисуса: монография. / Э. Ренан. – СПб., издание М.В. Пирожкова, 1906. – 413 с.
179. Ременник Л. Между старой и новой родиной. Русская алия 90-х гг. в Израиле / Л. Ременник. // Диаспоры. – М., 2000. – № 3. – С. 116-136.
180. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности: монография. / Х. Ремшмидт. – М.: Мир, 1994. – 320 с.
181. Рикёр П. Я-сам как другой: монография. / П. Рикер. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
182. Розанов В. В. Юдаизм. / В.В. Розанов. // Тайна Израиля. – СПб., 1993. – С. 103-227.

183. Романова В. В. Евреи на Дальнем Востоке России (II пол. XIX в. — I четв. XX в.): монография. / В.В. Розанов. — Хабаровск: изд-во ХГПУ, 2002. — 256 с.
184. Российский сионизм: история и культура: материалы науч. конф. Сб. / Еврейское агентство в России. — М. : Дом еврейской кн., 2002. — 327 с.
185. Рубинчик В. Русскоязычные иммигранты в Израиле 90-х гг.: иллюзии, действительность, протест/ В. Рубинчик. // Диаспоры. — 2014. — № 2. — С. 39-56.
186. Руссо Ж.Ж. Исповедь: монография. / Ж.Ж. Руссо. — М. Эксмо, 2011. — 765 с.
187. Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях: монография. / Ч. Рууд, С. Степанов. — М., Мысль, 1993. — 432 с.
188. Савиных М. Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX - начале XX вв.: монография. / М.Н. Савиных.— Омск, Омскбланкиздат, 2004. — 162 с.
189. Селянинов А. Евреи в России: монография. / А. Селянинов. — М., Витязь, 1998. — 144 с.
190. Силантьева М. В. Религия и политика как предмет философской рефлексии (Стефано Мариа Капилупи) / М.В. Силантьева // Известия Иркутского государственного университета, 2015. — (13). — С. 135-140.
191. Собкин В. С., Грачева А. М. К психологии еврейской идентичности / В.С. Собкин, А.М. Грачева // Этнос, идентичность, образование. — М.: Российская Академия образования, 1998. — С. 105-141.
192. Соловьев В. С. Еврейство и христианский вопрос / В.С. Соловьев. // Соловьев В. С. Соч. в двух томах. — М.: Правда, 1989. — Т. 1. — С. 206 -258.
193. Соломон Е. Ш. К истории сионистской организации г. Иркутска / Е.Ш. Соломон. // Сиб. еврейский сборник. — Иркутск, 1996. — Вып. 2. — С. 79-89.
194. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество: монография. / П.А. Сорокин. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
195. Сталин И. Сочинения: монография. / И. Сталин. — М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. — Т. XI. — С. 269–281.

196. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: монография. / Т.Г. Стефаненко. – М.: РАН, 1999. – С. 135-147.
197. Тайлор Э. Первобытная культура: монография. / Э. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
198. Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874 – 1894 гг.): монография. – Е.Н. Тарновский. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1899. – 432 с.
199. Тихонов Т. И. Сибирские евреи, их права и нужды / Т.И. Тихонов. // Сибирские вопросы. – 1905. – № 1. – С. 279-296.
200. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии: монография. / В.А. Тишков. – М.: Наука., 2003. – 544 с.
201. Тойнби А. Дж. Постыжение истории: монография./ А. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
202. Тюменев А. И. Евреи в древности и в средние века: монография./ А.И. Тюменев. – Пг., Государственное издательство, 1922. – 395 с.
203. Федотов Г. П. О национальном покаянии / Г.П. Федотов. // Русская идея и евреи. Сб. статей. – М.: Наука, 1994. – С. 8-15.
204. Федотов Г. П. Новое на старую тему (К современной постановке еврейского вопроса)/ Г.П. Федотов // Новый журнал. Нью-Йорк. – 1942. – № 1. – С. 275-286.
205. Фейербах Л. Сущность религии / Л. Фейербах // Избранные философские произведения. – М.: ГИЗ политической литературы, 1955. – Т. I. – 676 с.
206. Фельдман Д. З. О роли выкрестов в следствии и суде над патриархом Никоном (по материалам РГАДА) / Д.З. Фельдман. // Памяти Лукичева. – М., 2006. – С. 466-482.
207. Фишман Д., Высоцки Б. От Авраама до современности. / Д. Фишман, Б. Высоцки. – М.: РГГУ, 2002. – 400 с.
208. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. – Тбилиси, 1991. Кн. 1. 1991. – С. 71-138.

209. Фрейдзон В. Нация до национального государства: историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в.- начала XX в./ В. Фрейдзон. – М.: Феникс, 1999. – 94 с.
210. Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете: монография. / Дж. Фрэзер. – М.: АСТ; Ермак, 2003. – 542 с.
211. Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия: монография. / Х.С. Чемберлен. – СПб., Русский миръ, 2012. – Т. 1. – 688 с.
212. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: монография. / С. Хантингтон. – М: АСТ, 2003. – 603 с.
213. Хеймец Н. Демифологизация «возрождения иврита» / Н. Хеймец, Ш. Копелиович, А. Эпштейн // Общество и политика современного Израиля. – Москва/Иерусалим: Мосты культуры, 2002. – С . 48-67.
214. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // Вопросы философии. – М., 1994. – № 10. – С. 112-123.
215. Хотинец В. Ю. Формирование этнического самосознания студентов в процессе обучения в вузе / В.Ю. Хотинец // Вопросы психологии, 1988. – № 3. – С. 31-43.
216. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. Нации и национализм: монография. / М. Хрох, Б. Андерсон, О. Бауэр и др. – М.: Праксис, 2002. – С. 124.
217. Черепанова М. И. Эволюция понятия «этническая идентичность» в современном социальном знании / М.И. Черепанова. // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – Барнаул, 2015. – С. 13-18.
218. Членов М.А. Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) / М.А. Членов // Диаспоры. – М., 1999. – № 1. – С. 34-56.
219. Шафаревич И. Р. Трехтысячелетняя загадка: монография. / И.Р. Шафаревич. – СПб: Библиополис», 2002. – 366 с.
220. Шелер М. Избранные произведения. / М. Шелер. – М. Гнозис, 1994. – 416 с.

221. Шелофаст Э. В. Еврейская общественность Восточного Забайкалья в период революций 1917 года / Э.В. Шелофаст // Молодая наука Забайкалья-2007. Чита, 2007. – С. 134-143.
222. Шиллз Э. Общество и общества: макросоциологический подход / Э.Шиллз // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 341-359.
223. Шиловский М. В. Черносотенно-монархическое движение в Сибири начала XX в. / М.В. Шиловский // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1999. – С. 20-25.
224. Шлейермахер Ф. Д. Речи о религии к образованным людям, её прези-
рающим. Монологи. / Ф.Д. Шлейермахер. – СПб.: Алетейя, 1994. – 336 с.
225. Шнеер А. И. Евреи в Красной армии в годы Гражданской войны 1918-
1922 гг./ А.И. Шнеер // Плен. – Гешарим, Мосты культуры, 2005. – Т. 2. – 620 с.
226. Штейнзальц А. Введение в Талмуд: монография. / А. Штейнзальц. – М.:
Израильский институт талмудических публикаций, 1996. – 382 с.
227. Штереншис М. Евреи: история нации: монография. / М. Штереншис. –
Герцлия: Исрадон, 2008. – 560 с.
228. Шюц А. Аспекты социального мира / А. Шюц // Смысловая структура
повседневности мира: очерки по феноменологической социологии. – М.: Инст-т
фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
229. Щербаков Н. Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири
(1907 – 1917 гг.)/ Н.Н. Щербаков. // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. –
февраль 1917 г.). – Иркутск, 1973. – Вып. 1. – С. 199-242.
230. Шнирельман В. Хазарский миф: идеология политического радикализма
в России и её истоки: монография./ В. Шнирельман. М.: Мосты культуры, 2012. –
312 с.
231. Элиаде М. Аспекты мифа: монография. / М. Элиаде. – М.: Инвест-
ППП, 1996. – 240 с.

232. Элькинд А. Д. Евреи. Сравнительно антропологическое исследование, преимущественно по наблюдениям над польскими евреями / А.Д. Элькинд // Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском Университете. – М., 1903. – Т. CIV. – 206 с.

233. Эльяшевич Д. А. Источниковедение истории евреев в России (к постановке вопроса)/ Д.А. Эльяшевич // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. – СПб., 1993. – С. 27-53.

234. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: монография./ Э.Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

235. Эттингер Ш. История еврейского народа: монография. / Ш. Эттингер. – Гешарим: Мосты культуры, 2001. – 688 с.

236. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов: монография. / К.Г. Юнг. – М.: Совершенство, 1997. – 384 с.

237. Юхнёва Н. В. Русские евреи как новый субэтнос / Н.В. Юхнева // Ab Imperio. Казань, 2003. – № 4. – С.475-496.

238. Яблоков И. Н. Социология религии: теоретические аспекты. / И.Н. Яблоков. – М.: МАКСПресс, 2014. – 260 с.

239. Якобсон В. Письмо к ученому соседу / В. Якобсон // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2-3. – М.: Дом еврейской книги, 2003. – С.613-625.

Литература на иностранном языке:

240. Aquinas T. Letter on the Treatment of Jews (1271) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ccjr.us/dialogika-resources/primary-texts-from-the-history-of-the-relationship/268-aquinas> (дата обращения: 23.04.2018).

241. Arnow D. Toward a psychology of Jewish Identity. A Multidimensional Approach // Journal of Communal Service. – 1994. – Vol.71. – P.29-36.

242. Badi J. Fundamental Laws Of The State Of Israel: monograph. – N.Y: Hill And Wang, 1960. – P. 156.

243. Baron S. W. *Social and Religious History of the Jews*: monograph. – N.Y.: Morningside Heights, 1937. – 408 p.
244. Barth F. *Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries»*. – Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. – P. 11-32.
245. Barth F. *Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Universitets Forlaget: Bergen-Oslo; George Allen & Unwin: – London, 1969. – P. 9-38.
246. Batsheva B-T. *Human Genetics. Part B: Medical Aspects // The Quarterly Review of Biology*, 1983. – № 58, no. 4. – Pp. 559-560.
247. Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization. Politics, traditions and aesthetics in the modern social order*: monograph. – Stanford: Stanford University Press. – 1994. – 340 p.
248. Bellah R. *Civil Religion in America // Deadalus*. – 1967. – Vol. 96. № 1. – P. 1-21.
249. Ben-Gurion D. *My Talks with Arab Leaders*: monograph. – Jerusalem: Keter, 1972. – 342 p.
250. Ben-Rafael E. *Language, Identity, and Social Division. The Case of Israel*. – Oxford: Clarendon, Oxford University Press, 1994. – 289 p
251. Berman L.A. *Jews and Intermarriage. Summary, Conclusions, Discussions // The Blending American. Patterns of intermarriage / Ed. M.L. Barron*. – Chicago; N.Y.: Quadrangle Books, 1972. – P. 245-285.
252. Birnbaum N. *Die Nationale Wiedergeburt des Jüdischen Volkes in Seinem Lande*, Vienna: monograph. – Reinhold-Verlag, 1893. – 175 s.
253. Brubaker R., Cooper F. *Beyond «Identity» // Theory and Society*. – 2000. – Vol. 29. – P. 14-35.
254. Buber M. *Der Jude und sein Judentum. Ergänzungsband zur dreibändigen Werkausgabe*: monograph. – Köln, Melzer, 1963. – 837 S.

255. Cassirer E. *The Myth of the State*: monograph. – New Haven-L.: Yale Univ. Press, 1966. – P. 296.
256. Chazan R. *Medieval Jewry in Northern France: A Political and Social History*: monograph. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1973. – 238 p.
257. Charne S. Z. *Varieties of Authenticity in Contemporary Jewish Identity // Jewish Social Studies. History, Culture and Society*. – Bloomington, 2000. – V. 6. No 2. – P. 133-155.
258. Cohen S. M. *Response to Bruce Philips. Sociological Analysis of Jewish Identity // Jewish Identity in America*. – Los Angeles, University of Judaism, 1991. – P. 27-29.
259. Corcos A. F. *The Myth of the Jewish Race: A Biologist's Point of View*: monograph. – Cranbury, Lehigh University Press, 2005. – 176 p.
260. Dizraeli B. *Tancred: Or the New Crusade*: monograph. – NY, London, M. Walter Dunne, 1852. – Pp. 498-499.
261. Falk R. *Zionism and the Biology of Jews*: monograph. – New York: Springer, 2017. – 246 p.
262. Gans H. J. *Symbolic Ethnicity and Symbolic Religiosity: Towards a Comparison of Ethnic and Religious Acculturation // Ethnic and Racial Studies*, 1994. – V. 17 (4). – P. 577-592.
263. Feingold H. *The American Components of Jewish Identity II Jewish Identity in America* / Ed. by Gordis D.M., Ben-Horin Y. *The Susan and David Wikstein Institute of Jewish Policy Studies*. – Los Angeles, University of Judaism, 1991. – P. 69-80.
264. Frenkel J. *Prophecy and politics: Socialism, Nationalism and the Russian Jews, 1962–1917*: monograph. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. – 712 p.
265. Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*: monograph. – NY, Campus, 1973. – P. 268-309.
266. Geffen R.M. *Intermarriages and the Premise of American Jewish Life // American Jewish Congress*. – Monthly, 2001. March/April. – P. 6-8.

267. Gitelman Z. The Decline of the Diaspora Jewish Nation: Boundaries, Content and Jewish Identity // *Jewish Social Studies*, 1998. – Winter. Vol. 4. No. 2. – P. 112-132.
268. Glenn S. A., Sokoloff N. B. Boundaries of Jewish identity: monograph. – Seattle: University of Washington Press, 2010. – 249 p.
269. Goldenberg R. The Origins of Judaism: From Canaan to the Rise of Islam: monograph. – Cambridge, 2007. – 313 p.
270. Goldstein S. Profile of American Jewry: Inscript from the 1990 National Jewish Population Survey // *American Jewish Year Book*, 1992. – N 2. – P. 77-163.
271. Gordon M. Assimilation in American Life: monograph. – N.Y.: Oxford University Press, 1964. – 276 p.
272. Gorny Y. The State of Israel in Jewish Public Thought: The Quest for Collective Identity: monograph. – New York University Press, 1994. – 279 p.
273. Gordis D. Does World Need the Jews? Rethinking, Chosenness and American Jewish Identity: monograph. – N.Y.: Scribner, 1997. – P. 17-18.
274. Epstein M.M. Jewish Visuality: Myths of Aniconism and Realities of Creativity // *Conversations - The Journal of the Institute for Jewish Ideas and Ideals*, 2011. – №9. – Pp. 43 - 51.
275. Eisenstadt S.N. Jewish Civilisation. Jewish Historical Experience in a Historical Perspective: monograph. – Albany: State University of New York Press, 1992. – P. 141-152.
276. Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations And Multiple Modernities: monograph. – Daedalus: Winter, 2000. – 129 p.
277. Ethnic Identity / Ed. by de Vos G., Romanucci-Ross L. – Chicago: Quadrangle Books, 1982. – 395 p.
278. Hall S. The Question of Cultural Identity / J.V. Deth, E. Scarbrough. The Impact of Values. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. – P. 119-125.
279. Hart M. B. Science and the Politics of Modern Jewish Identity: monograph. – Stanford (CA): Stanford University Press, 2000. – 340 p.

280. Heilman S C. Portrait of American Jews: The last half of the 20th century: monograph. – San Francisco: Institute for Jewish and Community Research, 1995. – 190 p.
281. Heine H. Der Rabbi von Bacharach: monograph. – Berlin: Cuphoriön Verlag, 1921. – 90 p.
282. Herberg W. Protestant, Catholic, Jew. Garden City: monograph. – N.Y. : Anchor Books 1960. – 309 p.
283. Herz F., Rosen E. Jewish Families // Ethnicity and Family Therapy / Ed. M. Mc Goldrick et al. – N.Y.: The Guilford Press, 1982. – P. 364-392.
284. Hilberg R. Holocaust. Encarta Encyclopedia. Barnes Review: monograph. – New York: Shöcken Books, 1996. – P. 142.
285. Himmelfarb H. S. Research on American Jewish Identity and Identification: Progress, Pitfalls and Prospects // Understanding American Jewry / Ed. M. Sklare. – New Brunswick; L.: Transition Book, 1982. – P. 57-95.
286. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition: monograph. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 320 p.
287. Hoffman J. E., Fisherman H. Language shift and language maintenance in Israel // J.A. Fishman (ed). Advances in the Sociology of Language. – Mouton, The Hague, 1972. – Vol. 2. – Pp. 342-364.
288. Horowitz T. Children of Perestroika in Israel: monograph. – Lanham; NY; Oxford: University Press of America, 1999. – 227 p.
289. Hugo R. The Hitler Diaries: monograph. – NY: Morrow, 1983. – 279 p.
290. Hurwitz N. Sources of middle-class values of American Jews // Social Forces. – 1958. – №37 (2). – P. 117-123.
291. Jews on the Move: monograph / Eds. S. Goldstein, A. Goldstein. – Albany: State University of New York Press, 1996. – P. 203-319.
292. Johnson P. A History of the Jews: monograph. – NY: Perennial Library, 1988. – Pp. 291-292.
293. Kaplan M. Judaism as Civilization // Contemporary Jewish Thought. A Reader / Ed. By Noveck S. Reconstructionism Press: Washington, 1963. – Pp. 253-279.

294. Kardiner A., Linton R. *The Individual and His Society*: monograph. – N. Y.: Columbia University Press, 1939. – 503 p.
295. Kirsh N. *Population Genetics in Israel in the 1950s: The Unconscious Internalization of Ideology* // *Journal of the History of Science*, 2003. – Isis 94, no. 4. – Pp. 55–631.
296. Klier J. D. *Russians, Jews, and the Pogroms of 1881-1882*: monograph. – Cambridge: Cambridge University Press 2011. – 492 pp.
297. Kohn H. *Nationalism: Its Meaning and History*: monograph. – Malabar, Florida, E. Krieger Publishing company, 1955. – 192 p.
298. Lisak D., Miller, P. M., *Repeat rape and multiple offending among undetected rapists* // *Violence & Victims*. – 2002. – 17 (1). – Pp. 73-84.
299. Liebman Ch. S. *The Ambivalent American Jew. Politics, Religion and Family in American Jewish life*: monograph. – Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1973. – P. 21-23.
300. Liebman C., Don-Yehiya E. *Civil Religion in Israel*: monograph. – Berkeley: University of California Press, 1983. – 308 p.
301. Liebman C. S., Katz E. *The Jewishness of Israelis*: monograph. – NY: State University of New York Press, 1997. – 188 p.
302. London P., Chazan B. *Psychology and Jewish Identity Education*: monograph. – N.Y. : American Jewish Committee, 1990. – Pp. 23-140.
303. London P., Hirshfeld A. *The Psychology of Identity Formation* // *Jewish Identity in America*. – Los Angeles: University of Judaism, 1991. – Pp. 31-49.
304. Luther M. L. *The Jews And Their Lies*: monograph. – Chicago: Christian Press, 1962. – 290 p.
305. Markowitz F. *If a Platypus Is Both a Reptile and a Mammal, Can a Person Be Both a Russian and a Jew? Post-Soviet Teenagers' Contraction of Russian Jewish Identity* // *East European Jewish Affairs*. – Vol. 26. 2. – Winter 1996. – P. 27-40.
306. Marr W. *The Victory of Judaism over Germanism. Viewed from a Nonreligious Point of View*. – Bern: Rudolph Costenoble, 1879. – 37 p.

307. McKay J. An Exploratory Synthesis of Primordial and Mobilizationist Approaches to Ethnic Phenomena // *Ethnic and Racial Studies*, 1982. – V. 5 (4). – P. 395-420.
308. Meyer M. A. *Jewish Identity in the Modern World: monograph.* – Seattle: University of Washington Press, 1990. – 110 p.
309. Milton J. *A Brief History of Moscovia // The prose works of John Milton.* – London, 1853. – Vol. V. – P. 394-432.
310. *Modern Jewish Identities // Jewish Identities in the New Europe / Ed. J.L. Webber.* – Washington: Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies; Littman Library of Jewish Civilization, 1994. – P. 74-75.
311. Mourant, A. E., A. C. Kopec, K. Domaniewska-Sobczak. *The Genetics of the Jews: monograph.* – Oxford, England: Clarendon Press, 1978. – 122 p.
312. Neuman A. A. *The Jews in Spain: Their Political and Cultural Life During the Middle Ages: monograph.* – NY: Octagon Books, 1969. – Vols. I and II. – 317 p.
313. Olzak S., Nagel J. *Introduction, Competitive Ethnic Relations: An Overview // Olzak S., Nagel J. (eds.). Competitive Ethnic Relations.* – FL: Academic Press, Inc: Orlando, 1986. – P. 1-14.
314. Parsons T. *The Social System: monograph.* – Glencoe: Free Press, 1951. – 196 p.
315. Patai R., Patai W. J. *The Myth of the Jewish race: monograph.* – New-York: Scribner, 1975. – 350 p.
316. Philips B. A. *Sociological Analysis of Jewish Identity // Jewish Identity in America*, 1991. – P. 19-41.
317. Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community: monograph.* – NY: Simon and Schuster, 2000. – 544 p.
318. Rokach L. *Israel's Sacred Terrorism: monograph.* – Belmont, Mass: Assoc. Arab American University Grads, 1980. – 251p.
319. Rosen E. J., Weltman S. F. *Jewish Families: An Overview // Ethnicity and Family Therapy.* – N.Y.: Guilford Press, 1996. – P. 611-630.

320. Roth C. A History of the Jews in England: monograph. – Oxford: The Clarendon Press, 1978. – 347 p.
321. Rothman S. , Lichter R. The Roots of Radicalism: Jews, Christians, and the New Left: monograph. – New York: Oxford University Press, 1982. – 120 p.
322. Salaman R. N. The History and Social Influence of the Potato: monograph. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 688 p.
323. Sarna J. D. Jewish Identity in the Challenging World of American Religion // Jewish Identity in America / Eds. D.M. Gordis, Y. Ben-Horin. Los Angeles: The Susan and David Wikstein Institute of Jewish Policy Studies. – University of Judaism, 1991. – P. 93-95.
324. Shahak I., Mezvinsky N. Jewish Fundamentalism in Israel: monograph. – London, Pluto Press, 1999. – 176 p.
325. Shapiro H. L. The Jewish People: A Biological History: monograph. – Paris: UNESCO, 1960. – 84 p.
326. Smith A. D. The Ethnic Sources of Nationalism // Ethnic Conflict and International Security// Ed. By M.E. Brown. – Princeton, 1993. – 365 p.
327. Smooha S. Israel: Pluralism and Conflict: monograph. – London, Routledge and Kegan Paul, 1978. – Pp. 49-69.
328. Steans J. Gender and International Relations: monograph: An Introduction. – Cambridge, UK: Polity Press, 1998. – P 6.
329. Taifel H. Social identity and intergroup relations: monograph. – Cambridge: Paris, 2002. – Pp. 144-167.
330. Yakobson A, Rubinstein A. Israel and the Family of Nations: The Jewish Nation-State and Human Right: monograph. – London, NY: Routledge, 2008. – 246 p.
331. Van den Haag E. The Jewish Mystique: monograph. – NY, Stein and Day, 1969. – 252 p.
332. Van der Leeuw G. Phänomenologie der Religion. – Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1970. – 808 s.
333. Waxman C. The Emancipation, The Enlightenment, And The Demography Of American Jewry // Judaism, 1989. – Vol. 38. – P.488-501.

334. Weingrod A. Studies in Israeli Ethnicity after the Ingathering. – N.Y., L.: Greenwood Press, 1985. – P. 179-199.

335. Weinryb B. D. The Jews of Poland: A Social and Economic History of the Jewish Community in Poland from 1100 to 1800: monograph. – Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1973. – 424 p.

336. Wodak R., Cillia R. de, Reisingl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity: monograph. – Edinburg: Edinburg University Press, 1999. – 224 p.

337. Woocher J. S. Sacred Survival: The Civil Religion of American Jews: monograph. – Indianapolis: Indiana University Press, 1986. – Pp. 140-146.

Список интернет источников и документов:

1. Альтшулер М. Евреи СНГ на пороге третьего тысячелетия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/16/alt/altshuler-4.html> (дата обращения: 10.05.2018).

2. Анурин В. Ф. Религия как фактор социальной интеграции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsoc-man.hse.ru/data/2013/06/05/1251218793/Anurin.pdf> (дата обращения: 20.03. 2018).

1. Бен-Цви И. К истории рабочего сионизма: Бер Борохов... [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/m/muchnik_a_m/polit-11.shtml (дата обращения: 06.05.2018).

2. В семье единой, дружной. Еврейская автономная область / ред. М. П. Белов. Хабаровск : Кн. изд-во, 1968. 132 с.

3. Винокур А. Евреи – похожие и разные [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://piratuu.h14.ru/artikle/567-56.html> (дата обращения: 10.04. 2018).

4. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Принята 33-ей сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bioethics.ru/_Images/Catalog/137-1-33.pdf (дата обращения: 23.03.2018).

5. Гитлеровский геноцид и еврейская идентичность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/2364/index-243403.html> (дата обращения: 12.05.2018).
6. Государство, религия и еврейская идентичность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://madan.org.il/ru/news/gosudarstvo-religiya-i-evreyskaya-identichnost> (дата обращения: 30.06.2016).
7. Дюк Д. Еврейский вопрос глазами американца [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.danilov.lg.ua/author/5696/ebook/16652/dyuk_devid/evreyskiy_vopros_glazami_amerikantsa/read (дата обращения: 11.05.2018).
8. Еврейская идентичность в диаспоре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://amhaares.wordpress.com/2015/07/13/jewish-identity-in-the-diaspora/> (дата обращения: 18.04.2018).
9. Еврейская питейная торговля в России // Статистический временник Российской империи / сост. В. Аленицин. СПб., 1886. Вып. 9. Сер. III. С. 30.
10. Заметки еврейской истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/> (дата обращения: 12.05.2018).
11. Занд Ш. Кто и как изобрёл еврейский народ. Блеск и нищета — политика формирования идентичности в Израиле [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litresp.ru/chitat/ru/3/zand-shlomo/kto-i-kak-izobryol-evrejskij-narod/9> (дата обращения: 02.04.2018).
12. Занемонец А. Русско-еврейская молодежь в поисках религиозной идентичности // Русскоязычное еврейство в современном мире: ассимиляция, интеграция и общинная жизнь", 14-16 июня 2004. университет Бар Илан., Израиль [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Iudaizm/Article/Zanem_RussEvrMol.php (дата обращения: 10.04.2018).
13. Зисельс Й. Парадоксы и проблемы еврейской идентичности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vaadua.org/news/iosif-zisels-paradoksy-i-problemy-evreyskoj-identichnosti-lekciya> (дата обращения: 10.05.2018).

14. Идентичность, которую мы выбираем [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://booknik.ru/today/from-the-other-side/identichnost/> (дата обращения: 09.02.2018).
15. Как отличить еврея от нееврея? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vgil.ru/2012/05/26/dni-evreyskoy-identichnosti-problema/> (дата обращения: 08.04.2018).
16. Киммерлинг Б. Светское еврейское израильское мировоззрение и его корни [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oranim.ac.il/Site/ru/General.aspx?l=4&id=2100>. (дата обращения: 11.03.2018).
17. Лебон Г. Психология психология народов и масс. СПб.1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/309/psihologia.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).
18. Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов. СПб.: Типография К.В. Трубникова, 1874. 1184 с.
19. Лихачев В. Евреи небесной сотни. Помним русский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vaadua.org/news/vyacheslav-lihachev-evrei-nebesnoy-sotni-romnim> (дата обращения: 11.05.2018).
20. Ляужева С. А., Нагой А. А. Религиозная идентичность в современной культуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psibook.com/religion/religioznaya-identichnost-v-sovremennoy-kulture.html> (дата обращения: 13.04.2018).
21. Макдональд К. Участие евреев в психоаналитическом движении [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/macdonald.htm> (дата обращения: 12.05.2018).
22. «Мы не расейские — мы сибиряки!» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alefmagazine.com/pub2682.html> (дата обращения: 08.05.2018).
23. Национальная политика и еврейская идентичность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://jewishfreedom.jimdo.com/национальная-политика-и-еврейская-идентичность/> (дата обращения: 12.05.2018).

24. Неер Р. И. Алкалай и Ц. Калишер [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jhistory.nfurman.com/lessons8/street28.htm> (дата обращения: 23.04.2018).
25. Необоснованные отказы в предоставлении израильского гражданства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://passport-israel.com/необоснованные-отказы-в-предоставле/> (дата обращения: 07.03.2018).
26. Новомейский М. А. «От Байкала до Черного моря» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novomeysky.narod.ru/mose/book/oglav.htm> (дата обращения: 11.05.2018).
27. Ноздрин Г. А. Взаимоотношения русского и еврейского населения Сибири во второй половине XIX - начале XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/019.html> (дата обращения: 12.04.2018).
28. Панкратова Е. В. Религиозность и религиозная самоидентификация [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-> (дата обращения: 12.02. 2018).
29. Печенин И. В. Еврейская партийная пресса в Российской империи: особенности понятия еврейской идентичности // Гуманитарный вестник, 2015. Вып. 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hmbul.ru/catalog/hum/histarch/323.html> (дата обращения: 10.05.2018).
30. Пинскер Л. Автоэмансипация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.balandin.net/Pinsker.htm> (дата обращения: 08.04.2018).
31. Подборка материала Людмилы Клигман. Оставаться евреями [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.migdal.org.ua/> (дата обращения: 12.03.2018).
32. Полонский П. Эволюция идеологии сионизма (19-20 в.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.migdal.org.ua/times/76/6722/?&print=1> (дата обращения: 14.04.2018).

33. Редактор газеты "Русское Забайкалье" обвиняется в "разжигании" экстремизма [Электронный ресурс]. Чита, 2009. Режим доступа: <http://rys-arhipelag.ucoz.ru/news/2009-01-20-8> – Загл. с экрана. (дата обращения: 03.02.2018).
34. Романенко В., Никитина Г. Менталитет и религия [Электронный ресурс] // Электронный научный семинар: Междисциплинарное культурно-просветительское и научное общение. – Режим доступа: http://www.elektron2000.com/roman_nikit_0247.html (дата обращения: 10.04.2018)
35. Россия. Евреи в русской культуре и науке и в российской общественно-политической жизни (до 1917 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eleven.ort.org/jews-of-russia-and-ussr/general-information/15444/> (дата обращения: 08.04.2018).
36. Ротштайн Э. Американские евреи - евреи или американцы? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://grimnir74.livejournal.com/6475037.html> (дата обращения: 12.05.2018).
37. Русские и нерусские - грань – евреи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://antifashyst.narod.ru/javr.html> (дата обращения: 09.05.2018).
38. Русского Забайкалья больше нет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=58024&mode=thread&order=0&thold=0>. (дата обращения: 03.02.2018).
39. Севастьянов А. Еврейская мафия – угроза человечеству [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravda-pravo.ru/forum/index.php?topic=795.0> (дата обращения: 14.03.2018).
40. Толстой Л. Н. О евреях. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maxpark.com/community/129/content/3712651> (дата обращения: 10.05.2018).
41. Фишберг М. Евреи — исследование расы и окружающей среды [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coollib.net/b/112158> (дата обращения: 14.05.2018).

42. Флавий И. Иудейские древности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/iudeiskie_drevnosti/ (дата обращения: 18.04.2018).

43. Шадрин Р. Замечательный сосед. Евреи. Интервью с Б. Л. Ереминым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.chita.ru/articles/58341/> (дата обращения: 12.05.2018).

44. Шакурова Г. Р. Этническая идентичность, как вид социальной идентичности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=2060 (дата обращения: 22.03. 2018).

45. Шелег Я. Государство, религия и еврейская идентичность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://madan.org.il/ru/news/gosudarstvo-religiya-i-evreyskaya-identichnost> (дата обращения: 27.03. 2018).

46. Ханин В. Философия и арифметика израильских выборов // Институт Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru> [Электронный ресурс]. (дата обращения: 02.04.2018).

47. Хаузен Э. Только еврейская идентичность - никакой другой [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.israelreport.ru/context/2115/-tolko-evreiskaya-identichnost-nikakoi-drugoi-> (дата обращения: 12.05.2018).

46. Чернин В. Евреи-субботники как субэтническая группа [Электронный ресурс]. Режим <https://subotnikjews.wordpress.com/2013/01/03/evrei-subbotniki-kak-subetnicheskaia-gruppa/> (дата обращения: 13.04.2018).

47. Черный И. Горские евреи Терской области. Краткие исторические сведения 1869 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/799052-kavkazskie-evrei-gorcy/toread> (дата обращения: 12.05.2018).

48. Четверикова Н. Россия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alefmagazine.com/pub2682.html> (дата обращения: 11.04.2018).

49. Этническая, религиозная и гражданская идентичность и толерантность московской молодежи (на примере русской и еврейской выборок) [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/60/index-177606-17.html> (дата обращения: 12.10.2017).

50. Эттингер Ш. История еврейского народа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://abook-club.ru/index.php/t54161.html> (дата обращения: 22.04.2018).

51. Aquinas T. "Letter on the Treatment of Jews" (1271) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ccjr.us/dialogika-resources/primary-texts-from-the-history-of-the-relationship/268-aquinas> (дата обращения: 23.04.2018).

52. Azria R. Rozen (Minna) Jewish Identity and Society in the Seventeenth Century. Reflections on the Life and Work of Raphael Mordekhai Malki (1993) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.persee.fr/doc/assr_0335-5985_1993_num_84_1_1504_t1_0328_0000_5 (дата обращения: 13.04.2018).

53. Pinto D. The Third Pillar? Towards an European Jewish Identity [Электронный ресурс]. Режим доступа // http://web.ceu.hu/jewishstudies/pdf/01_pinto.pdf. (дата обращения: 22.03.2018).